

3 1761 04621899 6

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ А. М. МАРИИ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

III
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
Polnoe sobranie
СОЧИНЕНІЙ

sobraniey
Н. С. ЛѢСКОВА.

—|—
12d. 3
ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета ЛѢскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

—|—
t. 13²15
ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

—|—
551734
27 10 52
Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ВОИТЕЛЬНИЦА.

О ЧЕРКЪ.

Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой,
И смерть есть новый въ ней урокъ.

Ан. Майковъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

— Э, ге-ге-ге! Нѣтъ, ужь ты, батюшка мой, со мною, сдѣлай милость, не спорь!

— Да отчего это, Домна Платоновна, не спорить-то? Что вы это, въ самомъ дѣлѣ, за привычку себѣ взяли, что никто противъ васъ ужь и слова не смѣи ликнуть?

— Нѣтъ, это не я, а вы-то всё что себѣ за привычки позволяете, что обо всемъ сейчасъ готовы спорить! Погоди еще, братъ, поживи съ мое, да тогда и спорь; а пока человѣкъ жилъ мало, или всѣхъ петербургскихъ обстоятельствъ какъ слѣдуетъ не понимаетъ, такъ ему—мой совѣтъ — сидѣть да слушать, что говорятъ другіе, которые постарше и эти обстоятельства знаютъ.

Этакъ каждый разъ останавливала меня моя добрая приятельница, кружевница Домна Платоновна, когда я въ чемъ-нибудь не соглашался съ ея мнѣніями о свѣтѣ и людяхъ. Этакъ же она останавливала и всякаго другого изъ своихъ знакомыхъ, если кто изъ нихъ какъ-нибудь дерзалъ выражать какія-нибудь свои замѣчанія, несогласныя съ убѣжденіями Домны Платоновны. А знакомство у Домны Платоновны было самое обширное, по собственному ея выраженію, даже «необъятное», и притомъ самое разнокашперное.

Приказчики, графы, князья, камеръ-лакеи, кухмистеры, актеры и купцы именитые,—словомъ, всякаго званія и всякой породы были у Домны Платоновны знакомые, а что про женскій полъ, такъ о немъ и говорить нечего. Домна Платоновна женскимъ поломъ даже никогда не хвалилась.

— Женскій полъ,—говорила она, когда такъ уже къ слову выпадеть:—миѣ, вотъ какъ онъ миѣ весь извѣстенъ!

При этомъ Домна Платоновна сожметъ, бывало, горсть и показываетъ.

— Вотъ онъ, говоритъ. — женскій-то полъ гдѣ у меня, весь въ одномъ суставѣ сидитъ.

Столь обширное и разнообразное знакомство Домны Платоновны, составленное ею въ такомъ городѣ, какъ Пестербургъ, было для многихъ предметомъ крайняго удивленія, и эти многіе даже съ нѣкоторымъ благоговѣннымъ страхомъ спрашивали:

— Домна Платоновна! какъ это вы, матушка?..

— Что такое?

— Да что вы со всѣми знакомы?

— Да, мой другъ, со всѣми; почти рѣшительно со всѣми.

— Какими же это случаями и по какой причинѣ...

— А все своей простотой, рѣшительно одной простотой,—отвѣчаетъ Домна Платоновна.

— Будто одной простотой?

— Да, другъ мой, всѣ меня любятъ, потому что я проста необыкновенно, и черезъ эту свою простоту, да черезъ доброту много я на свѣтѣ видѣла всякаго горя, много я обидъ приняла. много клеветы всяческой оттерпѣла и не разъ даже, сказать тебѣ, была бита, чтобы такъ не очень бита, но въ концѣ всего люди любятъ.

— Ну, ужъ зато же и свѣтъ вы хорошо знаете.

— А ужъ что, мой другъ, свѣтъ этотъ подлый я знаю, такъ точно знаю. На ладониѣ вотъ теперь, кажется, каждую шельму вижу. Только опять тебѣ скажу—нѣтъ...—добавить, смущаясь и задумываясь, Домна Платоновна.

— Что жъ еще такое?

— А то, другъ мой,—отвѣчаетъ она, вздохнувши:— что нынче все новое выдумываютъ, и еще больше всякій человекъ ухитряется.

— Какъ же и чѣмъ онъ ухитряется, Домна Платоновна?

— А такъ и ухитряется, что ты его нынче, человекъ-то,

съ головы поймашь, а онъ, гляди, къ тебѣ съ ногъ подходитъ. Удивительно это даже, ей-Богу, какъ это сколько пошло обмановъ да выдумокъ: одинъ такъ выдумываетъ, а другой еще лучше того превзойти хочеть.

— Будто ужъ-таки вездѣ одинъ обманъ на свѣтѣ, Домна Платоновна?

— Да ужъ нечего тебѣ со мною спорить: на чемъ же, по-твоему, нынѣшній свѣтъ-то стоить? — на обманѣ да на лукавствѣ.

— Ну, есть же, все-таки, и добрые люди на свѣтѣ.

— На кладбищахъ, между родителей, можетъ-быть, есть и добрые; ну, только проку-то по нихъ мало; а что ужъ изъ живой-то изъ всей нынѣшней сволочи—все одно качество: отвратъ да и только.

— Что жъ это такъ, Домна Платоновна, по-вашему, выходитъ, что все ужъ теперь плутъ на плутѣ и никому ужъ и вѣрить нельзя?

— А вѣдь это, батюшка, никому не запрещено вѣрить-то; вѣрь, сдѣлай одолженіе, если тебя охота беретъ. Я вонъ генеральшѣ Шемельфеникѣ вѣрила; двадцать семь аршинъ кружевовъ ей повѣрила, да пришла анадмедни, говорю: «старый должокъ, ваше превосходительство, позвольте получить», а она говоритъ: «я тебѣ отдала». — «Никакъ нѣтъ, говорю, никогда я отъ васъ этихъ денегъ не получала», а она еще какъ крикнетъ: «какъ ты, говоритъ, смѣешь, мерзавка, мнѣ такъ отвѣчать? Вонъ ее!» говоритъ. Лакей меня сейчасъ, ту жъ минуту, подъ ручки, да и на солнышко, да еще штучку кружевцовъ тамъ позабыла (спасибо, дешевенькія). Вотъ ты имъ и вѣрь.

— Ну, что жъ, говорю,—вѣдь это одна жъ такая!

— Одна! нѣтъ, батюшка, не одна, а легіонъ имъ имя-то сказывается. Это вѣдь въ первыя времена-то, какъ крестьяне у дворянъ были, ну, точно, въ тогдашнее время воровство будто до низкаго сословія все больше принадлежало; а какъ нонче, когда крестьянъ не стало, господа и сами тоже этимъ ничуть не гнушаются. Всѣмъ, вѣдь, извѣстно, какое лицо на балѣ брильянтовое колю сфендриль... Да, милый, да, нынче никто не спускаетъ. Вонъ тоже Караулова, Авдотья Петровна, поглядѣть на нее, чѣмъ не барыня, а воротничокъ на дачѣ у меня въ глазахъ украла.

— Какъ, говорю,—украла? Что вы это, матушка, Домна

Платоновна, вспомните, что вы говорите-то? Какъ это дамѣ красть?

— А такъ себѣ просто, какъ крадутъ, такъ и украла. Еще ты то скажи, что я это ту жъ самую минуту замѣтила и вѣжливо, политично ей говорю: «извините, говорю, сударыня, не обронила ли я здѣсь воротничка, потому что воротничка, говорю, одного нѣтъ». Такъ она сейчасъ на эти слова хватъ меня по наружности и отпечатала. «Вывести ее! говоритъ лакею; очень просто—и вывели. Говорю лакею: «милостивый государь! самъ ты, говорю, служашій человѣкъ. самъ, сказываю, посуди, голубчикъ, вѣдь свое добро, вѣдь жалко мнѣ!» А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «что, говоритъ, жалко. когда у нея привычка такая!» Вотъ тебѣ только всего и скажу. Она теперь въ своемъ званіи всякія привычки себѣ позволяетъ, а ты, бѣдный человѣкъ, молчи.

— И что жъ вы изъ всего этого, Домна Платоновна, выводите?

— А что, батюшка, мнѣ выводить! Не мое дѣло никого выводить, когда меня самоѣ выводятъ; а что народъ плути и весь плутомъ взялся, противъ этого ты со мной, пожалуйста, лучше не спорь, потому я ужъ, слава Тебѣ, Господи, я нонче только взгляну на человѣка, такъ вижу, что онъ въ себѣ замыкаетъ.

И попробовали бы вы послѣ этого Домнѣ Платоновнѣ возражать! Нѣтъ, ужъ какой вы тамъ ни будьте диалектикъ. а ужъ Домна Платоновна васъ все-таки переспоритъ; ничѣмъ ее не убѣдите. Одно развѣ: приказали бы ее вывести; ну, тогда другое дѣло, а то непременно переспорить.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я непременно долженъ отрекомендовать моимъ читателямъ Домну Платоновну какъ можно подробнѣе.

Домна Платоновна росту невысокаго, и даже очень невысокаго, а скорѣе совсѣмъ низенькая, но всѣмъ она показывается человѣкомъ крупнымъ. Этотъ оптический обманъ происходитъ оттого, что Домна Платоновна, какъ говорятъ, воперекъ себя шире, и чѣмъ вверхъ не доросла, тѣмъ вширь беретъ. Здоровьемъ она не хвалится, хотя никто ее больною не помнитъ и на видъ она гора-горою ходитъ; одна грудь такъ такое изъ себя представляетъ, что даже ужасно, а сама она, Домна Платоновна, все жалуется.

— Дама я, говорить, — изъ себя хотя, точно, полная, но настоящей крѣпости во мнѣ, какъ въ другихъ-прочихъ, никакой нѣтъ, и сонъ у меня — самый страшный сонъ, — аридовъ. Чуть я лягу, сейчасъ онъ меня оморить, и хоть ты послѣ этого возьми меня да воробьямъ на пугало выставь, пока волю не выплусь — ничего не почувствую.

Могучій сонъ свой Домна Платоновна также считала однимъ изъ недуговъ своего полного тѣла и, какъ ниже увидимъ, не мало отъ него перенесла горестей и несчастій.

Домна Платоновна очень любила прибѣгать къ медицинскимъ совѣтамъ и въ подробности описывать свои немощи, но лѣкарствъ не принимала и вѣрила въ одиѣ только гарлемскія капли, которыя называла «гаремскими каплями» и пузырекъ съ которыми постоянно носила въ правомъ карманѣ своего шелкового капота. Лѣтъ Домнѣ Платоновнѣ, по ея собственному показанію, все вертѣлось около сорокапяти, но, по свѣжему ея и бодрому виду, сѣ никакъ нельзя было дать болѣе сорока. Волосы у Домны Платоновны въ пору перваго моего съ нею знакомства были темнокоричневые — сѣдого тогда еще ни одного не было замѣтно. Лицо у нея бѣлое, щеки покрыты здоровымъ румянцемъ, которымъ, впрочемъ, Домна Платоновна не довольствуется и еще покупаетъ въ Пассажѣ, по верхней галлерей, такія французскія карточки, которыми усиливаетъ свой природный румянецъ, не поддавшійся до сихъ поръ никакимъ горестямъ, ни финскимъ вѣтрамъ и туманамъ. Брови у Домны Платоновны словно какъ будто изъ чернаго атласа наложены: черны несказанно и блестятъ ненатуральнымъ блескомъ, потому что Домна Платоновна сильно наводитъ ихъ чернымъ фиксагаромъ и вытягиваетъ между пальчиками въ шнурочекъ. Глаза у нея какъ есть двѣ черныя сливы, окропленныя возбуждительною утреннею росой. Одинъ нашъ общій знакомый, плѣнный турокъ Испулатъ, привезенный сюда во время Крымской войны, никакъ не могъ спокойно созерцать глаза Домны Платоновны. Такъ, бывало, и заколотится какъ бѣсноватый, такъ и закричитъ:

— Ай, грецкая глаза, совсѣмъ грецкая!

Другая на мѣстѣ Домны Платоновны, разумѣется, за честь бы себѣ такой отзывъ поставила; но Домна Платоновна никогда на эту турецкую лесть не поддавалась и всегда горячо отстаивала свое непогрѣшимо-русское происхожденіе.

— Врешь ты, рожа твоя некрещеная! врешь, лягушка ты пузатая!—отвѣчаетъ она, бывало, весело турку:—я своего собственнаго поколѣнія извѣстнаго; да и у насъ въ своемъ мѣстѣ даже и грековъ-то этихъ въ заводѣ совсѣмъ нѣтъ. и никогда ихъ тамъ не было.

Носъ у Домны Платоновны былъ не носъ, а носикъ, такой небольшой, стройненькій и пряменькій, какіе только ошибкой иногда зарождаются на Окѣ и на Зушѣ. Ротъ у нея былъ-таки великонекъ: видно было, что круглою ложкою въ дѣтствѣ кушала; но ротъ былъ пріятный, такой свѣженькій, очертаніе правильное, губки алыя, зубы какъ изъ молодой рѣдьяи вырѣзаны, — однимъ словомъ, даже и не на островѣ необитаемомъ, а еще даже и среди града многлюднаго съ Домной Платоновной поцѣловаться охотнику до поцѣлуевъ было весьма не злключительно. Но высшую прелесть лица Домны Платоновны, безспорно, составляли ея персиковый подбородокъ и общее выраженіе, до того мягкое и дѣтское, что если бы васъ когда-нибудь взяла охота поразмыслить: какъ-таки, при этой безднѣ простодушія, разлитой по всему лицу Домны Платоновны, съ языка ея постоянно не сходитъ рѣчь о людскомъ ехидствѣ и злобѣ? — такъ вы бы непременно сказали себѣ: «будь ты, однако, Домна Платоновна, совсѣмъ отъ меня проклята, потому что, чортъ тебя знаетъ, какія мнѣ по твоей милости задачи приходятъ!»

Нрава Домна Платоновна была самага общительнаго, веселаго, добраго, необидчиваго и простодушно-суевѣрнаго. Характеръ у нея былъ мягкій и стоворчивый; натура въ основаніи своемъ честная и довольно прямая, хотя, разумѣется, была у нея, какъ у русскаго человѣка, и маленькая лукавинка. Трудъ и хлопоты были сферою, въ которой Домна Платоновна жила безвыходно. Она вѣчно суетилась, вѣчно куда-то бѣжала, о чемъ-то думала, что-то такое соображала или приводила въ исполненіе.

— На свѣтѣ я живу однимъ-одна, одною своей душевнкой, ну, а все-таки жизнь, для своего пропитанія, веду самую прекратительную, — говорила Домна Платоновна:—мычусь я какъ угорѣлая кошка по базару, и если не одинъ, то другой меня за хвостъ безпрестанно такъ и ловятъ.

— Всѣхъ дѣлъ вѣдь сразу не передѣлаете, — скажешь ей, бывало.

— Ну, всёхъ, хоть не всёхъ, отвѣчаетъ: — а все же вѣдь ужасно это какъ, я тебѣ скажу, отяготительно, а пока что прощай — до свиданья: люди ждутъ. въ семи мѣстахъ ждутъ, — и сама, дѣйствительно, такъ и побѣжить скороходью.

Домна Платоновна нерѣдко и сама сознавала, что она не всегда трудится для своего единаго пропитанія, и что отяготительные труды ея и ея прекратительная жизнь могли бы быть значительно облегчены безъ всякаго ущерба ея прямымъ интересамъ; но никакъ она не могла воздержать свою хлопотливость.

— Завистна ужъ я очень на дѣло; сердце мое даже взграеть, какъ вижу дѣло какое есть.

Завистна Домна Платоновна именно была только на хлопоты, а не на плату. Къ заработку своему, напротивъ, она иногда относилась съ какимъ-то удивительнымъ равнодушіемъ.

«Обманулъ, варвары!» или «обманула, варварка!» бывало, только отъ нея и слышишь, а глядишь, ужъ и опять она бѣгаетъ и распинается для того же варвара и для той же варварки, впередъ предсказывая самой себѣ, что они и опять непременно надуютъ.

Хлопоты у Домны Платоновны были самыя разнообразныя. Официально она, точно, была только кружевница, то есть мѣщанки, бѣдныя купчихи и поповны насылали ей «изъ своего мѣста» разные воротнички, кружева и манжеты: она продавала эти произведенія въ разность по Петербургу, а лѣтомъ по дачамъ. и вырученныя деньги, за удержаніемъ своихъ процентовъ и лишковъ, высылала «въ свое мѣсто». Но, кромѣ кружевной торговли, у Домны Платоновны были еще другія приватныя дѣла, при орудованіи которыхъ кружева и воротнички играли только роль пропускного вида.

Домна Платоновна сватала, пріискивала жениховъ невѣстамъ, невѣсть жепихамъ; находила покупателей на мебель, на надѣванные дамскія платья; отыскивала деньги подъ заклады и безъ закладовъ; ставила людей на мѣста вкунно отъ гувернерскихъ до дворническихъ и лакейскихъ; заносила записочки въ самыя извѣстные салоны и будуары, куда городская почта и подумать не смѣетъ проникнуть, и приносила отвѣты отъ такихъ дамъ, отъ которыхъ несетъ только крещенскимъ холодомъ и благочестіемъ.

Но, несмотря на все свое досужество и связи, Домна Платоновна, однако, не озолотилась и не осеребрилась. Жила она въ дѣстаткѣ, одѣвалась, по собственному ея выраженію, «новѣжно», и въ кускѣ себѣ не отказывала, но денегъ все-таки не имѣла, потому что, во-первыхъ, очень она зарывалась своей завистностью къ хлопотамъ и часто се добрые люди обманывали, а потомъ и съ самыми деньгами у нея выходили какія-то мудренныя оказіи.

Главное дѣло, что Домна Платоновна была художница—увлекалась своими произведеніями. Хотя она рассказывала, что все это она трудится изъ-за хлѣба насущнаго, но все-таки это было несправедливо. Домна Платоновна любила свое дѣло какъ артистка: скомпоновать, собрать, состряпать и полюбоваться дѣлами рукъ своихъ,—вотъ что было главное, и за этимъ просматривались и деньги, и всякія другія выгоды, которыхъ особа болѣе реалистическая ни за что бы не просмотрѣла.

Впала въ свою колею Домна Платоновна ненарокомъ. Сначала она смиренно таскала свои кружева и вовсе не помышляла о сопряженіи съ этимъ промысломъ какихъ бы то ни было другихъ занятій: но столица волшебная преобразила нелѣпую мценскую бабу въ того тонкаго фактотума, какимъ я зазналъ драгоценную Домну Платоновну.

Стала Домна Платоновна смекать на всѣ стороны и проникать всюду. Пошло это у нея такъ, что не проникнуть куда бы то ни было Домнѣ Платоновнѣ было даже невозможно: всегда у нея на рученкѣ вышитый сакволжъ съ кружевами, сама она въ новенькомъ шелковомъ капотѣ; на шеѣ кружевной воротничокъ съ большими городками, на плечахъ голубая французская шаль съ бѣлою каймою; въ свободной рукѣ бѣлый, какъ кипень, голландскій платочекъ, а на головѣ либо фіолетовая, либо серизовая гроденаплевая повязочка, ну, однимъ словомъ, прелесть дама. А лицо! — само смиренство и благочестіе. Лицомъ своимъ Домна Платоновна умѣла владѣть какъ ей угодно.

— Безъ этого,—говорила она:—никакъ въ нашемъ дѣлѣ и невозможно: надо виду не показывать, что ты Ананья, или каналья.

Къ тому же и обращеніе у Домны Платоновны было тонкое. Ни за что, бывало, она въ гостиной не скажетъ, какъ другіе, что «была, дескать, я во всенародной банѣ»,

а выразится, что «имѣла я, сударь, счастье вчера быть въ безтѣлесномъ маскарадѣ»; о беременной женщицѣ ни за что не брякнетъ, какъ другіе. что она, дескать, беременна, а скажетъ: «она въ своемъ марьяжномъ интересѣ», и тому подобное.

Вообще была дама съ обращеніемъ и, гдѣ слѣдовало, умѣла задать тону своей образованностью. Но, при всемъ этомъ, надо правду сказать, Домна Платоновна никогда не заносилась и была, что называется, своему отечеству патриотка. По узости политическаго горизонта Домны Платоновны, и самый патриотизмъ ея былъ самый узкій, то-есть она считала себя обязанною хвалить всѣмъ орловскую губернію и всячески привѣчать и обласкивать каждаго человѣка «изъ своего мѣста».

— Скажи ты мнѣ,—говорила она:—что это такое значить: знаю вѣдь я, что наши орловцы первые на всемъ свѣтѣ воры и мошенники; ну, а все какой ты ни будь шельма изъ своего мѣста, будь ты хуже турки Испулатки лупоглазаго, а я его не брошу и ни на какого самаго честнаго изъ другой губерніи промѣнять несогласна?

Я ей на это отвѣчать не умѣла. Только, бывало, оба удивляемся:

— Отчего это въ самомъ дѣлѣ?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мое знакомство съ Домной Платоновной началось по пустому поводу. Жилъ я какъ-то на квартирѣ у одной полковницы, которая говорила на шести европейскихъ языкахъ, не считая польскаго, на который она сбивалась со всякаго. Домна Платоновна знала ужасно много такихъ полковницъ въ Петербургѣ и почти для всѣхъ ихъ обдѣлывала самыя разнообразныя дѣлишки: сердечныя, карманныя и совокупно карманно-сердечныя и сердечно-карманныя. Моя полковница была, впрочемъ, дѣйствительно дама образованная, знала свѣтъ, держала себя какъ нельзя приличнѣе, умѣла представить, что уважаетъ въ людяхъ ихъ прямыя человѣческія достоинства, много читала, приходила въ неподдѣльный восторгъ отъ поэтовъ и любила декламировать изъ «Маріи» Мальчевскаго:

«Во на tym swiecie, smierć wszystko zmiecie.

Robak sie legnie i w bójnym kwiecie» *).

*) Потому что на этомъ свѣтѣ смерть все уничтожить,
И въ пышномъ цвѣткѣ гнѣздится червякъ.

Я видѣлъ Домну Платоновну первый разъ у своей полковницы. Дѣло было вечеромъ; я сидѣлъ и пилъ чай, а полковница декламировала мнѣ:

«Bo na tym swiecie, smierć wszystko zmiecie.
Robak się legnie i w bujnym kwiecie.»

Домна Платоновна вошла, помолилась Богу, у самыхъ дверей поклонилась на всѣ стороны (хотя, кромѣ насъ двухъ, въ комнатѣ никого и не было), положила на столъ свой саквояжъ и сказала:

— Ну, вотъ, миръ вамъ, и я къ вамъ!

Въ этотъ разъ на Домнѣ Платоновнѣ были шелковый коричневый канотъ, воротничокъ съ язычками, голубая французская шаль и серизовая гроденаплевая повязочка, словомъ весь ея мундиръ, въ которомъ читатели и имѣютъ представлять се теперь своему художественному воображенію.

Полковница моя очень ей обрадовалась и въ то же время при появленіи ея будто немножко покраснѣла, но привѣтствовала Домну Платоновну дружески, хотя и съ немалымъ тактомъ.

— Что это васъ давно не видно было, Домна Платоновна?—спрашивала ее полковница.

— Все, матушка, дѣла, — отвѣчала, усаживаясь и осматривая меня, Домна Платоновна.

— Какія у васъ дѣла?

— Да вѣдь вотъ тебѣ, да другой такой-то, да третьей, всѣмъ вамъ кортить, всѣмъ и угодить надо; вотъ тебѣ и дѣла.

— Ну, а то дѣло, о которомъ ты меня просила-то, помнишь...—начала Домна Платоновна, хлебнувъ чайку.—Была я наемднн... и говорила...

Я всталъ проститься и ушелъ.

Только всего и встрѣчи моей было съ Домной Платоновной. Кажется, знакомству бы съ этого завязаться весьма трудно, а оно, однако, завязалось.

Снжу я разъ послѣ этого случая дома, а кто-то стукъ-стукъ-стукъ въ двери.

— Войдите, — отвѣчаю, не оборачиваясь.

Слышу, что-то широкое вползло и ворочается. Оглянулся — Домна Платоновна.

— Гдѣ жъ, говорить, — милостивый государь, у тебя здѣсь образъ виситъ?

— Вонъ, говорю,—въ углѣ, надъ шторой.

— Польскій образъ, или нашъ, христіанскій?—опять спрашиваетъ, приподнимая потихоньку руку.

— Образъ, отвѣчаю,—кажется, русскій.

Домна Платоновна закрыла глаза горсточкой. долго всматривалась въ образъ и, наконецъ, махнула рукою,— дескать. «все равно!»—и помолится.

— А узелочекъ мой, говорить,—гдѣ можно положить?—и оглядывается.

-- Положите, говорю,—гдѣ вамъ понравится.

— Вотъ, тутъ-то, отвѣчаетъ,—на диванѣ его пока положу.

Положила саквояжъ на диванъ и сама сѣла.

«Милый гость, думаю себѣ, безцеремонливый».

-- Этакіе нынче образки маленькіе,—начала Домна Платоновна: — въ моду пошли, что ничего и не размотришь. Во всѣхъ это аристократовъ все маленькіе образки. Какъ это не хорошо.

— Чѣмъ же это вамъ такъ не нравится?

— Да, какъ же: вѣдь это, значитъ, они Бога прычутъ, чтобъ совсѣмъ и не найти Его.

Я промолчала.

— Да, право,—продолжала Домна Платоновна:—образъ долженъ быть въ свою мѣру.

— Какая же, говорю,—мѣра, Домна Платоновна, на образъ установлена?—и самъ, знаете, вдругъ сталъ чувствовать себя съ ней, какъ со старой знакомой.

— А какъ же! — возговорила Домна Платоновна: — посмотри-ка ты, милый другъ, у купцовъ: у нихъ всегда образъ въ своемъ видѣ, ланпадь и сіяніе... все это какъ должно. А это, значитъ, госнода сами отъ Бога бѣжать и Богъ отъ нихъ далече. Вотъ нынче на Святой была я у одной генеральши... и при мнѣ камердинеръ ея входитъ и докладываетъ, что священники, говорить, пришли.

— Отказать,—говорить.

— Зачѣмъ, говорю ей,—не отказывайте—грѣхъ.

— Не люблю, говорить,—я поповъ.

— Ну, что жъ, ея, разумѣется, воля; пожалуй себѣ, отказывай, только вѣдь ты не любишь посланнаго, а тебя и посланній любить не будетъ.

— Вонъ. говорю,—какая вы, Домна Платоновна, разсудительная!

— А нельзя, отвѣчаетъ, — мой другъ, нынче безъ разсужденія. Что ты, сколько за эту комнату платишь?

— Двадцать пять рублей.

— Дорого.

— Да и мнѣ кажется дорого.

— Да что жъ, говорить,—не переѣдешь?

— Такъ, говорю,—возиться не хочется.

— Хозяйка хороша?

— Нѣтъ, полноте, говорю,—что вы тамъ съ хозяйкой.

— Цъ-ты! Говори-ка, братъ, кому-нибудь другому, да не мнѣ: я знаю, какіе всѣ вы шельмы.

«Ничего, думаю, — отлично ты, гостя дорогая, выражаешься.»

— Онѣ, впрочемъ, полячки-то эти ловкія тоже,—продолжала, зѣвнувъ и крестя ротъ, Домна Платоновна,—онѣ это съ разсужденіемъ дѣлаютъ.

— Напрасно, говорю, — вы, Домна Платоновна: такъ о моей хозяйкѣ думаете: она женщина честная.

— Да тутъ, другъ милый. и безчестія ей никакого нѣтъ: она человекъ молодой.

— Рѣчи ваши, говорю. — Домна Платоновна. умныя и справедливыя, но только я-то тутъ ни при чемъ.

— Ну, былъ ни при чемъ, сталъ городничѣмъ; знаю ужъ я эти петербургскія обстоятельства, и мнѣ толковать про нихъ нечего.

«И вправду, думаю,—тебя, матушка не разувѣришь.»

— А ты ей помогай, — плати, моль, за квартиру-то, — говорила Домна Платоновна, пригинаясь ко мнѣ и ударяя меня слегка по плечу.

— Да какъ же, говорю,—не платить?

— А такъ — знаешь, вашъ братъ, какъ осѣнитъ нашу сестру, такъ и норовитъ сейчасъ все на ея счетъ...

— Полноте, что это вы!—останавливаю Домну Платоновну.

— Да, дружокъ, наша-то сестра, особенно русская, въ любви-то куда вѣдь она глупа: «на, мой соколъ, тебѣ», готова и мясо съ костей срѣзать да отдать; а вашъ братъ, шаматонъ, этимъ и пользуется.

— Да полноте вы, Домна Платоновна, какой я ей любовникъ?

— Нѣтъ, а ты ее жалѣй. Вѣдь если такъ-то посудить, вѣдь жалка. ей-Богу же, другъ мой, жалка наша сестра! Нашу сестру ужъ какъ бы надо было бить да драть, чтобъ она отъ васъ, поганцевъ, подальше береглась. И что это такое, скажи ты, за мудрено сотворено, что мѣръ весь этими соглядатаими, мужчинами, преполненъ!.. На чтò они? А опять посмотришь, и безъ нихъ все будто какъ скучно: какъ будто подъ иную пору словно тебѣ и недостаетъ чего. Чорта въ стулѣ, вотъ чего недостаетъ!—разсердилась Домна Платоновна, плюнула и продолжала: я вонъ такъ-то разъ прихожу къ полковницѣ Домуховской... не знавалъ ты ее?

— Нѣтъ, говорю,—не знавалъ.

— Красавица.

— Не знаю.

— Изъ полячекъ.

— Такъ что жъ, говорю, — развѣ я всѣхъ полячекъ по Петербургу знаю?

— Да она не изъ самыхъ настоящихъ полячекъ, а крепчая, —нашей вѣры!

— Ну, вотъ и знай ее, какая такая есть госпожа Домуховская не изъ самыхъ полячекъ, а нашей вѣры. Не знаю, говорю.—Домна Платоновна; рѣшительно не знаю.

— Мужъ у нея докторъ.

— А она полковница?

— А тебѣ это въ диковину, что-ль?

— Ну-съ, ничего, говорю,—что же дальше?

— Такъ она съ мужемъ-то съ своимъ, понимаешь, поштыкалась.

— Какъ это поштыкалась?

— Ну, будто не знаешь, какъ значить въ чемъ-нибудь не уговорились, да сейчасъ шинокъ-пшикъ, да и въ разные стороны. Такъ и сдѣлала эта Леканидка.

«— Очень, говорить, — Домна Платоновна, онъ у меня нравень».

Я слушаю, да головой качаю.

«— Капризовъ, говорить,—я его сносить не могу: нервы мои, говорить,—не выносятся».

Я опять головою качаю.

«Что это, думаю, у нихъ нервы за стервы, и отчего у насъ этихъ нервовъ нѣтъ?»

— Прощю этакъ съ мѣсяць, смотрю, смотрю — моя барыня квартиру сняла: «жильцовъ, говоритъ, буду пущать».

«Ну, что жъ, думаю, — надоѣло играть косточкой, покатай желвачокъ; не умѣла жить за мужней головой, такъ поживи за своей: пригонить мужа и къ поганой лужѣ, да еще будешь пить да похваливать.»

— Прихожу къ ней опять черезъ мѣсяць, гляжу—жилецъ у нея есть, такой изъ себя мужчина видный, ну, только худой и этакъ немножко осповать.

«— Ахъ, говоритъ,—Домна Платоновна, какого мнѣ Богъ жильца послалъ — деликатный, образованный и добрый такой, всѣми моими дѣлами занимается.»

— Ну, деликатиться-то, молъ, они нынче всѣ ужъ, матушка, выучились, а когда во всѣ твои дѣла ужъ онъ вошелъ, такъ и на что жъ того и законнѣй?

Я это смѣюсь, а она, смотрю, пыхъ-пыхъ, да и спаменѣла.

Ну, мой судъ такой, что всякъ себѣ какъ знаетъ, а что если только добрый человекъ, такъ и умные люди не осудятъ, и Богъ проститъ.

Заходила я потомъ еще раза два, все застаю: сидитъ она у себя въ каморкѣ да плачетъ.

— Что такъ, говорю, — мать, что рано соленой водою умываться стала?

— Ахъ, говоритъ,—Домна Платоновна, горе мое такое,— да и замолчала.

— Что, молъ, говорю,—такое за горе? Иль живую рыбку съѣла?

— Нѣтъ, говоритъ,—ничего такого, слава Богу, нѣтъ.

— Ну, а нѣтъ, говорю,—такъ все другое пустяки.

— Денегъ у меня ни грошика нѣтъ.

Ну, это, думаю, ужъ, дѣйствительно, дрянъ дѣло; но знаю я, что человекъ въ такое время не надо печалить.

— Денегъ, говорю,—нѣтъ—передъ деньгами. А жильцы жъ твои?—спрашиваю.

— Одинъ, говоритъ,—заплатилъ, а то пустыя двѣ комнаты.

— Вотъ ужъ эта мерзость запустѣнія, говорю,—въ вашемъ дѣлѣ всего хуже. Ну, а дружокъ-то твой?—Такъ ужъ, знаешь, безъ церемоніи это се спрашиваю.

Молчитъ, плачетъ.

Жаль мнѣ ее стало: слабая, вижу, перазумная женщина.

— Чго жъ, говорю,—если онъ наглець какой, такъ и вошь его.

Плачетъ на эти слова, ажпо платокъ мокрый за кончики зубами шипеть.

— Плакать, говорю,—тебѣ нечего и убиваться изъ-за нихъ, изъ-за поганцевъ, тоже не стѣитъ, а что отказала ему, да только всего и разговора, и найдемъ себѣ такого, чго и любовь будетъ, и помощь; не будешь такъ-то зубами щелкать, да убиваться. А она руками замахала: «не надо! не надо! не надо!» да сама кинулась въ постель головой, въ подушки, и надрывается, ажпо какъ спинка въ платьѣ не лоннетъ. У меня на то время былъ одинъ тоже знакомый купецъ (отецъ у него по суровской линіи свой магазинъ имѣеть), и просилъ онъ меня очень: «познакомь, говоритъ, ты меня, Домна Платоновна, съ какой-нибудь барышней, или хоть и съ дамой, но только, чтобъ очень образованная была. Терпѣть, говоритъ, не могу необразованныхъ. И повѣрить можно, потому и отецъ у нихъ, и всѣ мужчины въ семьѣ все какъ есть на дурахъ женаты и у этого-то тоже жена дурища,—все, когда ни приди, сидитъ, да печатанные приписки ѣсть.

«На что, думаю,—было бы лучше желать и требовать, какъ эту Леканиду съуютить съ нимъ.—Но, вижу, еще глуна,—я и оставила ее: пусть дойдетъ на солищѣ!»

Мѣсяца два я у нея не была. Хоть и жаль было мнѣ ее, но что, думала себѣ, когда своего разума нѣтъ, и самъ человекъ ничѣмъ кругомъ себя ограничить не понимаетъ, такъ ужъ ему не поможешь.

Но о снажничкахъ была я въ ихъ домѣ; кружевцовъ пемного продала, и вдругъ мнѣ что-то кофію захотѣлось, и страсть какъ захотѣлось. Дай, думаю, зайду къ Домуховской, къ Леканидѣ Петровнѣ, напьюсь у нея кофію. Иду это по черной лѣстницѣ, отворяю дверь на кухню—никого нѣтъ. «Ишь, говорю, какъ живутъ откровенно—бери что хочешь», потому и самоваръ, и кастрюли, все, вижу, на полкахъ стоятъ.

Да только-что этажъ-то подумала, иду по коридору и слышу, что-то хлопъ-хлопъ, хлопъ-хлопъ. Ахъ ты, Боже мой! что это, думаю. Скажите, пожалуйста, что это такое? Отворяю дверь въ ея комнату, а онъ, этотъ пріятель-то ся

добрый,—изъ актеровъ онъ былъ, и даже не маловажный актеръ—артистъ назывался; ну-съ, держитъ онъ, сударь. ее одною рукою за руку, а въ другой нагайка.

— Варваръ! варваръ!—закричала я на него:—что ты это, варваръ, надъ женщиной дѣлаешь! да сама-то, знаешь, промежъ нихъ, сакволяжемъ-то своимъ накрываюсь, да промежъ нихъ-то.—Вотъ вѣдь, что вы, злодыи, надъ нашей сестрой дѣлаете!

Я молчалъ.

— Ну, тутъ-то я ихъ разняла, не сталъ онъ ее при мнѣ больше наказывать, а она еще было и отговаривается: «Это, говоритъ, вы не думайте, Домна Платоновна; это онъ шутилъ».

— Ладно, говорю,—матушка; бочка-то, гляди, въ платьѣ отъ его шутилки не потрескались ли. Однако, жили опять; все онъ у нея стоялъ на квартирѣ, только ничего ей, мошенникъ, ни грошика не платилъ.

— Тѣмъ и кончилось?

— Ну, нѣтъ; черезъ нѣсколько времени пошелъ у нихъ опять карамболь, пошелъ онъ ее опять что день трепать, а тутъ она какую-то жилищку еще къ себѣ, прѣзжую барыньку изъ купчихъ приняла. Чай вѣдь самъ знаешь, наши купчихи, какъ изъ дому вырвутся, на это дѣло препрѣстия... Ну, онъ ко всему же къ прежнему, да еще почаль съ этой жилищкой амуриться—пошло у нихъ такое, что я даже и ходить перестала.

— Богъ съ вами совѣмъ! живите, думаю, какъ хотите.

Только тринадцатаго сентября, подъ самое Воздвиженье Честнаго и Животворящаго Креста, пошла я къ Знаменью, ко всенощной. Отстояла всенощную, выхожу и въ самомъ притворѣ на паперти, гляжу—эта самая Леканида Петровна. Жалкая такая, бурнусишко старенькій, стоитъ на коленочкахъ въ уголочкѣ и плачетъ. Опять меня взяла на нее жалость.

— Здравствуй, говорю,—Леканида Петровна!

— Ахъ, душечка, говоритъ,—моя, Домна Платоновна. такая-сякая намазаная! Самъ Богъ, говоритъ, мнѣ васъ послать, а сама такъ вотъ ручьями слезъ горькихъ и заливается.

— Ну, я говорю,—Богъ, матушка, меня не посылалъ, потому что Богъ ангеловъ безплотныхъ посылаетъ, а я

человѣкъ въ свою мѣру грѣшный; но ты все-таки не плачь, а пойдемъ куда-нибудь подъ насѣсть сидемъ, расскажем мнѣ свое горе; можетъ. чѣмъ-нибудь надумаемся и поможемъ.

Пошла.

— Что, варваръ твой, что ли. опять надъ тобой что сдѣлалъ?—спрашиваю ее.

— Никого, говоритъ,—никакого варвара у меня нѣтъ.

— Да куда же это ты идешь? говорю,—потому квартира ея была въ Шестилавочной, а она, смотрю, на Грязную заворачиваетъ.

Слово по слову и раскрылось тутъ все дѣло, что квартиры ужъ у нея нѣтъ: мебелишку, какая была у нея, хозяйнѣ за долгъ забрала; дружокъ ея пропалъ—да и хорошо сдѣлалъ,—а живетъ она въ каморочкѣ, у Авдотьи Ивановны Дислепъ. Такая эта подлая Авдотья Ивановна, даромъ что майорская она дочь и дворянствомъ своимъ величается, ну, а преподлая-подлая. Чуть я за нее, за негодишку, одинъ разъ въ кварталъ не попала по своей простотѣ по дурацкой. Ну, только, говорю я Леканидѣ Петровнѣ,—я эту Дислепъшу, мой другъ, очень знаю—это первая мошенница.

— Что жъ, говоритъ,—дѣлать! Голубочка Домна Платоновна, что же дѣлать?

Ручонки-то, гляжу, свои ломить, ломить, иида даже смотрѣть жалко, какъ она ихъ коверкаетъ.

— Зайдите, говорятъ,—ко мнѣ.

— Нѣтъ, говорю,—душечка, мнѣ тебя хоша и очень жаль, но я къ тебѣ въ Дислепъшину квартиру не пойду—я за нее, за бездѣльницу, и такъ одинъ разъ чуть въ кварталъ не попала, а лучше, если есть твое желаніе со мной поговорить, ты сама ко мнѣ зайдн.

Пришла она ко мнѣ: я ее напоила чайкомъ, обогрѣла. почавкали съ нею, что Богъ послалъ на ужинъ, и спать ее съ собой уложила. Довольно съ тебя этого?

Я кивнула утвердительно головою.

Ночью-то что я еще черезъ все страху имѣла! Лежить-лежить она, да вдругъ вскочетъ, сидеть на постели, бьетъ себя въ грудь: «Голубочка, говоритъ, моя, Домна Платоновна! Что мнѣ съ собой дѣлать?»

Какой часъ ужъ вижу поздній.—Полно, говорю, тебѣ убиваться; спи. Завтра подумасмъ.

— Ахъ, говорить,—не спится мнѣ, не спится мнѣ, Домна Платоновна.

Ну, а мнѣ спать смерть какъ хочется, потому у меня сонъ необыкновенно какой крѣпкій.

Проспала я этакъ до своего часу и прокинулась. Я прокинулась, а она, гляжу, въ одной рубашончкѣ сидитъ на стулѣ, вожонки подѣ себя подобрала и папироску курить. Такая бѣленькая, хорошенькая, да нѣжненькая—точно вотъ пухъ въ атласѣ.

— Умѣешь, спрашиваю,—самоварчикъ поставить?

— Пойду, говорить,—попробую.

Надѣла на себя юбочку бумазѣйную и пошла въ кухню. А мнѣ-таки тутъ что-то смерть не хотѣлось вставать. Приноситъ она самоваришко, сѣли мы чай пить, она и говоритъ: «что, говорить, я, Домна Платоновна, надумалась?»

— Не знаю, говорю,—душечка—чужую думку своей не раздумаешь.

— Побѣду я, говорить,—къ мужу.

— На что, молъ, лучше этого, какъ честной женой быть—когда бѣ, спрашиваю, только онъ тебя принялъ?

— Онъ, говорить,—у меня добрый; я теперь вижу, что онъ всѣхъ добрый.

— Добрый-то, отвѣчаю ей,—это хорошо, что онъ добрый; а скажи-ка ты мнѣ, давно ты его покинула-то?

— А ужъ скоро, говорить,—Домна Платоновна, какъ съ годъ будетъ.

— Да; вотъ, молъ,—видишь ты. съ годъ ужъ тому прошло. Это тоже, говорю. дамочка, время не малое.

— А что же, спрашиваетъ,—такое Домна Платоновна, вы въ этомъ полагаете?

— Да то, говорю,—полагаю, что не завелась ли тамъ на твое мѣсто тоже какая-нибудь широжная мастерица, горшечная нагубница.

— Я, отвѣчаетъ,—объ этомъ, Домна Платоновна, и не подумала.

— То-то, молъ,—мать моя. и есть, что «не подумала». И всѣ-то вотъ вы такъ-то объ этомъ не думаете!.. А надо

думать. Когда бь ты подумала-то да разсудила, такъ, можетъ-быть. и много-бь чего съ тобой не было.

Она-таки тутъ ухъ какъ засмутилась! Заскребло, вижу, ее за сердчико-то; губенки свои этакъ кусаетъ, да и прозюсюситъ таково тихонечко: «онъ, говоритъ, мнѣ кажется. совсѣмъ не такой былъ».

— Ахъ вы, подумала я себѣ,—звѣри вы этакіе капустные! сами козами въ горохъ такъ и прыгаютъ, а мужъ хоть и имъ негожъ, такъ и другой не трожь. Не повѣришь ты, какъ мнѣ это всякій разъ на нихъ досадно бываетъ.— Прости-ка ты меня, матушка, сказала я ей тутъ-то:—а только рѣчь твоя эта, на мой згадъ, ни къ чему даже не пристала. Что же, говорю, онъ, твой мужъ, за такой, за особенный, что ты говоришь: *не такой онъ?* Ни въ жизнь мою никогда этому не повѣрю. Все, я думаю, и онъ такой же самый, какъ и всѣ: костью да жильный. А ты бы, говорю, лучше бы вотъ такъ объ этомъ сообразила, что ты, женщиной бывши, себя не очень-то строго соблюла, а ему, говорю, ничего это и въ судъ не поставится, потому что вѣдь и въ самомъ-то дѣлѣ, хоть и ты самъ, ангелъ мой, сообрази: мужчина что соколъ: олъ схватилъ, встрепенулъ, отряхнулъ, да и опять лети куда око глянетъ; а нашей сестрѣ вся и дорога, что отъ печи до порога. Паша сестра вашему брату все равно, что дураку вольшка: поигралъ, да и кинулъ. Согласенъ ли ты съ этой справедливостью?

Ничего не возражаю.

А Домна Платоновна, спасибо ей, не дождавшись моего отвѣта, продолжаетъ:

— Ну-съ, вотъ и эта, милостивая моя государыня, наша Леканида Петровна, послѣ такихъ моихъ словъ и говорить: «я, говоритъ, Домна Платоновна, ничего отъ мужа не скрою, во всемъ сама повинюсь и признаюсь: пусть онъ хоть голову мою сниметъ».

— Ну, это, отвѣчаю,—опять тоже по-моему не дѣло, потому что мало ли какой грѣхъ былъ, но на что про то мужу сказывать. Чтѣ было, то прошло, а слушать ему про это за большое удовольствіе не будетъ. А ты скрѣпнись и виду не покажи.

— Ахъ, нѣтъ! говорить,—ахъ, нѣтъ, я лгать не хочу.

— Мало, говорю,—чего не хочешь! сказывается: грѣхъ воровать, да нельзя миновать.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, не хочу! Это грѣхъ обманывать.

Зарядила свое да и баста.

— Я, говорить,—прежде все опишу. и если онъ проститъ—получу отвѣтъ, тогда и поѣду.

— Ну, дѣлай, моль, — какъ знаешь; тебя, видно, мплая. не научишь. Дивлюсь только, говорю, одному, что какой это пзъ васъ такой новый заводъ пошелъ, что на грѣхъ идете, вы тогда съ мужьями не спрашиваетесь, а промолчать. прости Господи. о пакостяхъ о своихъ — грѣха боитесь. Гляди, говорю,—бабочка, не кусать бы тебѣ локтя! Такъ-таки оно все на мое вышло. Написала она письмо, въ которомъ, ужъ Богъ ее знаетъ—все объяснила должно-быть—отвѣта нѣтъ. Прійдетъ, плачетъ-плачетъ—отвѣта нѣтъ.

— Поѣду, говорить, — сама; слугою у него буду.

Опять я подумала — и это одобряю. Она, думаю, хорошенькая, пусть хоть по-первоначалу какое время и погибается. а какъ она на глазахъ будетъ, авось опять духъ. во тьмѣ приходящій, спутаетъ; можетъ и забудется. Ночная кукушка, знаешь, дневную завсегда перекукуетъ.

— Ступай, говорю, — все жъ мужъ, не полюбовникъ. все скорѣй смилуется.

— А гдѣ бъ, говорить,—мнѣ, Домна Платоновна, денегъ на дорогу достать?

— А своихъ-то, спрашиваю,—аль ужъ ничего нѣтъ?

— Ни грешака, говорить, — нѣтъ; я ужъ и Дцсленьшѣ должна.

— Ну, матушка, денегъ доставать здѣсь остро.

— Взгляните, говорить,—на мои слезы.

— Что-жъ, говорю, — дружокъ, слезы?—слезы слезами, и мнѣ даже самой очень тебя жаль, да только Москва слезамъ не вѣрить, говорить пословица. Подъ нихъ денегъ не дадутъ.

Она плачетъ. я это тоже съ нею спжу, да такъ промежъ себя и разговариваемъ. а въ комнату ко мнѣ шастъ вдругъ этотъ полковникъ... какъ его зовутъ-то?

— Да ну, Богъ тамъ съ нимъ, какъ его зовутъ!

— Уланскій. или какъ ихъ это называются-то они?—инженеръ?

— Да Богъ съ нимъ, Домна Платоновна.

— Ласточкинъ. онъ. кажется, будетъ по фамилии, или какъ

не Ласточкинъ?—такъ какъ-то итичья фамилія и не то съ люди, не то съ како начинается...

— Ахъ, да оставьте вы его фамилію въ покоѣ.

— Я этакъ-то вотъ много кого: по мѣстамъ сейчасъ тебѣ найду, а ужъ фамилію не припомню. Ну, только входитъ этотъ полковникъ; начинается, это, со мною шутить, да на ушко и спрашиваетъ:

— Что, говоритъ,—это за барышня такая?

Она совсѣмъ барыня, ну, а онъ ее барышней называетъ: очень она еще моложава была на видѣ.

Я ему отвѣчаю, кто она такая.

— Изъ провинціи?—спрашиваетъ.

— Это, говорю,—вы угадали—изъ провинціи.

А онъ это—не то какъ какой вѣтреникъ, или повѣса—извѣстно, человекъ ужъ въ такомъ чинѣ—любилъ, чтобъ женщина была хоть и на краткое время, но не забывши свой стыдъ, и съ правилами; ну, а наши питерскія, знаешь, чай, самъ, сколько у нихъ стыда-то, а правилъ и еще того больше: у стриженной дѣвки на головѣ волосъ больше, чѣмъ у нихъ правилъ.

— Ну-съ, Домна Платоновна?

— Ну, сдѣлай, говоритъ,—милость, Домна Панталоновна—у нихъ это, у полковыхъ, у всѣхъ все такая привычка: не скажетъ: Платоновна, а *Панталоновна*.—Ну-съ, говоритъ, Домна Панталоновна,—ничего, говоритъ, для тебя не пожалѣю, только ограничь ты мнѣ это дѣло въ порядкѣ.

Я, знаешь, ничего ему рѣшительнаго не отвѣчаю, а только бровями этакъ, понимаешь, на нее повела, и даю ему мину, что, дескать, «трудно».

— Невозможно?—говоритъ.

— Этого, говорю,—я тебѣ, генераль мой хорошій, не объясняю, потому это ея душа, ея и воля, а что хотя и не надѣюсь, но попробовать я для тебя попробую.

А онъ сейчасъ мнѣ: «ничего, говоритъ, тутъ, Панталоника, словами разговаривать; вотъ, говоритъ, тебѣ пятьдесятъ рублей и всѣ ихъ сейчасъ ей передай».

— И вы ихъ, спрашиваю,—передали?

— А ты вотъ лучше не забѣгай, а если хочешь слушать, такъ слушай. Разсуждаю я, взявши у него эти деньги, что хотя, точно, у насъ съ нею никогда разговора такого.

на это похожаго, не было, чтоб претексть мнѣ ей такой сдѣлать, ну, только, зная эти петербургскія обстоятельства, думаю: «охъ, какъ разъ она еще, гляди, и сама рада, бѣдная, будетъ!» Выхожу я къ ней въ свою въ маленькую комнатку, гдѣ мы сидѣли-то, и говорю: «ты, говорю. Лекашида Петровна, въ рубашечкѣ, знать, родилась. Только о деньгахъ поговорили, а онѣ, говорю, и вотъ онѣ», да бумажку-то передъ ней кладу. Она: «кто это? какъ это? откуда?» — Богъ, я говорю, тебѣ послалъ — говорю ей громко, а на ушко-то шепчу: «вотъ этотъ баринъ, сказываю, за одно твое вниманіе тебѣ посылаетъ... Прибѣрай, говорю, скорѣй эти деньги!».

А она, смотрю, слезы у нея по глазамъ и на столъ капъ-капъ, какъ гороховины. Съ радости, или съ горя — никакъ не разберу, съ чего эти слезы.

— Прибѣри, говорю, — деньги-то, да выдь на минутку въ ту комнату, а я тутъ поколаюсь... Довольно тебѣ, кажется, какъ я все это для нея вдругъ прекрасно устроила?

Смотрю я на Домну Платоновну: ни бровка у нея ни моргнетъ, ни уста у нея не лукавятъ; вся рѣчь ея проста, сердечна; все лицо ея выражаетъ одно доброе желаніе пособить бѣдной женщинѣ и страхъ, чтобъ это, внезапно повернувшееся благодѣтельное событіе какъ-нибудь не разстроилось — страхъ не за себя, а за эту же несчастную Лекашиду.

— Довольно тебѣ этого? Кажется, все, что могла, все я для нея сдѣлала, — говоритъ, привскакивая и ударя рукою по столу, Домна Платоновна, при чемъ лицо ея вспыхиваетъ и принимаетъ выраженіе гнѣвное. — А она, мерзавка такая! — восклицаетъ Домна Платоновна. — Она съ этимъ самымъ словомъ — махъ, безо всего, какъ сидѣла, прямо на лѣстницу и гу-гу-гу: во всю мочь реветъ, значить. Осрамил! Я это въ свой уголокъ скорѣй; онъ тоже за шанку да драла. Гляжу вокругъ себя — вижу и платокъ она свой шейный, такъ мериносовый, старенькій платчишко — забыла. «Ну, постой же, думаю, ты, дрянъ такая! Прійдешь ты, гадкая, я тебѣ этого такъ не подарю». Черезъ день, не то черезъ два, вернулась, это, я къ себѣ домой, смотрю — и она жалуется. Я, хоть сердце у меня на нее невелико, потому что я вспылива только, а сердца долго никогда не держу, но видъ такой ей даю, что сердца ужасно.

— Здравствуйте, говорить,—Домна Платоновна.

— Здравствуй, говорю, — матушка! За платочкомъ, что ли, пришла?—всѣ твой платокъ.

— Я, говорить, — Домна Платоновна, извините меня, такъ тогда испугалась.

— Да, говорю ей,—покорно вась, матушка, благодарю. За мое же къ вамъ за расположеніе, вы такое мнѣ надѣлали, что на что лучше желать-требовать.

— Въ перепугъ, говорить,—я была, Домна Платоновна,—простите, пожалуйста.

— Мнѣ, отвѣчаю,—тебя прощать нечего, а что домъ мой не такой, чтобъ у меня шкапдалить, бѣгать отъ меня по лѣстницамъ; да визги эти свои всякіе здѣсь поднимать. Тутъ, говорю,—и жильцы благородные живутъ, да и хозяинъ, говорю,—процентчикъ,—къ нему, что минута народъ идетъ, такъ онъ тоже этихъ визговъ-то не захочетъ у себя слышать.

— Виновата я, Домна Платоновна. Сами вы посудите, такое предложеніе.

— Что жъ ты, говорю, — такая за особенная, что этакъ очень тебя предложеніе это оскорбило! Предложить, говорю,—всякому это вольно, такъ какъ ты женщина нуждающая; а вѣдь тебя насильно никто не бралъ, и звать-то, стало-быть, тебѣ во все горло нечего было.

Простить просить.

Я ей и простила, и говорить съ ней стала, и чаю чашку налила:

— Я къ вамъ, говорить, Домна Платоновна, съ просьбой: какъ бы мнѣ денегъ заработать, чтобъ къ мужу ѣхать.

— Какъ же, молъ, ты ихъ, сударыня, зарабатываешь? Вотъ былъ случай, упустила, теперь сама думай; я ужъ ничего не придумаю. Что жъ ты такое можешь работать?

— Шить, говорить, — могу; шляпы могу дѣлать.

— Ну, душечка, отвѣчаю ей: — ты лучше объ этомъ меня спроси; я эти петербургскія обстоятельства-то лучше тебя знаю; съ этой работой-то, окромѣ ужъ того, что ея, этой работы, достать негдѣ, да и тѣ, которыя ею и давно-то занимаются и настоящія-то шитвицы, такъ и тѣ, говорю. давно голыя бы ходили, если бъ на одеженку себѣ грѣхомъ не доставали.

— Такъ какъ же, говорить, — мнѣ быть? — и опять руки ломасть.

— А такъ, говорю, — и быть, что было бы не коробатиться; давно бы, говорю, — ужъ другой бы день, къ супругу выѣхала.

И-и-ихъ, какъ она опять на эти на мои слова все какъ вспыхнетъ!

— Что это, говорить, — вы, Домна Платоновна, говорите? Развѣ, говорить, — это можно, чтобъ я на такія скверныя дѣла пустилась?

— Пускалась же, говорю, — меня про то не спрашивалась.

Она еще больше запылала.

— То, говорить, — грѣхъ мой такой былъ, *услеченіе*, а чтобы я, говорить, — раскаявшись, да собираясь къ мужу, еще на этапія подья средства поѣхала—ни за что на свѣтъ!

— Ну, ничего, говорю, — я, матушка, твоихъ словъ не понимаю. Никакихъ я тутъ подлостей не вижу. Мое, говорю, — разсужденіе такое, что когда если хочеть себя женщина на настоящій путь поворотить, такъ должна она всеѣмъ этимъ пренебрегать.

— Я, говорить, — этимъ предложеніемъ пренебрегаю.

— Очень, слышь, большая барыня! Такъ тамъ съ своимъ съ кононастымъ безо всякаго безъ путя сколько время валадалась, а тутъ для дѣла, для собственнаго покоя, чтобъ на честную жизнь себя повернуть — шагу одного не можетъ, видишь, ступить, минута ужъ ей одна и та тяжелая очень стала.

Смотрю опять на Домну Платоновну — ничего въ ней нѣтъ такого, что лежитъ печатью на спеціалеткахъ по части образованія жертвъ «общественнаго недуга», а сидитъ передо мною баба самая простодушная и говорить свои мерзости съ невозмутимою увѣренностью въ своей добротѣ и непроходимой глупости госпожи Лекандки.

— Здѣсь, говорю, — продолжаетъ Домна Платоновна: — столица; здѣсь даромъ, матушка, никто ничего не дастъ и шагу-то для тебя не ступить, а не то что деньги.

Этакъ поговорили — она и пошла. Пошла она, и недѣли съ двѣ, я думаю, ея не было видно. На конецъ того дѣла является голубка все опять въ слезахъ и опять съ своими охами да вздохами.

— Вздыхай, говорю, — ангель мой, не вздыхай, хоть грудь вадсади, но какъ я хорошо петербургскія обстоятельства знаю, ничего тебѣ отъ твоихъ слезъ не поможется.

— Боже мой! сказыаать. — у меня ужъ, кажется, какъ глаза отъ слезъ не выльзутъ, голова какъ не треснетъ. грудь болитъ. Я ужъ, говорить, и въ общества сердобольныя обрацалась: пороги все обила — ничего не выходила.

— Что жъ, сама жъ, говорю, — виновата. Ты бы меня разспросила, что эти все общества значать. Туда, говорю, для того именно и ходить, чтобъ только послѣдніе башмаки дотаптывать.

— Взгляните, говорить, — сами, какая я? На что я стала похожа.

— Вижу, отвѣчаю ей, — вижу, мой другъ, и нимало не удивляюсь, потому горе только одного рака красить, но помочь тебѣ, говорю, — ничѣмъ не могу.

Съ часъ тутъ-то она у меня сидѣла и все плакала, и даже, правду сказать, уиъ и надѣла.

— Нечего, говорю ей наконецъ того. — плакать-то: ничего отъ этого не поможется; а. умнѣе сказать, надо покориться.

Смотрю, слушаетъ съ плачемъ и — ужъ не сердится.

— Ничего, говорю, — другъ любезный, не подѣлаешь: не ты первая, не ты будешь и послѣдняя.

— Запятъ бы, говорить, — Домна Платоновна, хоть рублей пятьдесятъ.

— Пятидесяти копеекъ, говорю, — не займешь, а не то, что пятидесяти рублей — здѣсь не таковский городъ, а столица. Были у тебя пятьдесятъ рублей въ рукахъ — точно, да не умѣла ты ихъ брать, такъ что жъ съ тобой дѣлать?

Поплакала она и ушла. Было это какъ разъ, помню, на Іоанна Рылскаго, а тутъ какъ разъ черезъ два дня живетъ праздникъ: иконы Казанскія Божіей Матери. Такъ что-то мнѣ въ этотъ день ужасно какъ нездоровилось — съ вечера я, это, къ одной купчихѣ на Охту ѣздила, да должно быть простудилась — на этомъ каторжномъ перевозѣ — ну, чувствую я себя, что нездорова; никуда я не пошла: даже и у обѣдни не была; намазала себѣ носъ саломъ и сижу на постели. Гляжу, а Леканида Петровна моя ко мнѣ жалуетъ. безъ бурнуенка, однимъ платочкомъ покрывшись.

— Здравствуйте, говорить,—Домна Платоновна.

— Здравствуй, говорю,—душечка.

— Что ты, спрашиваю,—такая неубранная?

— Такъ, говорить,—на минуту, говорить. выскочила,—а сама вижу, вся въ лицѣ мѣняется. Не плачешь, знаешь, а то всполыхнетъ, то сбѣднѣетъ. Такъ меня тутъ же какъ молонья мысль и прожгла: вѣрно, говорю себѣ, чуть ли ее Дислееньна не выгнала.

— Или, спрашиваю,—что у васъ съ Дислееньшей вышло?— а она это дѣргъ-дѣргъ себя за губенку-то, и хочетъ, вижу, что-то сказать, и заминается.

— Говори, говори, матушка, что такое?

— Я, говорить,—Домна Платоновна, къ вамъ.

А я молчу.

— Какъ, говорить,—вы, Домна Платоновна, поживаете?

— Ничего, говорю,—мой другъ. Моя жизнь все одинаковая.

— А я, говорить... Ахъ, я просто совсѣмъ съ ногъ сбилася.

— Тоже, говорю,—видно и твое все еще одинаково?

— Все то же самое, говорить.—Я ужъ, говорить, всюду кидалася. Я ужъ, кажется, всякій свой стыдъ позабыла: все ходила къ богатымъ лицамъ просить. Въ Кузнечномъ переулкѣ тутъ, говорили, одинъ богачъ помогаетъ бѣднымъ— у него была; на Знаменской тоже была.

— Ну, и много же, говорю,—отъ нихъ вынесли?

— По три цѣлковыхъ.

— Да и то, говорю,—еще много. У меня, говорю, купецъ знакомый у Пяти Угловъ живетъ, такъ тотъ размѣняетъ рубль на копейки и по копейкѣ въ воскресенье и раздаетъ. «Все равно, говорить, сто добрыхъ дѣлъ выходитъ передъ Богомъ». Но чтобъ пятьдесятъ рублей, какъ тебѣ нужно,—этого, говорю, я думаю, во всемъ Петербургѣ и человека такого нѣтъ изъ богачей, чтобы даромъ далъ.

— Нѣтъ, говорить,—говорять, есть.

— Кто жъ это, молъ, тебѣ говорить? Кто такого здѣсь видѣлъ?

— Да одна дама мнѣ говорила... Тамъ у этого богача мы съ нею въ Кузнечномъ вмѣстѣ ждали. Грекъ, говорить, одинъ есть на Невскомъ: тотъ много помогаетъ.

— Какъ же это, спрашиваю,—онъ за здорово живешь, что ли, помогаетъ?

— Такъ, говорить,—такъ, просто такъ помогаетъ, Домна Платоновна.

— Ну, ужъ это, говорю,—ты мнѣ, пожалуйста, этого лучше и не ври. Это, говорю, сущій вздоръ.

— Да, что же вы, говорить, спорите, когда эта дама сама про себя даже рассказывала? Она шесть лѣтъ уже не живетъ съ мужемъ и всякій разъ, какъ пойду, говорить, такъ пятьдесятъ рублей.

— Вреть, говорю,—тебѣ твоя знакомая дама.

— Нѣтъ, говорить,—не вреть.

— Вреть, вреть, говорю,—и вреть. Ни въ жизнь этому не повѣрю, чтобы мужчина женщинѣ пятьдесятъ рублей даромъ далъ.

— А я, говорить,—утверждаю васъ, что это правда.

— Да, ты что жъ, сама, что ли, говорю, ходила?

А она краснѣть, краснѣть, глазъ куда дѣтъ не знаетъ.

— Да вы, говорить,—что, Домна Платоновна, думаете? Вы, пожалуйста, ничего такого не думайте? Ему восемьдесятъ лѣтъ. Къ нему много дамъ ходятъ, и онъ ничего отъ нихъ не требуетъ.

— Что-жъ, говорю,—онъ красотою, что ли, только вашею освѣщается?

— *Вашею?* Почему же, это, говорить,—вы опять такъ утверждаете, что какъ будто и я тамъ была?—А сама такъ, какъ розанъ, и закраснѣлась.

— Чего жъ, говорю,—не утверждать? развѣ не видно, что была.

— Ну, такъ что жъ такое, что была? Да, была.

— Что жъ, очень, говорю,—твоему счастью рада, что побывала въ хорошемъ домѣ.

— Ничего, говорить,—тамъ нехорошаго нѣтъ. Я очень просто зашла, говорить, къ этой дамѣ, что съ нимъ знакома, и рассказала ей свои обстоятельства... Она, разумеется, мнѣ сначала сейчасъ тѣ же предложенія, что и всѣ дѣлаютъ... Я не захотѣла; ну, она и говорить: «ну, такъ вотъ, не хотите ли къ одному греку богатому сходить? Онъ ничего не требуетъ и очень много хорошенькимъ женщинамъ помогаетъ. Я вамъ, говорить, адресъ дамъ. У него дочь на фортепиано учится, такъ вы будто какъ учительница придете, но къ нему самому ступайте, и ничего, говорить, васъ стѣснять не будетъ, а деньги получите. Онъ,

понимаете. Домна Платоновна, она уже очень старей-пре-старей.

— Ничего, говорю,—не понимаю.

Она, вижу, на мою недогадливость сердится. Ну, а я ужь гдѣ тамъ не догадываюсь: я все отлично это понимаю. къ чему оно клонить, а только хочу ее стыдомъ-то этимъ помучить, чтобъ совѣсть-то ее взяла хоть немножко.

— Ну, какъ, говорить,—не понимаете?

— Да такъ, говорю,—очень просто не понимаю, да и понимать не хочу.

— Отчего это такъ?

— А оттого, говорю,—что это отвратъ и противность, тьфу!

Стыжу ее; а она, смотрю, моргъ-моргъ и кидается ко мнѣ на плечи, и цѣлуетъ, и плачущи говоритъ: а съ чѣмъ же я все-таки, поѣду?

— Какъ съ чѣмъ, моль, поѣдешь? А съ тѣми деньгами-то, что онъ тебѣ далъ.

— Да онъ мнѣ всего, говоритъ,—десять рублей далъ.

— Отчего такъ, говорю.—десять? Какъ это всѣмъ пять-десять, а тебѣ всего десять!

— Чортъ его знаетъ!—говоритъ съ сердцемъ.

И слезы даже у нея отъ большого сердца остановились.

— А то-то, моль, и есть!.. видно, ты чѣмъ-нибудь ему не потрафила. Ахъ вы, говорю,—дамки вы этакия, дамки! Не лучше ли, не честнѣе ли я тебѣ, простая женщина, совѣтывала, чѣмъ твоя благородная посовѣтывала?

— Я сама, говоритъ,—это вижу.

— Раньше, говорю,—надо было видѣть.

— Что жъ я, говоритъ,—Домна Платоновна... я же вѣдь теперь ужь и рѣшилась,—и глаза это въ землю тупить.

— На что жъ, говорю,—ты рѣшилась?

— Что жъ, говоритъ,—дѣлать, Домна Платоновна, такъ, какъ вы говорили... вижу я, что ничего я не могу пособить себѣ. Если бъ, говоритъ,—хоть хорошій человѣкъ...

— Что жъ, говорю,—чтобъ много ее словами не конфузить: я, говорю,—отягощусь, похлопочу, но только уже и ты жъ, смотри, сдѣлай милость, не капризничай.

— Нѣтъ, говоритъ,—ужь куда!..

Видю, сама давится, а сама твердо отвѣчаетъ: «нѣтъ,

говорить, — отяготитесь, Домна Платоновна, я не буду капризничать».

Узнаю тутъ отъ нея послѣдъши, что эта подлая Диленьша ее выгоняетъ, и то-есть не то что выгоняетъ, а и десять рублей-то, что она, несчастная, себѣ отъ грека принесла, ужъ отобрала у нея и потомъ совсѣмъ ужъ ее и выгнала, и бѣльишко—какая тамъ у нея была рубанка, да перемывашка—и то все отобрала за долгъ, и за хвостъ ее, какъ кошку, да на улицу.

— Да знаю, говорю я, — эту Диленьшу.

— Она, говоритъ, — Домна Платоновна, кажется, просто торговать мною хотѣла.

— Отъ нея, отвѣчаю, — другого-то ничего и не дожدهшься.

— Я, говоритъ, — когда при деньгахъ была, я ей не разъ помогала, а она со мной такъ обошлась, какъ съ послѣдней.

— Ну, душечка, говорю, — нынче ты благодарности въ людяхъ лучше и не ищи. Нынче, чѣмъ ты кому больше добра дѣлаи, тѣмъ онъ только готовъ тебѣ за это больше напакостить. Тонеть, такъ топоръ сушить, а выпырнетъ, такъ и топорница жаль.

Разсуждаю этакъ съ ней и ни-и-и думаю того, что она сама, шельма эта Леканида Петровна, какъ мнѣ за все отблагодарить.

Домна Платоновна вздохнула.

— Вижу, что она все это мнется да трется, — продолжала Домна Платоновна: — и говорю: что ты хочешь сказать-то? Говори — лишнихъ бревень шикакихъ иѣтъ: въ кварталъ надзирателю доносить некому.

— Когда же? — спрашиваетъ.

— Ну, говорю, — мать моя, надо подождать: это тоже шахъ-махъ не дѣлается.

— Мнѣ, говоритъ, — Домна Платоновна, дѣться некуда.

А у меня—вотъ ты какъ зайдешь когда-нибудь ко мнѣ, я тебѣ тогда покажу—есть такая каморка, такъ маленькая такая, вещи тамъ я свои, какія есть, берегу, и если случится какая тоже дамка, что мѣста ищетъ иногда, или случая какого дожидается, такъ въ то время отдаю. Ну эту пору каморочка у меня была свободна: переходи, говорю, и живи.

Переходъ ея весь въ томъ и былъ, что въ чемъ пришла, въ томъ и осталась: все Дислепша, мерзавка, за долги забрала.

Ну, видя ея бѣдность, я дала ей тутъ же платье — купецъ одинъ мнѣ дѣрилъ: чудное платье. крейрошелевое, не то шикшинетеневое, такъ какъ то матерія-то эта называлась — но только узко оно мнѣ въ лифчикѣ было. Шитвица-накостница не потрафила, да я, признаться, и не люблю фасонныхъ платьевъ, потому сжимаютъ онѣ очепь въ грудяхъ, я все вотъ въ такихъ капотахъ хожу.

Ну, дала я ей это платье. даже кружевцовъ; перешла она это платьишко, отдѣлала его кое-гдѣ кружевами, и чудесное еще платьице вышло. Пошла я, сударь мой, въ штильбоковъ пассажъ, купила ей полсапожки, съ кисточками такими, съ бахромочкой, съ каблучками; дала ей воротничковъ. манишечку — ну, однимъ словомъ, нарядила молодца, яко старца; не стыдно ни самой посмотрѣть, ни людямъ показать. Даже сама я не утериѣла, помутила ей: франтишка, говорю, ты какая! умѣешь все какъ къ лицу сдѣлать.

Живемъ мы послѣ этого вмѣстѣ подѣлю, живемъ другую, все у насъ съ нею отлично: я по своимъ дѣламъ, а она дома остается. Вдругъ тутъ-то дѣло мнѣ припало къ одной не то что къ дамѣ, а къ настоящей барынѣ, и немолодая ужъ барыня, а такая-то. прости Господи!.. Звѣзда восточная. Студента все къ сыну въ гувернеры искала. Ну, ужъ я знаю, какого ей надо студента.

— Чтобъ былъ, говорить, — опрятный; чтобъ не изъ этихъ, какъ вотъ шляются — сицилисты, — они не знаютъ, небось, гдѣ и мыло продается.

— На что жъ, говорю, — изъ этихъ? Куда они годятся!

— И, говорить, — чтобъ въ возрастѣ былъ, а не дитею бы смотрѣлъ; а то дѣти его и слушаться не будутъ.

— Понимаю, моль, все.

Отыскала я студента: мальченко молоденькій, но этакій штуковатый и чищенный, все сразу понимаетъ. Иду-съ я теперь съ этимъ дѣломъ къ этой дамѣ; передала ей адресъ; говорю: такъ и такъ, тогда и тогда будетъ и извольте его посмотрѣть, а что такое если не годится — другого, говорю, найдемъ, и сама ухожу. Только иду это съ лѣстницы, а въ швейцарской генераль мнѣ навстрѣчу, и вотъ онъ. И

этотъ самый генераль, надо тебѣ сказать, хоть онъ и штатскій, но очень образованный. Въ домѣ у него роскошь такой: зеркала, ланпы, золото вездѣ, ковры, лакеи въ перчаткахъ, вездѣ это духами накурено. Одно слово, свой домъ и живутъ въ свое удовольствіе; два этажа сами занимаютъ: онъ, какъ взойдешь изъ швейцарской, сейчасъ налѣво; комнатъ восемь одинъ живетъ, а направо сейчасъ другая такая жъ половина, въ той сынъ старшій, тоже женатый ужъ года съ два. Па богатой тоже женился, и всѣ какъ есть въ домѣ очень ее хвалятъ, говорятъ — предобрая барыня, только чахотка должно у нея — очень ужъ худая. Ну, а наверху, сейчасъ по такой лѣстницѣ — широкая-преширокая лѣстница и вся цвѣтами установлена — тутъ сама старуха, какъ тетеря на токовищѣ сидитъ съ меньшинькими дѣтьми, и гувернеры-то эти тамъ же. Ну, знаешь ужъ, какъ на большую ногу живутъ!

Встрѣтилъ меня генераль и говоритъ! «здравствуй, Домна Платоновна!» — Превѣжливый баринъ.

— Здравствуйте, говорю, — ваше превосходительство.

— У жены, что-ль, была? — спрашиваетъ.

— Точно такъ, говорю, — ваше превосходительство, у супруги вашей, у генеральши была; кружевца, говорю, старинныя приносила.

— Нѣтъ ли, говоритъ, — у тебя чего, кромѣ кружевцовъ, хорошенькаго?

— Какъ, говорю, — не быть, ваше превосходительство! Для хорошихъ, говорю, — людей всегда на свѣтѣ есть что-нибудь хорошее.

— Ну, пойдѣмъ-ка, говоритъ, — пройдемся; воздухъ, говоритъ, — нынче очень свѣжій.

— Погода, отвѣчаю, — отличная. рѣдко такой и дожدهшься.

Онъ выходитъ на улицу, и я за нимъ, а карета сзади насъ по улицѣ ѣдетъ. Такъ вмѣстѣ по Моховой и идемъ — ей-Богу правда. Препростодушный, говорю тебѣ, баринъ!

— Что жъ, спрашиваетъ, — чѣмъ же ты это нынче, Домна Платоновна, мнѣ похвалишься?

— А ужъ тѣмъ, молъ, ваше превосходительство, похвалюсь, что могу сказать, что рѣдкость.

— Ой-ли, правда? спрашиваетъ, — не вѣрить, потому что онъ очень и опытный — постоянно все по цѣркамъ, да по

балетамъ и вездѣ страшно по этому предмету со вниманіемъ слѣдить.

— Ну, ужь, хвалиться, говорю, — вамъ, сударь, не стану, потому что, кажется, изволите знать, что я попусту врать на вѣтеръ не охотница, а вы, когда вамъ угодно, извольте, говорю, пожаловать. Гляженое лучше хваленаго.

— Такъ не лжешь, говоритъ, — Домна Платоновна, стоящая штука?

— Одно слово, отвѣчаю ему я, — ваше превосходительство, больше и говорить не хочу. Не такой товаръ, чтобъ еще нахваливать.

— Ну, посмотримъ, говоритъ, — посмотримъ.

— Милости, говорю, — просимъ. Когда пожалуете?

— Да какъ-нибудь на этихъ дняхъ, говоритъ, — вѣроятно, заѣду.

— Нѣтъ, говорю, — ваше превосходительство, вы извольте назначить какъ навѣрное, такъ говорю, — и ждать будемъ; а то я, говорю, — тоже дома не сижу: волка, моль, ноги кормятъ.

— Ну, такъ я, говоритъ, — послѣзавтра, въ пятницу изъ присутствія заѣду.

— Очень хорошо, говорю, — я ей скажу, чтобъ дожидалась.

— А у тебя спрашиваетъ, — тутъ въ узелкѣ-то что-нибудь хорошенькое есть?

— Есть, говорю, — штука шелковыхъ кружевъ черныхъ отличная. Половину — солгала ему — половину, говорю, ваша супруга взяли, а половина, говорю, какъ разъ на двадцать рублей осталась.

— Ну, передай, говоритъ, — ей отъ меня эти кружева: скажи, что *добрый геній* ей посылаетъ — шутить это, а самъ мнѣ двадцать-пять рублей бумажку подаетъ, и сдачи, говоритъ, не надо: возьми себѣ на орѣхи.

Довольно тебѣ, что и въ глаза се не выдавши, такой презентъ.

Сѣлъ онъ въ карету тутъ у Семіоновскаго моста и поѣхалъ, а я Фонталкой по набережной, да и домой.

— Вотъ, говорю, — Луканца Петровна, и твое счастье нашлось.

— Что, говоритъ, — такое.

А я ей все по порядку рассказываю: хвалю его, знаешь,

ей, какъ ни быть лучше: хотя, говорю, и въ лѣтахъ, но мужчина видный, полный, бѣлье, говорю, тонкое носить, въ очкахъ, сказываю, въ золотыхъ; а она вся такъ и трясется.

— Нечего, говорю. — мой другъ, тебѣ его бояться: можетъ-быть, для кого-нибудь другого онъ тамъ по чину своему, да по должности пускай и страшень, а твое, говорю. дѣло при немъ будетъ совѣтъ особливо; еще ручки, ножки свои его цѣловать заставь. Имъ, говорю, одна дамка-полячка (я-таки ее съ нимъ еще и познакомила), какъ хотѣла, помыкала, и амантовъ, говорю, имѣла, а онъ имъ еще и отличныя какія мѣста подавалъ, все будто замѣсто своихъ братьевъ она ему ихъ выдавала. Положись на мое слово и ничуть его не опасайся, потому что я его отлично знаю. Эта полячка, бывало, даже руку на него поднимала: сдѣласть, бывало, истерику, да махъ его рукою по очкамъ: только стеклышки зазвенять, а твое воспитаніе ничуть не ниже? А вотъ, говорю, тебѣ отъ него, пока что и презентикъ—вынула кружева да передъ ней и положила.

Прихожу опять вечеромъ домой, смотрю — она сидитъ чулокъ себѣ штонасть, а глаза такіе заплаканныя; гляжу, и кружева мои на томъ же мѣстѣ, гдѣ я ихъ положила.

— Прибрать бы, говорю, — тебѣ ихъ надо; вонъ хоть въ комоду, говорю, мою, что ли, бы положила; это вещь дорогая.

— На чтò, говорить, — они мнѣ?

— А не нравятся, такъ я тебѣ за нихъ десять рублей деньги ворочу.

— Какъ хотите, — говорить.

— Взяла я эти кружева, смотрю, что все цѣлы — свернула ихъ какъ должно, и такъ, не мѣривши, въ свой саквояжъ и положила.

— Вотъ, говорю, — что ты мнѣ за платъе должна — я съ тебя лишняго не хочу — положимъ за него хоть семь рублей, да за полсапожки три цѣлковыхъ, вотъ, говорю, и будемъ квиты, а остальное тамъ, какъ сочтемся.

— Хорошо, говорить, — а сама опять плакать.

— Плакать-то теперь бы, говорю, — не слѣдовало.

А она мнѣ отвѣчаетъ:

— Дайте, говорить, — мнѣ, пожалуйста, мои нослѣдніе слезы выплакать. Что вы, говорить, — беспокоитесь? — не бойтесь, понравлюсь!

— Что жь, говорю,—ты, матушка, за мое же добро, да на меня же фыркаешь? Тоже, говорю, новости: у Филипили да Филю-жь и били!

Взяла да и говорить съ ней перестала.

Прошелъ четвергъ, я съ ней не говорила. Въ пятницу напилась чаю, выхожу и говорю: изволь же, говорю, сударыня, быть готова: онъ нынче прїѣдетъ.

Она какъ вскочитъ: «какъ нынче! какъ нынче!»

— А такъ, говорю, — чай, сказано тебѣ было, что онъ общался въ пятницу, а вчера, я думаю, былъ четвергъ.

— Голубунка! говоритъ, — Домна Платоновна! — пальцы себѣ кусаетъ, да бухъ мнѣ въ ноги.

— Что ты, говорю,—сумасшедшая? Что ты?

— Спасите!

— Отъ чего, говорю,—отъ чего тебя спасать-то?

— Защитите! Пожалѣйте!

— Да что ты, говорю, — блажишь? Не сама ли же, говорю,—ты просила?

А она опять беретъ себя руками за щеки, да вопитъ: «душечка, душечка, пусть завтра, пусть, говоритъ,—хоть послѣзавтра!»

Ну, вижу, нечего ес, дуру, слушать, хлопнула дверью и ушла. Прїѣдетъ, думаю, онъ сюда—сами поладятъ. Не одну ужъ такую-то я видѣла: всѣ онѣ попервоначалу блага бьвають. Что ты на меня такъ смотришь? Это, повѣрь, я правду говорю: всѣ такъ-то убиваются.

— Продолжайте, говорю,—Домна Платоновна.

— Что-жь, ты думасшь, она, поганка, сдѣлала!

— А кто ее знаетъ, что ее чортъ угораздилъ сдѣлать!—сорвалось у меня со злости.

— Ужъ именно, правда твоя, что чортъ ее угораздилъ,—отвѣчала съ похвалою моею прозорливости Домна Платоновна.—Этакого человѣка, такую вельможу она, шельмовка такая, и въ двери не пустила!.. Стучаль-стучаль, звониль-звониль—она тебѣ хоть бы ему голосъ какой подала. Вотъ, вѣдь, какая хитростная—на что отважилась! Сидитъ запершись, словно ея и духу тамъ нѣтъ. Захожу я вечеркомъ къ нему—сейчасъ меня впустили—и спрашиваю: ну, что, говорю, обманула я васъ. ваше превосходительство? а онъ туча-тучей. Рассказываетъ мнѣ все, какъ онъ былъ и какъ ни съ чѣмъ назадъ пошелъ.

— Этакъ, говорить, — Домна Платоновна, любезная моя, съ порядочными людьми не поступаютъ.

— Батюшка, говорю, — да какъ это можно! вѣрно, говорю, — она куда на минутую выходила, или что такое — не слыхала — ну, а сама себѣ думаю: ахъ ты, варварка! ахъ ты, злодѣйка этакая! страмовница ты!

— Пожалуйте, прошу его, — ваше превосходительство, завтра — вѣрно вамъ ручаюсь, что все будетъ, какъ должно.

Да ушедши-то отъ него домой, да бѣгомъ, да бѣгомъ. Прибѣгаю, кричу:

Варварка! варварка! что жъ ты это, варварка, со мной надѣлала? Съ какимъ ты меня человѣкомъ, можетъ-быть, разстроила? Вѣдь, ты, говорю, сама со всей твоей родней-то да и съ цѣлою губерніей-то съ вашей и сапога его одного отоптаннаго не стоишь! Онъ, говорю, въ прахъ и въ пепель всѣхъ васъ и все начальство-то ваше истереть одной погой можетъ. Чего жъ ты, бездѣльница этакая, модничаешь? Даромъ я, что ли, тебя кормлю? Я бѣдная женщина; я на твоихъ же глазахъ день и ночь постоянно отягощаюсь; я на твоихъ же глазахъ веду самую прекрасную жизнь да еще ты, говорю, щелчокъ ты этакой, нахлѣбница навязалась!

И какъ ужъ я ее тутъ-то ругала! Какъ странно я ее съ сердцовъ ругала, что ты не повѣришь. Кажется-бъ вотъ взяла я да глаза ей въ сердцахъ повицарапала.

Домна Платоновна сморгнула набѣжавшую на одинъ глазъ слезу и проговорила между строкъ: даже теперь жалко, какъ вспомню, какъ я ее тогда обидѣла.

— Гольтена ты дворянская! говорю ей: — вопъ отъ меня! вопъ, чтобъ и духъ твой здѣсь не нахъ! и даже за рукавъ ее къ двери бросила. — Вѣдь вотъ, ты скажи, что съ сердцовъ человѣкъ иной разъ дѣлаетъ: сама назавтри къ ней такого грандеву пригласила, а сама ее нынче же вонъ выгоняю! Ну, а она — на эти мои слава, сейчасъ и готова — и къ двери.

У меня ужъ было и сердце все проходить стало, какъ она все это стояла-то, да молчала, а ужъ какъ она по моему, по послѣднему слову къ двери даже обернулась, я опять и вскипѣла.

— Куда, куда, говорю, — такая-сякая, ты летишь?

Ужъ и сама даже не помню, какими ее словами опять изругала.

— Оставайся, говорю, — не смѣй ходить!..

— Идѣть, я, говорю, — пойду.

— Какъ пойдешь? какъ ты смѣешь идти?

— Что жь, говоритъ, вы, Домна Платоновна, на меня сердитесь, такъ лучше же мнѣ уйти.

— Сержусь! говорю. — Идѣть, я мало, что на тебя сержусь, а я тебя буду бить.

Она вскрикнула, да въ дверь, а я ее за ручку, да назадъ, да тутъ-то сгоряча оплеухъ съ шесть таки горячихъ ей и закатила.

— Воровка ты, говорю, — а не дама, кричу на нее; — а она стоитъ въ уголкѣ, какъ я ее оттрениала, и вся, какъ кленовъ листь, трясется. но и тутъ, замѣть, свою анбицію дворянскую почувствовала.

— Что жь, говоритъ, — такое я у васъ украла?

— Космы-то, говорю, — нитки-то свои подбери — потому я ей всю прическу разстроила. — То, говорю, — ты у меня украла, что я тебя, варварку, попла-кормила двѣ недѣли; обула-одѣла тебя; я, говорю, — на всякій часъ отягощаюсь, я веду прекратительную жизнь, да еще черезъ тебя должна куска хлѣба лишиться, какъ ты меня съ такимъ человекомъ поссорила!

Смотрю: она потихоньку косы свои опять въ пучокъ подвернула, взяла въ ковшикъ холодной воды — умылась: голову расчесала и сѣла. Смирно сидитъ у оконечка, только все жестяное зеркальце потихонечку къ щекамъ прикладываетъ. Я будто не смотрю на нее, раскладываю по столу кружева, а сама вижу, что щеки-то у нея такъ и горять.

— Ахъ, думаю, — напрасно вѣдь это я, злодѣйка, такъ ужь очень ее обидѣла!

Все, что стою надъ столомъ, да думаю — то все мнѣ ее жалче; что стою думаю — то все жалче.

— Ахъ-ти мнѣ, горе съ моимъ добрымъ сердцемъ! Никакъ я съ своимъ сердцемъ не совладаю. И досадно, и знаю, что она виновата, и вполнѣ того заслужила, а жалко.

Выскочила я на минуточку на улицу — тутъ у насъ, въ нашемъ же домѣ подъ низомъ кондитерская — взяла десять штучекъ несочнаго пирожнаго и прихожу: сама поставила самоваръ; сама чаю чашку ей налила и подаю съ пирожнымъ. Она взяла изъ моихъ рукъ чашку и пирожное взяла, откусила кусочекъ, да межъ зубовъ и держитъ. Кусочекъ

держитъ, а сама вдругъ улыбается, улыбается и весело улыбается, а слезы капъ-капъ-капъ, такъ и брызжутъ; такъ вотъ просто не текутъ, а какъ сокъ изъ лимона, если подавишь, брызжутъ.

— Полно, говорю, — не обижайся.

— Нѣтъ, говорить, — я ничего, я ничего, я ничего... да какъ зарядила это: «я ничего, да я ничего» — твердить одно, да и полно.

Господи! думаю, ужъ не сдѣлалось ли ей помраченіе смысловъ? Водой на нее брызнула; она тише, тише и усюконлась: сѣла въ уголку на постелинникѣ и сидитъ. А меня все знаешь, совѣсть мутитъ, что я ее обидѣла. Помолилась я Богу — прочтала, какъ еще въ Мценскѣ священникъ училъ отъ запаленія ума: «Благого Царя, благая Мати, пречистая и чистая». — и сняла съ себя капотникъ, и подхожу къ ней въ одной юбкѣ и говорю: «Послушай ты меня, Леканида Петровна! Въ писанинѣ читается: «да не зайдетъ солнце во гнѣвъ запемъ»; прости же ты меня за мою дерзость; давай, помиримся! — поклонилась ей до земли и взяла ее руку поцѣловала: вотъ тебѣ, ей-Богу, какъ завтрашній день хочу видѣть, такъ поцѣловала. И она, смотрю, наклоняется ко мнѣ и въ плечо меня чмокъ, гляжу — и тоже мою руку поцѣловала и сами мы между собою обѣ другъ дружку обняли и поцѣловались.

— Другъ мой, говорю, — вѣдь я не со злости какой. Или не для своей корысти, а для твоего же добра! — толкую ей, и по головкѣ ее ласкаю, а она все этакъ, скороговоркой:

Хорошо, хорошо; благодарю васъ, Домна Платоновна, благодарю.

— Вотъ она, говорю, — завтра онять пріѣдетъ.

— Ну, что жъ! говорить. — ну, что жъ! очень хорошо, пусть пріѣзжаетъ.

Я ее опять по головкѣ глажу, волосы ей за ушко заправляю, а она сидитъ, и глазкомъ съ ланнады не смигнетъ. Ланнадъ горитъ передъ образами таково тихо, сіяніе отъ иконъ на нее идетъ, и вижу, что она вдругъ губами все шевелитъ, все шевелитъ.

— Что ты, спрашиваю, — душечка, Богу это, что ли, молнишь?

— Нѣтъ, говорить, — это я, Домна Платоновна, такъ.

— Что жь, говорю,—я думала, что ты это молишься, а так самому съ собой разговаривать, другъ мой, не годится. Это только одни помѣшанные сами съ собой разговариваютъ.

— Ахъ,—отвѣчаетъ она мнѣ:—я, говоритъ,—Домна Платоновна, ужь и сама думаю, что я, кажется, помѣшанная. На что я только иду! на что я это иду!—заговорила вдругъ, и въ грудь себя таково изо всей силы ударяетъ.

— Что жь, говорю, — дѣлать? Такъ тебѣ, вѣрно, путь такой тяжелый назначенъ.

— Какъ, говоритъ,—такой мнѣ путь назначенъ? Я была честная дѣвушка! я была честная жена! Господи! Господи! да гдѣ же Ты? Гдѣ же, гдѣ Богъ?

— Бога, говорю,—читается, другъ мой, никто же видѣ, и нигдѣ же.

— А гдѣ же есть сожалительные. добрые христіане? Гдѣ они? гдѣ?

— Да здѣсь, говорю.—и христіане.

— Гдѣ!

— Да какъ *идь*? Вся Россія — все христіане, и мы съ тобой христіанки.

— Да, да, говоритъ,—и мы христіанки... и сама, вижу, эти слова выговариваетъ, и въ лицѣ страшная становится. Словно она съ кѣмъ съ невидимымъ говоритъ.

— Фу, говорю,—да сумасшедшая ты, что ли, въ самомъ дѣлѣ? что ты меня пужаешь-то? что ты ропотъ-то на Создателя своего произносишь?

Смотрю: сейчасъ она опять смирилась, плачетъ опять тихо и разсуждаетъ:

— Изъ-за чего, говоритъ,—это я только все себѣ надѣлала? Какихъ я людей слушала? Разбили меня съ мужемъ; натолковали мнѣ, что онъ и тиранъ, и варваръ, когда это совсѣмъ неправда была, когда я, я *сама*, презрѣнная и низкая капризница, я жизнь его отравляла, а не поклонила. Люди! подлые вы люди! сбили меня; насулили мнѣ здѣсь горы золотыя, а не сказали про рѣки огненныя. Мужъ меня теперь бросилъ, смотрѣть на меня не хочетъ, писемъ моихъ не читаетъ. А завтра я... бррр...хъ!

Вся даже задрожала.

— Маменька!—стала звать,—маменька! если бъ ты меня теперь, душечка, видѣла? Если бъ ты, чистенькій ангель

мой, на меня теперь посмотрѣла изъ своей могилки? Какъ она насъ, Домна Платоновна, воспитывала! Какъ мы жили хорошо: ходили всегда чистенькія; все у насъ въ домѣ было такое хорошенькое; цвѣточки мама любила; бывало, говорить, возьметъ за руки и пойдѣмъ двое далеко... въ луга пойдѣмъ...

Тутъ-то знаешь ты, сонъ у меня удивительный — слушала я, какъ это хорошо все она вспоминаетъ, и заснула.

Ну, представь же ты теперь себѣ: сплю это; заснула у нея, на ея постеленкѣ, и какъ пришла къ ней, совсѣмъ даже въ юбкѣ заснула, и опять тебѣ говорю, что сплю я свое время крѣпко, и снова никогда никакихъ не вижу, кромѣ какъ развѣ къ какому у меня воровству: а тутъ, все это мнѣ видятся роши такія, палисадники и она, эта Деканнда Петровна. Будто такая она маленькая, такая хорошенькая: головка у нея русая, вся въ кудряшкахъ, и носить она въ рукахъ вѣночекъ, а за нею собачка, такая бѣленькая собачка, и все на меня гамъ-гамъ, гамъ-гамъ—будто сердится и укусить меня хочетъ. Я будто нагибаюсь, чтобъ поднять палочку, чтобъ эту собачку отъ себя отогнать, а изъ земли вдругъ мертвая ручища: хватъ меня вотъ за самое за это мѣсто, за кость. Вскинулась я, смотрю—свое время я ужъ проспала. и руку страсть какъ неловко перележала. Ну, одѣлась я, помолилась Богу и чайку напилась, а она все спитъ.

— Пора, говорю, — Деканнда Петровна, вставать; чай, говорю,—на конфоркѣ стоитъ, а я, мой другъ, ухожу.

Поцѣловала ее на постели въ лобъ, истинно говорю тебѣ, какъ дочь родную жалѣючи. да изъ двери-то выходя, ключикъ это потихоньку вынула, да въ карманъ.

— Такъ-то, думаю, дѣло честиѣ будетъ.

Захожу къ генералу и говорю: ну, ваше превосходительство, теперь дѣло не мое. Я свое сдѣлала — пожалуйіте поскорѣй, и ему отдала и ключъ.

— Ну-съ, говорю, — милая Домна Платоновна, не на этомъ же все кончилось?

Домна Платоновна засмѣялась и головой закачала съ такимъ выраженіемъ, что: смѣшны, молъ, всѣ люди на бѣломъ свѣтѣ.

Прихожу я домой нарочно попозже, смотрю --- огня нѣтъ.

— Леканида Петровна! зову.

Слышу она на моей постели ворочается.

— Спишь? спрашиваю:—а самое меня, знаешь, такъ смѣхъ и подмываетъ.

— Нѣтъ, не сплю, отвѣчаю.

— Что же ты огня, молъ, не засвѣтишь?

— На что жъ онъ мнѣ, говоритъ,—огонь?

Зажгла я свѣчу. раздула самоваризку, зову ее чай пить.

— Не хочу, говоритъ,—я, а сама все къ стѣнкѣ заворачивается.

— Ну, по крайности, говорю.—встань же, хоть на свою постель перейди: мнѣ мою постель надо поправить.

Вскочу, поднимается какъ волкъ угрюмый. Взглянула неподобья на свѣчу и глаза рукой заслоняетъ.

— Что ты, спрашиваю,—глаза закрываешь?

— Больно, отвѣчаетъ,—на свѣтъ смотреть.

Пошла и слышу, какъ была опять совсѣмъ въ платъ одѣтая, такъ и повалилась.

Раздѣлась и я, какъ слѣдуетъ, помолилась Богу, но все меня любопытство беретъ узнать, какъ тутъ у нихъ безъ меня были подробности? Къ генералу я побоялась идти: думаю, чтобъ опять афронта какого не было, а ее спросить даже слѣдуетъ, но она тоже какъ-то не допускаетъ. Дай, думаю, съ хитростью къ ней пойду. Вхожу къ ней въ каморку и спрашиваю:

— Что, никого, говорю,—тутъ, Леканида Петровна, безъ меня не было.

Молчитъ.

— Что жъ, говорю.—ты, мать, и отвѣтить не хочешь?

А она съ сердцемъ этакъ: нечего, говоритъ,—вамъ меня разспрашивать.

— Какъ же это, говорю, — нечего мнѣ тебя разспрашивать? Я хозяйба.

— Потому, говоритъ, — что вы безъ всякихъ вопросовъ очень хорошо все знаете: и это, ужъ я слышу, совсѣмъ другимъ тономъ говорить.

Ну, тутъ, я все дѣло, разумѣется, поняла.

Она только вздыхаетъ: и пока я улеглась и уснула — все вздыхаетъ.

— Это, говорю,—Домна Платоновна, ужъ и конецъ?

— Это первому дѣйствию, государь мой, конецъ.

— А во второмъ-то что же происходило?

— А во второмъ она вышла противъ меня, мерзавка — вотъ что во второмъ происходило.

— Какъ же, сирашиваю,—это, Домна Платоновна, очень интересно, какъ такъ это сдѣлалось?

— А такъ, сударь мой, и сдѣлалось, какъ дѣлается: силу человекъ въ себѣ почувалъ, ну, сейчасъ и свиньей сталъ.

— И вскорѣ, говорю,—это она такъ къ вамъ перемѣнилась?

— Тутъ же таки. На другой день ужъ всю это свою козью прыть показала. На другой день я, по обнажновенію, въ свое время встала, сама поставила самоваръ и сѣла къ чаю около ея постели въ каморочкѣ, да и говорю: иди же, говорю,—Леканида Петровна, умывайся, да Богу молись, чай пора пить. Она, ни слова не говоря, вскочила и, гляжу, у нея изъ кармана какая-то бумажка выпала. Нагибаюсь я къ этой бумажкѣ, чтобъ поднять ее, а она вдругъ сама, какъ ястребъ, на нее бросается.

— Не троньте! говорить,—и хвать ее въ руку.

— Вижу, бумажка сторублевая.

— Что жъ ты, говорю,—такъ, матушка, рычишь?

— Такъ хочу, такъ и рычу.

— Успокойся, говорю,—милая; я, слава Богу, не Диеленьша, въ моемъ домѣ никто у тебя твоего добра отнимать не станетъ. Ни слова она мнѣ въ отвѣтъ не сказала: мой чай пьеть и на меня жъ глядѣть не хочетъ; возьми ты это, хоть кому-нибудь доведися—станеть больно. Ну, однако, я ей это спустила, думала, что она это еще въ разстройкѣ, и точно вижу, что какъ это воротъ-то у нея въ рубашкѣ широкій, такъ видно, знаешь, какъ грудь-то у ней такъ вотъ и вздрагиваетъ, и на что я тебѣ сказывала: была она собою тѣломъ и бѣла, и розовая, точно пухъ въ атласѣ, а тутъ, знаешь, будто вдругъ она какая-то темная мякъ показалась тѣломъ, и все у нея по голымъ плечамъ-то сиротки вспрыгиваютъ, пупырышки эти такія, что вотъ съ холоду когда выступаютъ. Холеной нѣженкѣ первый свѣжокъ трудень. Я ее даже молча и пожалѣла еще, и никакъ себѣ не воображала, какая она ехидная.

Вечеромъ прихожу: гляжу — она сидитъ передъ свѣчкой и рубашку себѣ новую шьеть, а на столѣ передъ

ней еще такъ три, не то четыре рубашки лежатъ прикроенныя.

— Почему, спрашиваю,—брала полотно?

А она этакъ тихо-тихохонько мнѣ вотъ что отвѣчаетъ:

— Я говорю.—Домна Платоновна, желала васъ про-
сить: оставьте вы меня, пожалуйста, съ вашими разгово-
рами.

Смотрю, влдѣ у нея такой покойный, будто совѣмъ и не сердится. Ну, думаю, матушка, когда ты такая, такъ и я же къ тебѣ стану иная.

— Я, говорю ей,—Леканида Петровна, въ своемъ домѣ хозяйка и все говорить могу; а тебѣ, если мои разговоры неприятны, такъ не угодно ли, говорю—отправляться куда угодно.

— И не беспокойтесь, говорить.—я и отправлюсь.

— Только прежде всего надо, я говорю,—разсчитаться: честные люди, не разсчитавшись, не сѣзжаютъ.

— Опять, говорю,—не беспокойтесь.

— Я, отвѣчаю,—не беспокоюсь, ну, только считаю ей, за полтора мѣсяца, за квартиру десять рублей и что запла-
ла, пятнадцать рублей, да за чай, говорю,—положимъ, хоть три цѣлковыхъ: прачкѣ опять тоже три цѣлковыхъ, трид-
цать-одинъ цѣлковый, говорю. За свѣчки тутъ-то не посчи-
тала, и что въ баню съ собой два раза ее брала, и то тоже
забыла.

— Очень хорошо-сь, отвѣчаетъ,—все будетъ вамъ за
плачено.

На другой день вечеромъ ворочаюсь опять домой, за-
стаю ее, что она опять сидитъ, себѣ рубашку шьетъ, а на
стѣнѣ, такъ насупротивъ ея, на гвоздикѣ виситъ этакой
бурнусъ, черный атласный, хорошій бурнусъ, на гродена-
плевой подкладкѣ и на пуху. Закипѣло у меня, знаешь, что
все это она черезъ меня, черезъ мое радѣтельство полу-
чила, да еще безъ меня же, словно будто потоймя отъ меня
справляетъ.

— Бурнусы-то, говорю,—можно бѣ, мнѣ кажется, пого-
дить справлять, а прежде бѣ съ долгами расчесться.

Она на эти мои слова сейчасъ опускаетъ бѣлу-ручоньку
въ карманъ; вытаскиваетъ оттуда бумажку и подаетъ.
Смотрю, въ этой бумажкѣ аккурать тридцать и одинъ
цѣлковый.

Взяла я деньги и говорю:—Благодарствуйте, говорю,—Леканьда Петровна. Ужъ «вы» ей, знаешь, нарочно говорю.

— Не за что-сь, отвѣчаетъ, а сама и глазъ на меня даже съ работы не вскинеть; все шьетъ, все шьетъ; такъ нгла-то у нея и летаетъ.

Постой же, думаю,—змѣйка ты зеленая; не очень еще ты чванься, что ты со мною расплатилась. Это, говорю,—Леканьда Петровна, вы мнѣ мои расходы вернули, а что жъ вы мнѣ за мои за хлопоты пожалуете?

— За какіе, спрашиваетъ,—за хлопоты?

— Какъ же, говорю,—я вамъ стану объяснять? сами, чай, понимаете.

А она это шьетъ, наперстокомъ-то по рубцу водить, да и говорить, не глядя: пусть, говорить, вамъ за эти ваши милыя хлопоты платить тотъ, кому онѣ были нужны.

— Да вѣдь вамъ, говорю,—онѣ больше всѣхъ нужны-то были.

— Нѣтъ, мнѣ, говорить,—онѣ не были нужны. А впрочемъ, сдѣлайте милость, оставьте меня въ покоѣ.

Довольно съ тебя этой дерзости! Но я и съ пренебрегла. Пренебрегла и оставила, и не говорю съ нею, и не говорю.

Только на утро, гдѣ бы пить чай, смотрю—она убралась; рубашку эту, что ночью дошила, на себя надѣла. недошитыя свернула въ платочекъ; смотрю, нагиается, изъ-подъ кровати вытащила кордонку, шляпочку оттуда достаетъ... Прехорошенькая шляпочка... Все во всемъ ея вкусъ... Надѣла ее и говоритъ: прощайте, Домна Платоновна.

Жаль мнѣ ее опять тутъ, какъ дочь родную, стало: постой же, говорю ей,—постой, хоть чаю-то нанеися!

— Шокорно благодарю, отвѣчаетъ:—я у себя буду пить чай.

— Понимай, значить—то, что у себя! Ну, Богъ съ тобой, я и это мимо ушей пустила.

— Гдѣ жъ, говорю,—ты будешь жить?

— На Владимірской, говорить,—въ Тарховомъ домѣ.

— Знаю, говорю,—домъ отличный, только дворники большіе повѣсы.

— Мнѣ, говорить,—до дворниковъ дѣла нѣтъ.

— Разумѣется, говорю,—мой другъ, разумѣется! Комнатку себѣ, что ли, наняла?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ,—квартиру взяла, съ кухаркой буду жить.

— Вонъ вижу, куда заиграло! Ахъ ты хитрая! говорю,— хитрая! шути. на нес, знаешь, пальцемъ грожусь. Зачѣмъ же, говорю,—ты меня обманывала-то, говорила, что къ мужу поѣдешь?

— А вы, говорить,—думаете, что я васъ обманывала?

— Да ужь, отвѣчаю,—что тутъ думать! когда бъ имѣла желаніе ѣхать, то, разумѣется, не нанимала бъ тутъ квартиры.

— Ахъ, говорить.—Домна Платоновна, какъ мнѣ васъ жалко! ничего вы не понимаете.

— Ну, говорю,—ужь не хитри, душечка! Вижу, что ты умно обдѣлала дѣльце.

— Да вы, говорить,—что это толкуете! Развѣ такія мерзавки, какъ я, къ мужьямъ ѣздить?

— Ахъ, мать ты моя! что ты это, отвѣчаю,—себя такъ ужь очень мерзавишь! И въ пять разъ мерзавнѣй тебя да съ мужьями живутъ.

А она, ужь совсѣмъ это, на порогѣ-то стоячи, вдругъ улыбулась, да и говоритъ: нѣтъ, извините меня, Домна Платоновна, я на васъ сердилась; ну, а вижу, что на васъ нельзя сердиться, потому что вы совсѣмъ глупы.

Это вмѣсто прощанья-то! нравится это тебѣ?—Ну, подумала я ей вслѣдъ, глупа-неглупа, а видно умнѣй тебя, потому, что я захотѣла, то съ тобой, съ умницей, съ воспитанной, и сдѣлала.

Такъ она отъ меня сошла, не то что съ ссорю, а все какъ съ небольшимъ удовольствіемъ. И не видала я ее съ тѣхъ поръ, и не видала, я думаю, больше какъ годъ. Въ это-то время у меня тутъ какъ-то работку Богъ давалъ: четырехъ купцовъ я женила; одну полковницкую дочь замужъ выдала; одного надворнаго совѣтника на вдовѣ, на купчихѣ, тоже женила, ну, и другія разныя дѣла тоже перепарила, а тутъ это товаръ тоже изъ своего мѣста насылали—такъ время и прошло. Только вышелъ тутъ такой случай: была я одинъ разъ у этого самаго генерала, съ которымъ Деканцкову-то познакомила: къ невѣсткѣ его зашла. Съ сыномъ-то съ его я давно была знакома: такой

тоже весь въ отца вышелъ. Ну, прихожу я къ невѣсткѣ, мантиль блондовую она хотѣла дать продать, а ея и нѣтъ: въ Воронежъ, говорятъ, къ Митрофанію угоднику поѣхала.

— Зайду, думаю,—по старой памяти къ барину.

Всхожу съ задняго хода, никого нѣтъ. Я потихонечку топы-топы, да одну комнату прошла и другую, и вдругъ, сударь ты мой, слышу Леканидкинъ голосъ: «шарманъ мой! говоритъ, я, говоритъ, люблю тебя: ты одно мое счастье земное!»

— Отлично, думаю,—и съ папенькой, и съ сыночкомъ романсы проводитъ моя Леканида Петровна; да сама опять топы-топы, да тѣми же пятаями вонъ. Узнаю-поузнаю, какъ это она познакомилась съ этимъ, съ молодымъ-то,—ажъ выходитъ, что жена-то молодого сама надъ нею сжалась, навѣщать се стала потихоньку, все, это, знаешь, жалѣючи ее, что такая будто она дамка образованная, да хорошая; а она, Леканидка, ей, не хуже какъ мнѣ, и отблагодарила. Ну, ничего, не мое это, значить, дѣло; знаю и молчу; даже еще покрываю этотъ ея грѣхъ, и гдѣ слѣдуетъ виду этого не подаю, что знаю. Прошло опять чуть не съ годъ ли. Леканидка въ ту пору жила въ Кирпичномъ переулкѣ. Собиралась я, это, на средокрестной недѣлѣ говѣть, и иду этакъ по Кирпичному переулку, глянула на домъ-то, да думаю: какъ это нехорошо, что мы съ Леканидой Петровной такое время поссорившись: тѣла и крови готовясь принять—да! зайду къ ней, помирюсь! Захожу. Парадъ такой въ квартирѣ, что лучше требовать нельзя. Горничная—точно какъ барышня.

— Доложите, говорю,—умница, что, молъ, кружевница Дюма Платоновна желаетъ ихъ видѣть.

Пошла и выходитъ, говорить:—пожалуйте.

Вхожу въ гостиную; таково тоже все цардно, и на диванѣ сидитъ, это, сама Леканидка и генералова невѣстка съ ней: обѣ кофій кушаютъ. Встрѣчаетъ меня Леканидка будто и ничего, будто со вчера всего только не видалась.

Я тоже со всей моею простотой: славно, говорю, живешь, душечка; дай Богъ тебѣ и еще лучше.

А она съ той что-то вдругъ и залопотала по-французски. Не понимаю я ничего по-ихнему. Служу, какъ дура, глазью по комнатамъ, да и зѣвать стала.

— Ахъ,—говоритъ, вдругъ Леканидка:—не хотите ли вы, Домна Платоновна, кофію?

— Отчего жъ, говорю,—позвольте чашечку.

Она это сейчасъ звонитъ въ серебряный колокольчикъ и приказываетъ своей дѣвкѣ: Даша, говоритъ, напойте Домну Платоновну кофіемъ.

Я, дура, этого тогда сразу-то и не поняла хорошенько, что такое значить *напойте*; только сметрю, такъ минутъ черезъ десять, эта самая ея Дашка входитъ опять и докладываетъ: готово, говоритъ, сударыня.

— Хорошо,—говоритъ, ей въ отвѣтъ Леканидка, да и оборачивается ко мнѣ: — подите, говоритъ, Домна Платоновна: она васъ напоитъ.

Ухъ, ужъ на это меня взорвало! Сверзну я ее, подумала себѣ, но удержалась. Встала и говорю: нѣтъ, покорно васъ благодарю, Леканида Петровна, на вашемъ угощеніи. У меня, говорю, хоть я и бѣдная женщина, а у меня и свой кофіи есть.

— Что жъ, говоритъ,—это вы такъ разсердились?

— А то, прямо ей въ глаза говорю, — что вы со мной мою хлѣбъ-соль вмѣстѣ кушивали, а меня къ своей горничной посылаете: такъ это мнѣ, разумѣется, обидно.

— Да моя, говоритъ,—Даша—честная дѣвушка; ея общество васъ оскорблять не можетъ, а сама будто, показалось мнѣ, какъ улыбается.

Ахъ ты, змѣя, думаю: я тебя у сердца моего пригрѣла, такъ ты теперь и по животу ползешь! Я, говорю, у этой дѣвицы чести ея нисколько не снимаю, ну только не вамъ бы, говорю, Леканида Петровна, меня съ своими прислугами за одинъ столъ сажать.

— А отчего это, спрашиваетъ,—такъ, Домна Платоновна, не мнѣ?

— А потому, говорю, — матушка, что вспомни, что ты была, и посмотри, что ты есть, и кому ты всеѣмъ этимъ обязана.

— Очень, говоритъ, — помню, что была я честной женщиной, а теперь я дрянъ и обязана этимъ вамъ, вашей добротѣ, Домна Платоновна.

— И точно, отвѣчаю, — рѣчь твоя справедлива, прямая ты дрянъ. Въ твоемъ же домѣ, да ничего не боясь, въ глаза

тебѣ эти слова говорю, что ты дрянь. Дрянь ты была, дрянь и есть, а не я тебя дрянью сдѣлала.

А сама, знаешь, беру свой саквояжъ.

— Прощай, говорю,—госпожа великая!

А эта генеральская невѣстка-то чахоточная какъ вскочить, дохлая: какъ вы, говорить, смѣете оскорблять Леканиду Петровну!

— Смѣю, говорю,—сударыня.

— Леканида Петровна, говорить, — очень добра, но я, наконецъ, не позволю обижать ее въ моемъ присутствіи: она мой другъ.

— Хорошъ, говорю,—другъ!

Тутъ и Леканидка, гляжу, вскочила, да какъ крикнетъ: вопль, говоритъ, гадкая ты женщина!

— А! говорю,—гадкая я женщина! Я гадкая, да я съ чужими мужьями романсовъ не провождаю. Какая я ни на есть, да такого не дѣлала, чтобъ и паленьку, и сыночка одними прелестями-то своими прельщать! Извольте, говорю, сударыня, вамъ вашего друга, ужъ исполнѣ, говорю, другъ.

— Лжете, говорить,—вы! Я не повѣрю вамъ, вы это со злости на Леканиду Петровну говорите.

— Ну, а со злости, такъ вотъ же, говорю, — теперь ты меня, Леканида Петровна, извини; теперь, говорю, ужъ я тебя сверзну, и все, знаешь, что слышала, что Леканидка съ мужемъ-то ея тогда чекотала, то все имъ и высыпала на столъ, да и вонь.

— Ну-съ, говорю,—Домна Платоновна?

— Бросилъ ее старикъ послѣ этого скандала.

— А молодой?

— Да съ молодымъ нешто у нея интересъ былъ какой! Съ молодымъ у нея, какъ это говорится такъ,—пурь-амурь любовь шла. Тоже вѣдь, гляди ты, шушваль этакая, а безъ любви никакъ дышать не могла. Какъ же! нельзя же комиссару безъ штановъ быть. А вотъ теперь и безъ любви обходится.

— Вы, говорю,—почему это знаете, что обходится?

— А какъ же не знаю! Стало-быть, что обходится, когда живетъ въ такой жизни, что нынче одинъ князь, а завтра другой графъ; нынче англичанинъ, завтра итальянецъ или испанецъ какой. Ужъ тутъ стало, не любовь, а деньги.

Бзырить по магазинамъ, да по Невскому въ такой коляскѣ лежачей на рысакахъ катается...

— Ну, такъ вы съ тѣхъ поръ съ нею и не встрѣчаетесь?

— Нѣтъ. Зла я на нее не питаю, но не хожу къ ней. Богъ съ нею совсѣмъ! Разъ какъ-то на Морской нынче по осени выхожу отъ одной дамы, а она на крыльцо всходитъ. Я-таки дала ей дорогу и говорю: «здравствуйте, Леканѣда Петровна!»—а она вдругъ, зеленая вся, наклонилась ко мнѣ, съ крылечка-то, да этакъ къ самому къ моему лицу и съ ласковой такой миной отвѣчаетъ: здравствуй, мерзавка!

Я даже не утерпѣлъ и разсмѣялся.

— Ей-Богу! Здравствуй, говоритъ,—мерзавка! Хотѣла я ей тутъ-го, было, сказать: не мерзавъ, моль, матушка, сама ты нынче мерзавка, да подумала, что лакей-то этотъ за нею, и зонтикъ у него большой въ рукахъ, такъ ужъ проходи, думаю, налѣво, французская королева.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Со времени сообщенія мнѣ Домною Платоновной повѣсти Леканѣды Петровны прошло пять лѣтъ. Въ теченіе этихъ пяти лѣтъ я уѣзжалъ изъ Петербурга и снова въ него возвращался, чтобы услышать его неумолчный грохотъ, смотрѣть блѣдныя, озабоченныя и задавленныя лица, дышать смрадомъ его испареній и хандрить подъ угнетающимъ впечатлѣніемъ его чахоточныхъ бѣлыхъ ночей—Домна Платоновна была все та же. Вездѣ она меня какъ-то случайно отыскивала, встрѣчалась со мной съ дружескими поцѣлуями и объятіями и всегда неустанно жаловалась на злокозненные происки человѣческаго рода, избравшаго ее, Домну Платоновну, своей любимой жертвой и какимъ-то вѣчнымъ игралищемъ. Много рассказала мнѣ Домна Платоновна въ эти пять лѣтъ разныхъ исторій, гдѣ она была всегда попрана, оскорблена и обижена за свои же добродѣтели и поличенія о нуждахъ человѣческихъ.

Разнообразны, странны и многообильны всякими приключеніями бывали эти интересные и безхитростные рассказы моей добродушной Домны Платоновны. Много я слышалъ отъ нея про разныя свадьбы, смерти, наслѣдства, воровства-кражи и воровства-мошенничества, про всякій нагольный икрытый развратъ, про всякія петербургскія мистеріи и про васъ, про ваши назидательныя похожденія, мои до-

рогія землячки Леканиды Петровны. про васъ, везущихъ сюда съ вольной Волги, изъ раздольныхъ степей саратовскихъ, съ тихой Оки и изъ золотой, благословенной Украины свои свѣжія, здоровыя тѣла, свои задорныя, но незлобивыя сердца, свои безумно-смѣлыя надежды на рокъ, на случай, на свои ни къ чему негодныя здѣсь силы и порыванія.

Но возвращаемся къ нашей пріятельницѣ Домнѣ Платоновнѣ. Васъ, кто бы вы ни были, мой снисходительный читатель, не должно оскорблять, что я назвалъ Домну Платоновну нашей общей пріятельницей. Предполагая въ каждомъ читателѣ хотя самое малое знакомство съ Шекспиромъ, я прошу его припомнить то гамлетовское выраженіе, что «если со всякимъ человѣкомъ обращаться по достоинству, то очень немного найдется такихъ, которые не заслуживали бы порядочной оплеухи». Трудно бываетъ проникнуть во святая-святыхъ человѣка!

Итакъ, мы съ Домной Платоновной все водили хлѣбъ-соль и дружбу; все она навѣщала меня и вѣчно, посиѣшая куда-нибудь по дѣлу, засиживалась по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ. Я тоже былъ у Домны Платоновны два или три раза въ ея квартирѣ у Знаменья и видѣлъ ту каморочку, въ которой укрывалась до своего акта отреченія Леканίδα Петровна, видѣлъ ту кондитерскую, въ которой Домна Платоновна брала песочное пирожное, чтобы подкормить ее и утѣшить; видѣлъ, наконецъ, двухъ свѣжепривозныхъ молодыхъ «дамокъ», которыя прибыли искать въ Петербургѣ счастья и попали къ Домнѣ Платоновнѣ «на Леканидино мѣсто»; но никогда мнѣ не удавалось вывѣдать у Домны Платоновны, какими путями шла она и дошла до своего нынѣшняго положенія и до своихъ оригинальныхъ убѣжденій насчетъ собственной, абсолютной правоты и всеобщаго стремленія ко всякому обману. Мнѣ очень хотѣлось знать, что такое происходило съ Домной Платоновной прежде, чѣмъ она зарядила: «Э, ге-ге, нѣтъ ужъ ты, батюшка, со мной. сдѣлай милость, не спорь; я ужъ это лучше тебя знаю». Хотѣлось знать, какова была та благословенная купеческая семья на Зулѣ, въ которой (т. е. въ семьѣ) выросла этакая круглая Домна Платоновна, у которой и молитва, и постъ, и собственное цѣломудріе, которымъ она хвалилась, и жалость къ людямъ, сходившійся вмѣстѣ съ сватовскою ложью, артистическою наклонностью къ устройству

коротенькихъ браковъ не любви ради, а ради интереса, и т. п. Какъ это, я думалъ, все пробралось въ одно и то же толстенькое сердце и уживается въ немъ съ такимъ изумительнымъ согласіемъ, что сейчасъ одно чувство толкаетъ руку отпустить плачущей Леканидѣ Петровнѣ десять пощечинъ, а другое поднимаетъ ноги принести ей песочнаго пирожнаго; то же сердце сжимается при сновидѣніи, какъ мать чистенько водила эту Леканиду Петровну, и оно же спокойно бьется, приглашая какого-то толстаго борова поспѣшить какъ можно скорѣе запачкать эту Леканиду Петровну, которой теперь нечѣмъ и запереть своего тѣла!

Я понималъ, что Домна Платоновна не преслѣдовала этого дѣла, въ видѣ промысла, а принимала *по-интерски*, какъ какой-то неотразимый законъ, что женщинаѣ нельзя выпутаться изъ бѣды иначе, какъ насчетъ своего собственнаго паденія. Но все-таки, чтò же ты такое, Домна Платоновна? Кто тебя всему этому вразумилъ и на этотъ путь поставилъ? Но Домна Платоновна, при всей своей словоохотливости, терѣтъ не могла касаться своего прошлаго.

Наконецъ неожиданно вышелъ такой случай, что Домна Платоновна, совершенно ненарокомъ и безъ всякихъ съ моей стороны подходовъ, рассказала мнѣ, какъ она была проста и какъ «они» ее *вышколили* и довели до того, что она *теперь никому на снѣ порохъ не върнть*. Не ждите, любезный читатель, въ этомъ разсказѣ Домны Платоновны ничего цѣльнаго. Едва ли онъ много поможетъ кому-нибудь выяснить себѣ процессъ уметвеннаго развитія этой петербургской дѣятельницы. Я передаю вамъ дальнѣйшій разсказъ Домны Платоновны, чтобы немножко васъ позабавить и, можетъ-быть, дать вамъ случай одинъ лишній разъ призадуматься надъ этой тупой, но страшной силой «петербургскихъ обстоятельствъ», не только создающихъ и вырабатывающихъ Домну Платоновну, но еще предающихъ въ ея руки лѣзущихъ въ воду, не спрося броду, Леканидъ, для которыхъ здѣсь Домна становится тираномъ, тогда какъ во всякомъ другомъ мѣстѣ она сама чувствовала бы себя передъ каждою изъ нихъ паріей или много что шутихой.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Былъ я въ Петербургѣ боленъ и жилъ въ то время въ Коломнѣ. Квартира у меня, какъ выразилась Домна Пла-

тоновна, «была какая-то особенная». Это были двѣ просторныя комнаты въ старинномъ деревянномъ домѣ у маленькой, деревянной кунчики, которая недавно схоронила своего очень благочестиваго супруга и по вдовьему положенію занялась ростовщицествомъ, а свою прежнюю опочивальню, вмѣстѣ съ трехспальною кроватью, и смежную съ спальней гостиную комнату, съ громаднымъ кіотомъ, передъ которымъ ежедневно маливался ей покойникъ, пустила въ наемъ.

У меня въ такъ-называемомъ залѣ были диванъ, обитый настоящей русской кожей; столъ круглый, обтянутый полнявшимъ фіолетовымъ плюсомъ, съ совершенно безцвѣтною шелковою бахромою; столовые часы съ мѣднымъ арапомъ; печка съ горельефной фигурой во впадинѣ, въ которой пастанувалась настойка: длинное зеркало съ очень хорошимъ стекломъ и бронзовою арфою на верхней доскѣ высокой рамы. На стѣнахъ висѣли: масляный портретъ покойнаго императора Александра I; около него, въ очень тяжелыхъ золотыхъ рамахъ за стеклами, помѣщались литографіи, изображавшія четыре сцены изъ жизни королевы Женеьевы; императоръ Наполеонъ по инфантеріи и императоръ Наполеонъ по кавалеріи; какая-то горная вершина; собака, плавающая на своей конурѣ, и портретъ кунца съ медалью на аннинской лентѣ. Въ дальнемъ углу стоялъ высокій, трехъярусный образникъ съ тремя большими иконами съ темными лицами, строго смотрѣвшими изъ своихъ блестящихъ золоченыхъ окладовъ: передъ образникомъ лампада, всегда тщательно зажигаемая моею набожной хозяйкой, а внизу подъ образами шкафчикъ съ полукруглыми дверцами и бронзовымъ кантомъ на мѣстѣ створа. Все это какъ будто не въ Петербургѣ, а будто на Замоскворѣчьи, или даже въ самомъ городѣ Мценскѣ. Спальня моя была еще болѣе мценская; даже мнѣ казалось, что та трехспальная постель, въ пуховикахъ которой я утопалъ, была не постель, а именно самъ Мценскъ, проживающій инкогнито въ Петербургѣ. Стоило только мнѣ погрузиться въ эти пуховыя волны, какъ какое-то снотворное, маковое покрывало тотчасъ надвигалось на мои глаза и застилало отъ нихъ весь Петербургъ съ его веселящейся скукой и скучающей веселостью. Здѣсь, при этой-то успокоивающей мценской обстановкѣ, мнѣ снова довелось всласть побесѣдовать съ Домной Платоновной.

И простудился. и врачъ велѣлъ мнѣ полежать въ постели.

Разъ, такъ часу въ двѣнадцатомъ сѣренькаго мартовскаго дня, лежу я уже выздоравливающей и, начитавшись досыта. думаю: «не худо. если бы кто-нибудь и зашелъ», да не успѣлъ я такъ подумать, какъ словно съ этого моего желанія сталося—дверь въ мою залу скрипнула. и послышался веселый голосъ Домны Платоновны:

— Вотъ какъ это у тебя здѣсь прекрасно! и образа. и сѣяніе передъ Божьимъ благословеніемъ—очень-очень даже прекрасно!

— Матушка, говорю,—Домна Платоновна, вы ли это?

— Да некому. отвѣчасть, — другъ мой, и быть какъ не мнѣ.

Поздоровались.

— Садитесь!—прошу Домну Платоновну.

Она сѣла на креслицѣ противъ моей постели и ручки свои съ бѣлымъ платочкомъ на колѣночки положила.

— Чѣмъ такъ хвораете?—спрашиваетъ.

— Простудился, говорю.

— А то нынче очень много народу все на животы жалуются.

— Нѣтъ. я, говорю,—я на животъ не жалуюсь.

— Ну, а на животъ не жалуешься. такъ это пройдетъ. Квартира у тебя нынче очень хороша.

— Ничего, говорю,—Домна Платоновна.

— Отличная квартира. Я эту хозяйку. Любовь Петровну, давно знаю. Прекрасная женщина. Она прежде была испорчена и на голоса крикивала, да вѣрно ей это прошло.

— Не знаю. говорю, что-то будто не слышно, не кричить.

— А у меня-то. другъ мой, какое горе!—проговорила Домна Платоновна самымъ жалостнымъ голосомъ.

— Что такое, Домна Платоновна?

— Ахъ, такое. дружочекъ, горе, такое горе, что... ужасное, можно сказать. и горе, и несчастье, все вмѣстѣ. Видишь. вонъ въ чемъ я нынче товари-то ношу.

Посмотрѣлъ я, перегнувшись съ кровати, и вижу на столикѣ кружева Домны Платоновны, увязанныя въ черномъ шелковомъ платочкѣ съ бѣлыми каемочками.

— Въ траурѣ, говорю.

— Ахъ, милый, въ траурѣ, да въ какомъ еще траурѣ-то!

— Ну, а саквояжъ вашъ гдѣ же?

— Да вотъ о немъ-то, о саквояжѣ-то я и горюю. Пропалъ вѣдь онъ, мой саквояжъ.

— Какъ, говорю, пропалъ?

— А такъ, другъ мой, пропалъ, что и по се два дни, какъ вспомню, такъ, Господи, думаю, неужели-жь-таки такая я грѣшница, что Ты этакъ меня испытуешь? Видишь, какъ удивительно это все случилось: видѣла я сонъ; вижу, будто приходитъ ко мнѣ какой-то священникъ и приноситъ каравай, вотъ какъ знаешь, въ нашихъ мѣстахъ изъ кашки изъ шпенной некутъ. «На, говоритъ, тебѣ, раба, каравай». — Батюшка, говорю, на что же мнѣ и къ чему каравай? Такъ вотъ видишь къ чему, онъ этотъ каравай-то, вышелъ—къ пропажѣ.

— Какъ же это, спрашиваю,—Домна Платоновна, было?

— Было это, другъ мой, очень удивительно. Ты знаешь купчиху Кошеверову?

— Нѣтъ, говорю,—не знаю.

— А не знаешь и не надо. Мы съ ней пріятельницы, и то-есть даже не совсѣмъ и пріятельницы, потому что она женщина преехидная и довольно даже подлая, ну, а такъ себѣ, знаешь, вотъ въ родѣ какъ съ тобой, знакомы. Зашла я къ ней такъ-то на свое на несчастье вечеромъ, да и засидѣлась. Все она, чтобъ ей пусто было совсѣмъ, право, посиди да посиди, Домна Платоновна. Все вѣдь съ жпру чѣмъ-то убивалась, что мужъ ее не ревнуетъ, а чего ревновать, когда съ рожки она престрашная и языкъ у нея такой пребольшущій, какъ у лопугая. Рассказываетъ, болѣли у нея зубы, да лѣкарь велѣлъ ей поставить пиявицу медицинскую къ зубу, а фершаловъ мальчикъ ей эту пиявицу къ языку припустилъ, и пошелъ у нея съ тѣхъ поръ въ языкѣ опухъ. Опять же-таки у меня въ этотъ вечеръ и дѣло было: къ Пяти-Углямъ надо было въ одинъ домъ сбѣгать къ купцу—жениться тоже хочеть; но она, эта Кошевериха, не пушаетъ.

— Погоди, говоритъ,—кѣвской наливочки выпьемъ, да Ѳадѣй Семеновичъ,—говоритъ, отъ всенощной придетъ, чайку напьемся: куда тебѣ сибѣшить?

— Какъ, говорю,—мать, куда сибѣшить?

Ну, а сама все-таки, какъ на грѣхъ, осталась, да это то водочки, то наливочки, такъ налилась, что даже въ головѣ у меня, чувствую, засточертѣло.

— Ну, говорю ей,—извини, Варвара Петровна, очень тебѣ на твоёмъ угощеніи благодарна, только ужъ больше пить не могу.

Она пристаётъ, потчуетъ, а я говорю:

— Лучше, мать моя, и не потчуй. Я свою порцію знаю и ни за что больше пить не стану.

— Сожителя, говорить,—подожди.

— И сожителя, говорю,—ждать не буду.

Стала на своемъ, что иду, и иду, и только. Потому, знаешь, чувствую, что въ головѣ-то ужъ у меня чертополохъ пошелъ. Выхожу, это, я, сударь ты мой, за ворота, поворачиваю на Разъѣзжую и думаю: возьму пзвозчика. Стоитъ тутъ сейчасъ на углѣ живейный, я и говорю:

— Что, молодецъ, возьмешь къ Знаменью Божьей Матери?

— Пятиалтынный.

— Ну, какъ, отвѣчаю ему,—не пятиалтынный! пятачокъ.

А сама, знаешь, и иду по Разъѣзжей. Свѣтло вездѣ; фонари горятъ; газъ въ магазинахъ; и пѣшкомъ, думаю, дойду, если не хочешь, варваръ. пятачка взять, этакую близость проѣхать.

Только вдругъ, сударь мой, порхъ этакъ передо мною какой-то господишъ. Въ пальтѣ, въ фуражкѣ это, въ калошахъ, ну, одно слово барнишъ. И откуда это только онъ передо мною выросъ, вотъ хоть убей ты меня, никакъ не понимаю.

— Скажите, говорить,—сударыня (еще сударыней, подлецъ, назвалъ), скажите, говорить, сударыня, гдѣ тутъ Владимірская улица?

— А вотъ. говорю,—милостивый государь, какъ прямо-то пойдете, да сейчасъ будетъ переулочъ направо... да только это-то выговорила, руку-тѣ, знаешь, поднявши ему указываю, а онъ дергъ меня за саквояжъ.

— Наше, говорить,—вамъ сорокъ-одно да кланяться холодно, да и махъ отъ меня.

— Ахъ, говорю,—ты варваръ! ахъ, мерзавецъ ты этакой! Все это еще за одну насмѣшку только считаю. Но съ этимъ словомъ глядь, а саквояжа-то моего нѣтъ.

— Батюшки! заорала я, что было у меня силы во всю

мою плотку.—Батюшки! ору,—помогите! догоните его, варвара! догоните его, злодѣя! И сама-то, знаешь, бѣгу-патыкаюсь, и людей-то за руки ловлю, тащу: помогите, молъ,—защитите: саквояжъ мой сейчасъ унесъ какой-то варваръ! Бѣгу, бѣгу, ажно пожелъки мои стали, а его, злодѣя, и слѣдъ простылъ. Ну, и то сказать, гдѣ жъ мнѣ, дышѣэ такою, его, пса подчегараго, догнать! Обернусь такъ-то на народъ, крикну: варвары! что жъ вы глазѣете! креста на васъ нѣтъ, что ли? Ну, бѣгла, бѣгла да и стала. Стала и реву. Такъ рева и реву, какъ дура. Сижу на тунбѣ да и реву. Собрался около меня народъ, толкуеть: пьяная, должно-быть.

— Ахъ, вы, варвары, говорю,—этакіе! Сами вы пьяные, а у меня саквояжъ сейчасъ изъ рукъ украдено.

Тутъ городской подошелъ: пойдемъ, говоритъ, тетка, въ кварталъ.

Приводитъ меня городской въ кварталъ, я опять закричала.

Смотрю, изъ двери идетъ квартальный поручикъ и говоритъ:

— Что ты, здѣсь, женщина, этакъ шумишь?

— Помилуйте, говорю, — ваше высокоблагородіе, меня такъ и такъ сейчасъ обкрадено.

— Написать, говоритъ,—бумагу.

Написали.

— Тенерь иди, говоритъ,—съ Богомъ.

Я пошла.

Прихожу черезъ день: что, говорю.—мой саквояжъ, ваше благородіе?

— Иди, говоритъ,—бумаги твои пошли, ожидай.

Ожидаю я, ожидаю; вдругъ въ часть меня требуютъ. Привели въ этакую большую комнату и множество тамъ лежатъ этихъ саквояжевъ. Частный майоръ, вѣжливый этакій мужчина и собою красивъ, узнайте, говоритъ, вашъ саквояжъ.

Посмотрѣла я—все не мои саквояжи.

— Нѣтъ-съ, говорю,—ваше высокоблагородіе, нѣтъ здѣсь моего саквояжа.

— Выдайте, приказываетъ,—ей бумагу.

— А въ чемъ, спрашиваю,—ваше высокоблагородіе, мнѣ будетъ бумага?

— Въ томъ, говорить,—матушка, что васъ обкрадено.

— Что жъ, докладываю ему,—миѣ по этой бумагѣ, ваше высокоблагородіе?

— А что жъ, матушка, я вамъ еще могу сдѣлать?

Дали миѣ эту бумагу, что меня точно обкрадено, и идите говорить,—въ благочинную управу. Прихожу я нонче въ благочинную управу, подаю эту бумагу: сейчасъ выходитъ изъ дверей какой-то членъ, въ полковникомъ одѣяніи, повель меня въ комнату, гдѣ видимо-невидимо лежитъ этихъ саквояжевъ.

— Смотри, говорить.

— Вижу, моль,—ваше высокоблагородіе; ну, только моего саквояжа нѣтъ.

— Ну, погодите, говорить,—сейчасъ вамъ генераль на бумагѣ подпишетъ.

Спужу я и жду-жду, жду-жду: прѣзжаетъ генераль: подали ему мою бумагу, онъ и подписать.

— Что же это такое генераль подписали на моей бумагѣ? спрашиваю чиновника.

— А подписали, отвѣчаетъ.— что васъ обкрадено.

Держу эту бумагу при себѣ.

— Держите, говорю,—Домна Платоновна.

— Не равно сыщется.

— Что жъ, на грѣхъ мастера нѣтъ.

— Охъ, именно ужъ нѣтъ на грѣхъ мастера! Чтобъ это миѣ, кабы знатѣ-то, остаться у нея, у Кошеверихи-то переночевать.

— Да, хоть бы, говорю, — ужъ на извозчика-то вы не пожалѣли.

— Объ извозчикѣ ты не говори; извозчикъ все равно такой же шлуть. Одна. вѣдь, у нихъ, у всѣхъ, у подлецовъ, стачка.

— Ну, гдѣ, говорю, — такъ ужъ у всѣхъ одна стачка. Развѣ ихъ мало, что ли?

— Да вотъ ты поспорь! я ужъ это мошенничество вотъ какъ знаю.

Домна Платоновна поднесла вверхъ крѣпко сжатый кулакъ и посмотрѣла на него съ нѣкоторой гордостью.

— Со мной извозчикъ-то, когда я еще глупа была, лучше гораздо сдѣлать,—начала она, опуская руку.—Съ вываломъ, подлець, везъ, да и обобралъ.

— Какъ это, говорю,—съ вываломъ?

— А такъ, съ вываломъ, да и полно: ѣздилъ я зимой на Петербургскую сторону, барынь одной мантиль кружевную въ кадетскій корпусъ возила. Такая была барынька маленькая и изъ себя нѣмая, ну, а станетъ торговаться—раскричится—настоящая примадонна. Выхожу я отъ нея, бѣтъ этой барыньки, а ужъ темнѣть. Зимой рано, знаешь, темнѣть. Спѣшу это, спѣшу, чтобъ до прищипка скорѣй, а изъ-за угла извозчикъ и этакой будто вохловатый мужичокъ. Я, говорить, дешево свезу.

— Пятнадцатый, молъ, къ Знаменью, даю ему.

— Ну, какъ же это, перебиваю,—развѣ можно давать такъ дешево. Домна Платоновна!

— Ну, вотъ, а видишь, можно было.—«Ближней дорогой, говорить, поѣдемъ».—Все равно!—Сѣла я въ сани—саквояжка тогда у меня еще не было: въ платочкѣ тоже все носила. Онъ меня, этотъ чортъ, извозчикъ, и повезъ ближней дорогой, гдѣ-то по за крѣпостью, да на Неву, да все по льду, да по льду, да вдругъ какъ передъ этимъ, передъ берегомъ, насупроти самой Интейной, каа-акъ меня чебурахнетъ въ ухабъ. Такъ меня, знаешь, будто снизу-то кто подъ самое донышко-то, чукъ!—я и вылетѣла... Вылетѣла я въ одну сторону, а узелокъ и Богъ его знаетъ куда отлетѣлъ. Подымаюсь я, вся чуя-чуней, потому вода по колдобинамъ стояла. «Варварь! кричу на него, что ты это, варварь, со мной сдѣлалъ?» А онъ отвѣчаетъ: вѣдь это, говорить, здѣсь ближняя дорога, здѣсь безъ вывала невозможно. «Какъ, говорю, тиранъ ты этакой, невозможно? Развѣ такъ, говорю, возять?» А онъ, подлець, опять свое говорить: «здѣсь, купчиха, всегда съ вываломъ; я потому, говорить, пятнадцатый и взялъ, чтобы этой ближней дорогой ѣхать». Ну, говори ты съ нимъ, съ извергомъ! Обтиралось я только да оглядываюсь; гдѣ мой узелочекъ-то оглядываюсь, потому какъ раскинуло насъ совсѣмъ врозь другъ отъ друга. Вдругъ откуда ни возьмись, этакой офицеръ, или въ родѣ какъ штатскій какой съ усами: «Ахъ ты, бездѣльникъ этакой! говорить, мерзавецъ! везешь ты этакую даму полную и такъ неосторожно?» а самъ къ нему къ зубамъ такъ и подсыкается.

— Садитесь, говорить,—сударыня, садитесь. я васъ застегну.

— Узелокъ, говорю,—милостивый государь. я обронила, какъ онъ, извергъ, встряхнулъ-то меня.

— Вотъ, говоритъ, вамъ—вашъ узелокъ,—и подаетъ.

— Ступай, подлець, крикнулъ на извозчика,—да смотри! А вы, говоритъ, сударыня, ежели онъ опять васъ вывалить, такъ вы его безъ всякихъ околичностей въ морду.

— Гдѣ, отвѣчаю,—намъ, женщинамъ, съ ними, съ мереньями, справиться.

Поѣхали.

Только, знаешь, на Гагаринскую взѣхали; гляжу, мой извозчикъ чего-то пересмѣивается.

— Чего, моль, умный молодець, еще зубы скалишь?

— Да такъ, говоритъ,—намеднясь, я тутъ дешево жиди безъ, да какъ вспомню это и не удержусь.

— Чего жъ, говорю, смѣяться.

— Да какъ же, говоритъ,—не смѣяться. когда онъ мордую-то прямо въ лужу, да какъ вскочить, да кричить *юхъ*, а самъ все вертится.

— Чего же, спрашиваю,—это онъ такъ юхалъ?

— А ужъ такъ, говоритъ, — видно это у нихъ по религiи.

Ну, тутъ я и начала смѣяться.

Какъ вздумаю этого жиди, такъ и не могу воздержаться. какъ онъ бѣгаетъ, да кричитъ это: *юхъ*, *юхъ*.

— Пустая же самая, говорю, послѣ этого ихъ и религiя.

Приѣхали мы къ дому къ нашему, встаю я и говорю: хоша бы стоило тебя, говорю,—изверга, наказать, и хоть пяточокъ съ тебя вычестъ, ну, только грѣха одного боясь: на тебѣ твой пятналтынный.

— Помилуйте, говоритъ, — сударыня, я тутъ ничѣмъ непричиненъ; этой ближней дорогой никакъ безъ вывала невозможно; а вамъ, говоритъ,—матушка, ничего: съ того растете.

— Ахъ, бездѣльникъ ты, говорю, — бездѣльникъ! Жаль, говорю, — что давишней баринъ мало тебѣ въ шею-то накладъ.

— А онъ отвѣчаетъ: смотри, говоритъ, — ваше степенство, не оброни того, что онъ тебѣ-то накладъ. — да съ этимъ *иню!* на лошаденку и поѣхалъ.

Пришла я домой, поставила самоварчикъ и къ узелку:

думаю, не подмокъ ли товаръ; а въ узелкѣ-то какъ глянула, такъ и обмерла. Обмерла, я тебѣ говорю, совсѣмъ обмерла. Хочу взвести голосъ и никакъ не взведу; хочу идти, и ножки мои гнутся.

— Да что жь тамъ такое было, Домна Платоновна?

— Что—стыдно сказать что: гадости однѣ были.

— Какія гадости?

— Ну, извѣстно, какія бываютъ гадости: шароварки скинутые—вотъ что было.

— Да какъ же, говорю,—это такъ вышло?

— А вотъ и разсуждай ты теперь, какъ вышло. Меня по первоначально это-то больше и испугало, что какъ онъ на Невѣ скинуть могъ ихъ, да въ узелокъ завязать. Вижу и себѣ не вѣрю. Прибѣжала я въ кварталъ, кричу: батюшки не мой узелъ.

— Знаемъ, говорить,—что *тѣмой*; разсказывай толкомъ. Разсказала.

Повели меня въ сыскную полицію. Тамъ оиять разсказала. Сыскной разсмѣялся.

— Это вѣрно, говорить,—онъ, подлець, изъ бани шель.

А врагъ его знаетъ, откуда онъ шель, только какъ это онъ мнѣ этотъ узелокъ подсунулъ?

— Въ темнотѣ, говорю,—немудрено, Домна Платоновна.

— Нѣтъ, я къ тому, что ты говоришь извозчикъ-то: не оброни, говорить,—что наложено! Вотъ тебѣ и наложено, и разумѣй, значить, къ чему эти его слова-то были.

— Вамъ бы, говорю, — надо тогда же, садясь въ сани, на узелокъ посмотрѣть.

— Да какъ, мой другъ, хочешь смотри, а ужъ какъ обмошенничать тебя, такъ все равно обмошенничаютъ.

— Ну, это, говорю,—ужь вы того...

— Э, ге-ге-ге! Нѣтъ, ужъ ты сдѣлай свое одолженіе: въ глазахъ тебя самого не тѣмъ, чѣмъ ты есть сдѣлають. Я тебѣ вотъ какой случай скажу, какъ въ глаза-то нашего брата обдѣлываютъ. Иду я — вскорѣ это еще какъ изъ своего мѣста сюда прѣехала—и надо мнѣ было идти черезъ Апраксинь. Тогда тамъ тѣснота была, не то, что теперь послѣ пожару—теперь прелесть какъ хорошо, а тогда была ужасная гадость. Ну, иду я, иду себѣ. Вдругъ откуда ни возьмись молодець этакой, изъ себя красивый: купи, говорить,—тетенька, рубашку. Смотрю, держитъ въ рукахъ сит-

цевую рубашку, совѣмъ новую, и ситецъ преотличный такой—никакъ не меньше какъ гривенъ шесть за аршинъ падо дать.

— Что жъ. спрашиваю,—за нее хочешь?

— Два съ полтиной.

— А что, говорю,—изъ половинки уступишь?

— Изъ какой половины?

— А изъ любой, говорю, — изъ какой хочешь. Потому, что я знаю, что въ торговлѣ за всякую вещь всегда половину надо давать.

— Нѣтъ, отвѣчасть, — тѣтка, тебѣ, видно, не покупать хорошихъ вещей, и изъ рукъ рубашку, знаешь, дергаетъ.

— Дай же, говорю, — потому вижу, рубашка отличная, палковыхъ три кому не надо стоить.

— Берн, говорю,—рупь.

— Пусти, говоритъ, — мадамъ! дернулъ, и вижу, свертываетъ ее подъ полу и оглядывается. Извѣстное дѣло, думаю,—краденая; подумала такъ и иду, а онъ вдругъ изъ-за линиі выскаливаетъ: давай, говоритъ, тѣтка, скорѣй деньги. Богъ съ тобой совѣмъ; твое, видно, счастье владѣть.

Я ему, это, въ руки рупь-бумажку даю, а онъ мнѣ самую эту рубаху скомканную отдаетъ.

— Владай, говоритъ,—тѣтенка; а самъ верть назадъ и пошелъ.

Я положила въ карманъ портмонэ, да покунку-то эту свою разворачиваю, ажъ гляжу—хлопъ у меня къ ногамъ что-то упало. Гляжу—мочалка старая. вотъ что въ небелн бываетъ. Я тогда еще этихъ петербургскихъ обстоятельствъ всѣхъ не знала, дивуюсь.—Что, молъ, это такое? да на руки-то свои глядь, а у меня въ рукахъ лоскутъ! Того же самаго сигаца, что рубашка была, такъ лоскутокъ одинъ съ полъ-аршина. А эти мѣренъе приказчики грохочутъ: «къ намъ. трещать, тѣтенка, пожалуйста; у насъ, говорятъ,—есть и фасъ—ганифасъ, и для глупыхъ бабъ припасъ». А другой опять подходитъ: «у насъ, говоритъ,—тѣтенка, для вашей милости саванъ есть подержанный чудесный». Я ужъ это все мимо ушей пушаю: шутъ, думаю, съ вами совѣмъ. Даже, я тебѣ говорю, сомѣла я; страхъ на меня напасть, что это за лоскутъ такой? Была рубашка, а сталъ лоскутъ. Нѣтъ, другъ мой, они какъ захотятъ, такъ все сдѣлають. Ты Егузова полковника знаешь?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, какъ, чай, не знать! Красивый такой, брюхастый: отличный мужчина. Девять лошадей подъ нимъ на войнѣ убили, а онъ живъ остался: въ газетахъ писано было объ этомъ.

— Я его все-таки. Домна Платоновна, не знаю.

— Что намъ съ нимъ одинъ варваръ сдѣлать? Это я тебѣ говорю романъ, да еще и романовъ-то такихъ немного—на театрѣ развѣ только можно представить.

— Матушка, говорю,—вы ужъ не мучьте, рассказывайте!

— Да, эту исторію ужъ точно что стоить рассказать. Какъ онъ только называется?.. есть тутъ землемѣръ... Курмовѣвъ ни то Макавѣвъ, въ седьмой ротѣ въ Измайловскомъ онъ жилъ.

— Богъ съ нимъ.

— Богъ съ нимъ? Нѣтъ, не Богъ съ нимъ, а развѣ чортъ съ нимъ, такъ это ему больше кстати.

— Да это я только о фамиліи-то.

— Да, о фамиліи—ну, это пожалуй; фамилія ничего—фамилія простая, а что самъ ужъ подлець, такъ самый первый въ столицѣ подлець. Присталъ: «жени меня, Домна Платоновна!»

— Изволь, говорю,—женю; отчего, говорю, не женить?—женю.

Изъ себя онъ тварь этакая видная, въ лицѣ бѣлый и усики этакъ твердо посить.

Ну, начинаю я его сватать; отягощаюсь, хожу, выпекала ему невѣсту изъ купечества—домъ свой на Пескахъ, и дѣвушка порядочная, полная, румяная; въ носикѣ вотъ тутъ-то въ самой въ переносицѣ хотъ и былъ маленькій изъянецъ, но ничего это—потому отъ золотухи это было. Хожу я, и его, подлеца, съ собою вожу, и совсѣмъ ужъ у насъ дѣло стало на мази. Тутъ ужъ я, разумѣется, надзираю за нимъ, какъ не надо лучше, потому что это надо дѣлать безотходительно, да ужъ и былъ такой и слухъ, что онъ съ одной дѣвицей изъ купечества обручившись и деньги двѣсти серебра на окипировку себѣ забралъ, а имъ далъ женитьбину росписку, но росписка эта оказалась коварная и ничего съ нимъ по ней сдѣлать не могли. Ну, ужъ знавши такое про человека, разумѣется, смотришь въ оба — итѣ-итѣ, да и завернешь съ визитомъ. Только прихожу, су-

дарь мой, разъ одинъ къ нему — а онъ, надо тебѣ знать, двѣ комнаты занималъ: въ одной такъ у него спальня его была. а въ другой въ родѣ зальца. Вхожу это и вижу. дверь изъ зальцы въ спальню къ нему затворена, а какой-то этакой господинъ подъ окномъ, надо полагать вояжнѣй; потому ледунка у него черезъ плечо была, и сидитъ въ креслѣ и трубку курить. Это-то вотъ онъ самый полковникъ-то Егуповъ и будетъ.

— Что, я говорю, — этакъ сама-то къ нему оборачиваюсь — или, говорю, хозяйна дома нѣтъ?

А онъ мнѣ на это таково сурово махнулъ головой и ничего не отвѣтилъ, такъ что я не узнала: дома землемѣръ или его нѣту.

Ну, думаю, можетъ, у него тамъ дамка какая, потому что хоть онъ и жениться собирается, ну, а все же. Съла я себѣ и сижу. Но, нехорошо же, знаешь, такъ въ молчанку сидѣть, чтобъ подумали, что ты ужъ и слова сказать не умѣешь.

— Погода, говорю, — стоитъ нынче какая прелюбная.

Онъ это сейчасъ же на мои слова вскинулъ на меня глазами, да, какъ словно изъ бочки, какъ рывнетъ: что, говорить, такое?

— Погода, опять говорю, — стоитъ очень пріятная.

— Врешь. говорить. — пыль большая.

Пыль-таки и точно была, ну, а все я, знаешь, тутъ же подумала, что ты, моль, это такой? Изъ какихъ такихъ взялся, что очень ужъ рычишь сердито?

— Вы, говорю ему опять, — какъ Степану Матвѣвичу — сродственникъ будете. или пріятели только, знакомые?

— Пріятель, — отвѣчаетъ.

— Отличный, говорю, — человекъ Степанъ Матвѣвичъ.

— Мошенникъ, говорить, — первой руки.

Ну, думаю. — вѣрно Степана Матвѣвича дома нѣтъ.

— Вы, говорю, — давно ихъ изволите знать?

— Да, зналъ, говорить, — еще когда баба дѣвкой была.

— Это, отвѣчаю, — сударь, и съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ знала, можетъ, не одна ужъ дѣвка бабой ходитъ, ну только я не хочу грѣха на душу брать — ничего за ними худого не замѣчала.

А онъ ко мнѣ этакъ гордо:

— Да у тебя на чердакѣ-то, что, говорить, напхано?—сѣно!

— Извините, говорю, — милостивый государь, у меня слава моему Создателю, пока еще на плечах не чердакъ, а голова, и не сѣно въ ней, а то же самое, что и у всякаго человѣка, что Богомъ туда предназначено.

— Толкуй! говоритъ.

Мужикъ ты, думаю себѣ. — мужикомъ тебѣ и быть.

А онъ въ это время вдругъ меня и спрашиваетъ:

— Ты, говоритъ, — его брата Максима Матвѣева знаешь?

— Не знаю, говорю, — сударь: кого не знаю, про того и лгать не хочу, что знаю.

— Эготь, говоритъ. — плуть, а тотъ и еще почище. Глухой.

— Какъ, говорю, — глухой.

— А совсѣмъ-таки, говоритъ, — глухой: одно ухо глухо, а въ другомъ золотуха, и обоими не слышитъ.

— Скажите, говорю, — какъ удивительно!

— Ничего, говоритъ, — тутъ нѣтъ удивительнаго.

— Нѣтъ, я, молъ, — только къ тому, что одинъ братъ такой красавецъ, а другой — глухъ.

— Ну, да; то-то совсѣмъ ничего въ этомъ и нѣтъ удивительнаго; вонъ у меня у сестры на рожѣ красное пятно, какъ лягушка точно сидитъ: что жъ мнѣ-то тутъ такого!

— Родительница, говорю, — вѣрно, въ своемъ интересѣ чѣмъ испугалась?

— Самоваръ, говоритъ, ей дѣвка на пузо вывернула.

Ну, я тутъ-то вѣжливо пожалѣла.

— Долго ли, говорю, — съ этими, съ быстроглазыми, до грѣха; а онъ опять и начинается:

— Ты, говоритъ, — если только не совсѣмъ ты дура, такъ разбери: онъ, эготь глухой братъ-то его, на лошадей охотникъ мѣняться.

— Такъ-съ, говорю.

— Ну, а я его вздумалъ отъ этого отучить, взялъ да ему слѣпного коня и промѣнялъ. что лбомъ въ заборъ лѣзеть.

— Такъ-съ, говорю.

— А теперь мнѣ у него для завода бычокъ понадобился, я у него этого бычка и купилъ и деньги отдалъ; а онъ выходитъ совсѣмъ не быкъ, а волъ.

— Ахъ, говорю, — Боже мой, какая оказія! — Вѣдь это, говорю, не годится.

— Ужь, разумѣется, говорить, — когда воля, такъ не годится. А вотъ я ему, глухому, за это вотъ какую шутку отшучу: у меня на этого его брата, Степана Матвѣича, росписка во сто рублей есть, а у нихъ денегъ нѣтъ; ну, такъ я имъ себя теперь и покажу.

— Это, говорю, — точно, что можете показать.

— Такъ ты, говорить, — такъ и знай, что этотъ Максимъ Матвѣичъ — каналья, и я вотъ, его только дождусь, и сейчасъ его въ яму.

— Я, молъ, — ихъ точно въ тонкость не знаю, а что, сватаючи ихъ. сама я ихъ порочить не должна.

— Сватаешь! — вскрикнулъ.

— Сватаю-съ.

— Ахъ, ты, говорить, — дура, ты дура! Нешто ты не знаешь, что онъ женатый.

— Не можетъ, говорю, — быть!

— Вотъ тебѣ и не можетъ, когда трое дѣтей есть.

— Ахъ, скажите, говорю, — пожалуйста! Ну, Степанъ, думаю. Матвѣичъ — отличную жъ вы, было, со мною шутку подшутили! и говорю, что стало быть же, говорю, какъ я его теперь замѣчаю, онъ. однако, фортель!

А онъ, этотъ полковникъ Егуповъ, говорить: ты если хочешь кого сватать, такъ самое лучшее дѣло — меня сосватай.

— Извольте, молъ.

— Нѣтъ, я, говорить, — это тебѣ безъ всякихъ шутокъ вправду говорю.

— Да извольте, отвѣчаю. — извольте!

— Ты мнѣ, кажется. не вѣришь?

— Нѣтъ-съ. отчего же: это молъ, дѣйствительно, если человѣкъ имѣетъ расположеніе отъ разсѣянной жизни увольниться, то самое первое дѣло ему жениться на хорошей дѣвушкѣ.

— Или, говорить, — хоть на вдовѣ, но чтобъ только съ деньгами.

— Да, молъ, — или на вдовѣ.

Пошли у насъ тутъ съ нимъ разговоры; даль онъ мнѣ свой адресъ. и стала я къ нему ходить. Чтò только тоже я съ нимъ. съ аспидомъ, помучилась! Изъ себя страшный-большой. и этакой фантастическій — никогда онъ не бываетъ въ одномъ положеніи, а всякаго принимаетъ по фантази. Есть, разумѣется, у людей разное расположеніе, ну

только такого мужчину, какъ этотъ Егуповъ, не дай Господи никакой женѣ на свѣтѣ. Станеть, бывало, бѣльма выпучить, а самъ, какъ клопъ, кровью нальется — ореть: «я тебя кверху дномъ поставлю и выворочу. Сейчас нанзнанку будешь!» — Гляди на это, какъ онъ бѣснуется, думаешь: «ахъ, обиду какую кровную ему кто нанес!» — а онъ сердить отъ того, что не тѣмъ бокомъ корова почесалась. Ну, однако, сосватала я и его на одной вдовѣ, на купеческой. Такая-то тоже ему подъ пару, точно на заказъ была слечена, туша присноблаженная. Ну-съ, сударь ты мой, отбылись смотрины и сговоръ назначили.

Приѣжаемъ мы съ нимъ на этотъ сговоръ, много гостей — родственники съ невѣстиной стороны и знакомые, все хорошаго поколѣнія, значительнаго, и смотрю, промежъ гостей, въ одномъ углѣ на стулѣ сидитъ — этотъ землемѣръ, Степанъ Матвѣичъ.

Очень это мнѣ не показалось. что онъ тутъ, но ничего я не сказала.

Вѣрно, думаю. должно-быть, его изъ ямы выпустили, онъ и пришелъ, по знакомству.

Ну, впрочемъ, идетъ все, какъ слѣдуетъ. Прошла помолвка, прошло образованіе, и все ничего. Правда, дяди невѣстинъ, Колобовъ, Семень Иванычъ, купецъ, пьяный пришелъ, и началъ-было врать, что это, говорить, совсѣмъ не полковникъ, а Ѳедоровой банщицы сынъ. «Лизни, говорить, его кто-нибудь языкомъ въ ухо, у него такая привычка, что онъ сейчасъ за это драться станеть. Я, болтаеть, его знаю; это онъ одѣлъ эполеты, чтобъ пофорсить, но я съ него эти эполеты сейчасъ сорву», ну, только этого же не допустили, и Семена Иваныча самого за это сейчасъ отвели въ пустую половину, въ холодную.

Но вдругъ, во время самаго благословенія, отецъ невѣстинъ поднимаетъ образъ, а по залѣ какъ что-то загудеть! Тотъ опять поднимаетъ икону, а по залѣ опять гу-у-у-у! — и вдругъ явственно выговариваетъ:

— Нечего, говорить, пѣть Псаю, когда Мануилъ въ червѣ.

Господи! даже оторопѣ на всѣхъ попалъ. Невѣстѣ конфузь; Егуповъ, гляжу, тоже бѣльмамн-то своими на меня.

Ну, что, думаю, ты-то! ты-то что, батюшка, на меня остребенился, какъ чортъ на попа?

А въ залѣ опять, какъ застонеть:

— Къ небесамъ въ полѣ пыль летитъ, къ женатому жениху — жена катитъ, Богу молится, слезьми обливается.

Бросились туда-сюда — никого нѣтъ.

Боже мой, что тутъ поднялось! Невѣстинъ отецъ образъ поставилъ, да ко мнѣ, чтобъ бить; а я, видючи, что дѣло до меня доходить, хвостъ повыше подобравши да отъ него драла. Егуповъ божится, что онъ сроду женатъ не былъ; говоритъ, хотъ справки наведите, а гласъ все свое, такъ для всѣхъ даже внимательно: «не вдавайте, говоритъ, рабы, отроковицу на бракъ скверный». — Все дѣло въ разстрой! — Что жъ, ты думаешь, все это было?.. Приходить ко мнѣ послѣ этого черезъ недѣлю Егуповъ, самъ и говоритъ: а знаешь, говоритъ, Домна, вѣдь это все подлецъ землемѣръ пупкомъ говорил!

— Ну, какъ такъ. спрашиваю, — Домна Платоновна. пупкомъ?

— А пупкомъ, или чревомъ тамъ, что ли, бѣсъ его лукавый знаетъ, чѣмъ онъ это каверзилъ. — То-есть я тебѣ говорю, что все это они нонче одинъ передъ другимъ ухитряются, одинъ передъ другимъ выдумываютъ. и вотъ ты увидишь, что они чисто все государство запутають и изнищуть.

Я даже смутился, при выраженіи Домною Платоновною совершенно неожиданныхъ мною опасеній за судьбы россійскаго государства. Домна Платоновна, всеконечно, замѣтила это и пожелала полюбоваться производимымъ ею политическимъ эффектомъ.

— Да, право, ей-Богу! — продолжала она поткою выше. — Ты только самъ, помилуй, скажи, что хитростей всякихъ настало? Тотъ летитъ по воздуху, что птица одной назначено: тотъ рыбою плаваетъ и на дно морское опускается; тотъ теперь — какъ на Адмиралтейской площади — огонь сѣрный ѣстъ; этотъ животомъ говоритъ; другой — еще что другое, что человѣку непоказанное — дѣлаетъ... Господи! бѣсъ, лукавый самъ, и тотъ ужъ имъ повинуются, и все опять же-таки не къ пользѣ, а ко вреду. Со мной вѣдь одинъ разъ было же, что была я отдана бѣсамъ на поруганіе!

— Матушка, говорю, — неужто и это было?

— Было.

— Такъ не томите. рассказывайте.

— Давно это, лѣтъ, можетъ, двѣнадцать тому будетъ, молода я еще въ тѣ поры была и неопытна, и задумала я, овдовѣвши, торговать. Ну, чѣмъ, думаю, торговать? Лучше нечѣмъ, но женскому дѣлу, какъ холстомъ, потому — женщина больше въ этомъ понимаетъ, что къ чему принадлежитъ. Накуплю, думаю, на ярманкѣ холста и сяду у воротъ на скамеечкѣ и буду продавать. Поѣхала я на ярманку, накупила холста, и надо мнѣ домой ворочаться. Какъ, думаю, теперь мнѣ съ холстомъ домой ворочаться? а на дворъ, на постоялый, хлопъ, вѣзжаетъ троешникъ.

— Везли мы, сказываетъ, — изъ Кіева, въ коренную, на семи тройкахъ орѣхъ, да только орѣхъ мы этотъ подмочили, и теперь, говоритъ, сдѣлало съ насъ кунечество вычетъ. и вѣдемъ мы къ дворамъ совсѣмъ безъ заработка.

— Гдѣ-жь, спрашиваю, — твои товарищи?

— А товарищи, отвѣчаетъ, — кто куда въ свои мѣста поѣхали, а я думаю, не найду ли хоть сѣдочковъ какихъ.

— Откуда же, пытаюсь, — изъ какихъ мѣстовъ ты самъ?

— А я куракинский, говоритъ, — изъ села изъ Куракина. Какъ разъ это мнѣ къ своему мѣсту. Вотъ, говорю, я тебѣ одна сѣдачка готовая.

Поговорили мы съ нимъ и на рублѣ серебра порѣшили, что пойдетъ онъ по дворамъ, чтобъ еще сѣдоковъ собрать, а завтра, чтобъ въ ранній обѣдъ и ѣхать.

Смотрю, завтра это вдругъ валить къ намъ на дворъ одинъ человекъ, другой, питый, восьмой, и все мужчины изъ торговцевъ и красики такіе полные. Вижу, у одного мѣшокъ, у другого — сумка, у третьяго — чемоданъ, да еще ружье у одного.

— Куда-жь, говорю извозчику, — ты это насъ всѣхъ забираешь?

— Ничего, говоритъ, — уѣдете — повозка большая, сто пудовъ возимъ. Я, признаться, было хотъ и остаться рада, да рупь-то ему отданъ, и ѣхать опять не съ кѣмъ.

Съ горемъ съ такимъ и съ неудовольствіемъ, ну, однако, поѣхала. Только-что за заставу мы выѣхали, сейчасъ одинъ изъ этихъ сѣдоковъ говоритъ: «стой у кабака!» Пили они тутъ много и извозчика поятъ. Поѣхали. Опять съ версту отѣхали, гляжу — другой кричитъ: стой, говоритъ, здѣсь Иванъ Ивановичъ Елкинъ живетъ, никакъ, говоритъ, его мнать не должно.

Разъ они съ десять, этакъ. останавливались все у своего Ивана Ивановича Елкина.

Вижу я, что дѣло этакъ ужъ къ ночи, и что извозчикъ нашъ распьянымъ-пьяно-пьянъ сдѣлался.

— Ты, говорю,— не смѣй больше пить.

— Отчего это такъ, отвѣчаетъ,— не смѣй. Я и такъ, говорю, не смѣлый. я все это не смѣючи дѣйствую.

— Мужикъ, говорю,—ты, и больше ничего.

— Ну-къ. что-жъ, что мужикъ! а мнѣ, говорю, — абы водка.

— Тварь-то, глупецъ, учу его,—пожалѣлъ бы свою!

— А вотъ я, говорю,—ее жалѣю, да съ этимъ словомъ махъ своимъ кнутищемъ и пошелъ задувать. Телѣга-то такъ и подсакиваетъ. Того только и смотрю, что сейчасъ опрокинемся, и жизни нашей конецъ. А тѣ пьяные все заливаются. Одинъ гармонію вынулъ, другой пѣсню оретъ, третій изъ ружья стрѣляетъ.—Я только молюсь: Пятница Прокоева, спаси и помилуй!

Неслись мы, неслись во весь кульеръ, и стали кони наши, наконецъ, приставать, и поѣхали мы опять шагомъ. На дворѣ жъ, этакъ, смерклося, и не то, чтобы, какъ сказать, дождь шелъ. а все будто туманъ брызгаетъ. Руки у меня просто страсть какъ набрякли держамшись, и ужъ я рада-радешенька, что, наконецъ, мы ѣдемъ тихо; силу ужъ и голосу не подаю. А у тѣхъ, тѣмъ часомъ слышу, разговоръ пошелъ; одинъ рассказываетъ, что разбойники тутъ по дорогѣ шляются, а другой отвѣчаетъ ему, что онъ разбойниковъ не боится, потому что у него ружье два разъ стрѣлять можетъ. Опять еще какой-то о мертвецахъ заговорилъ: я, рассказываетъ, мертвую кость имѣю, кого, говорю, этою костью обведу, тотъ сейчасъ мертвымъ сномъ заснетъ и не подыметься; а другой хвастается, что у него есть свѣча изъ мертваго сала. Я это все слушала, и вдругъ все словно кто меня сталъ за носъ водить, и ударилъ на меня сонъ, и въ одну минуту я заснула.

Только крѣпко я заснуть никакъ не могла, потому что все насъ словно орѣхи въ рѣшеткѣ потряхивало, и во снѣ мнѣ слышится, какъ будто кто-то говоритъ: «какъ бы, говорю, намъ эту чортову бабу отъ себя вонъ выкинуть, а то ногъ некуда протянуть». Но я все сплю.

Вдругъ, сударь ты мой, слышу крикъ, визгъ, гамъ. Что

такое? Гляжу — ночь, повозка наша стоитъ, и около нея все вертится, да кричатъ, а что кричатъ — не разобрать.

— Шурле-мурис, шире-мире кравермиръ, оретъ одинъ.

Нашъ это, что съ ружьемъ-то ѣхаль, баць изъ одного ружья — пистолець лоннулъ, а стрѣльбы нѣтъ — баць изъ другого — пистолець опять лоннулъ, а стрѣльбы нѣтъ.

Вдругъ эготъ, что кричалъ-то, опять какъ заоретъ: шире-мире-кравермиръ! да съ этимъ словомъ ханъ меня подъ руки-то изъ телѣги да на поле, да ну вертѣтъ, ну крутитъ. Боже мой, думаю, что жъ это такое! Гляну, гляну вокругъ себя — все рожи такія темныя, да все вертятся и меня крутятъ, да кричатъ шире-мире да за ноги меня, да ну раскачивать.

— Батюшка! взмолилась я, такое надъ собою въ первый разъ видючя, — Никола Божій амченскій: триехъ дѣввъ непорочный невѣстителю! чистоты усердный хранителю! не допусти же ты имъ хоть наготу-то мою недостойную видѣть!

Только-что я это въ сердцѣ своемъ проговорила, и вдругъ чувствую, что тишина вокругъ меня стала необъятная, и лежу будто я въ полѣ, въ зелени такой изумрудной, и передо мною передъ ногами моими плыветъ небольшое этакое озерцо, но пречистое, преизрачное, и вокругъ него, словно бахрома густая, стоитъ молодой тростникъ и таково тихо шатается.

Забыла я тутъ и про молитву, и все смотрю на эготъ тростникъ, словно сроду я его не видала.

Вдругъ вижу я что же? Вижу, что съ этого съ озера поднимается туманъ, такой сизый, легкій туманъ, и точно настоящая пелена, такъ по полю и разстилается. А тутъ подъ туманомъ на самой на срединѣ озера вдругъ кружечекъ этакой, какъ будто рыбка плеснулась, и выходитъ изъ этого кружечка человекъ такъ маленькій, росту не больше какъ съ пѣтуха будетъ; личико крошечное; въ снпенькомъ кафтанчикѣ, а на головкѣ зеленый картузикъ держитъ.

— Удивительный, думаю, — какой человекъ, будто какъ куколка хорошая, и все на него смотрю, и глазъ съ него не спускаю, и совсѣмъ его даже не боюсь, вотъ-таки ни капли не боюсь.

Только онъ, смотрю, начинаетъ всходить-всходить, и все ко мнѣ ближе, ближе и, наконецъ того дѣла, прыгъ прямо ко мнѣ на грудь. Не на самую, знаешь, на грудь, а надъ

грудью стоять на воздухѣ и кланяется. Таково преважно поднялъ свой картузикъ и здравствуется.

Смѣхъ меня на него разбираетъ ужасный: гдѣ ты, думаю, такой смѣшиной взялся?

А онъ въ это время хлопъ свой картузикъ опять и говоритъ... да, вѣдь, что же, говорить-то!

— Давай, говорить, — Домочка, сотворимъ съ тобой любовь!

Такъ меня смѣхъ и разорвалъ.

— Ахъ ты, говорю, — шшишь ты этакой. Ну, какую ты можешь имѣть любовь?

А онъ вдругъ задомъ ко мнѣ вертъ и заишь молодымъ кочеткомъ: кука-реку-ку-ку!

Вдругъ тутъ зазвенѣло, вдругъ застучало, вдругъ заиграло: стонъ, я тебѣ говорю, стонъ. Боже мой, думаю, что жъ это такое? Лягушки, карпини, леци, раки, кто на скрипку, кто на гитарѣ, кто въ барабаны бьютъ; тотъ пляшетъ, тотъ скачетъ, того вверхъ вскидываетъ!

— Ахъ, — думаю, — плохо это! Ахъ, совсѣмъ это нехорошо! Огражду я себя, думаю, молитвой, да хотѣла такъ-то зачитатъ: «Да воскреснетъ Богъ», а на мѣсто того говорю: «Взвейся, выше понесися», и въ это время, слышу въ животѣ у меня бумъ-бурумъ-бумъ, бумъ-бурумъ-бумъ.

— Что это, молъ, я такое: торбанъ, что-ль? и гляжу, точно я торбанъ. Стоитъ надо мной давишній человекъ маленький и такъ-то на мнѣ парѣзываетъ.

— Охъ, думаю, — батюшки! охъ, святые угодники! а онъ все по мнѣ смычкомъ-то пилить-пилить, и такое на мнѣ выигрываетъ, и вальсы, и кадрили всякія, а другіе еще поджигаютъ: тарабанъ жесче, жесче тарабанъ! — кричатъ.

Боль, тебѣ говорю, въ животѣ непереносная, а все гуду. И такъ цѣлую ночь цѣлехонькую на мнѣ торабанили; цѣлую ночь до бѣла до свѣта была я имъ, крещеный человекъ, замѣсто торбана; на утѣшеніе имъ, бѣсамъ, служила.

— Это, говорю. — ужасно.

— И очень даже, мой другъ, ужасно. Но тѣмъ это еще было ужаснѣе, что утромъ, какъ отторабили они на мнѣ всю эту свою музыку, я оглядываюсь и вижу, что мѣсто мнѣ совсѣмъ незнакомое: поле, лужица этакая точно есть большая, въ родѣ озера, и тростникъ, и все, какъ я видѣла, а съ неба солнце печетъ жарко, и прямо мнѣ во всю наружность. Гляжу, тутъ же и мой сверточекъ съ холстами

и сумочка — все въ цѣлости; а такъ недалеко деревушка. И встала, доплелась до деревушки, наняла мужика, да къ вечеру домой и доѣхала.

— И что же вы, Домна Платоновна, увѣрены, что все это съ вами дѣйствительно приключилось?

— А то врать я, что ли, на себя стану?

— Нѣтъ, я говорю про то, что именно такъ ли все это было-то?

— Такъ и было, какъ я тебѣ сказываю. А ты вотъ удивишься, какъ я имъ наготы-то своей не открыла.

Я подвинулся.

— Да; вотъ и съ бѣсомъ да совладала, а съ лукавымъ человѣкомъ такъ вышло разъ иначе.

— Какъ же вышло?

— Слушай.

— Купила я для одной кулички мебель, на Гороховой у възжихъ. Были комоды, столы, кровати и дѣтская кроватка съ этакимъ съ тесьменнымъ дномъ. Заплатила я тринадцать рублей деньги, выставила все въ коридоръ, и пошла за извозчикомъ. Взяла за руль за сорокъ къ Николѣ Морскому извозчика ломового, и укладываемъ съ нимъ мебель, а хозяева, у которыхъ купила-то я, на ту пору вышли и квартиру замкнули. Вдругъ откуда ни возьмись дворники, татары, «халамъ-баламъ»: какъ ты смѣешь, орутъ, вещи брать? Я туда, я сюда — не спускаютъ. А тутъ дождь, а тутъ извозчикъ стоять не хочетъ. Боже мой! Насилу я надумалась: ну, ведите, говорю, меня въ кварталъ — я, говорю, квартального жена. И только это сказала, входятъ на дворъ эти господа, у которыхъ мебель купила. «Продана, говорятъ, точно, ей эта мебель продана». Ну, извозчикъ мой говоритъ: садись. Думаю, и точно замѣсть того, чтобъ на живѣйнаго тратить, сяду я въ короватку дѣтскую. Высоко они эту короватку, на самомъ на верху воза надъ комодой утвердили, но я вскарабкалась и сѣла. Только что жъ бы ты думалъ? Не успѣла я со двора выѣхать, какъ слышу низокъ-то подо мною тресь-тресь-тресь.

— Ахъ, думаю, батюшки, вѣдь это я проваливаюсь! И съ этимъ словомъ хотѣла встать на ноги, да трахъ — и просунулась. Такъ верхомъ какъ жандаръ на одной тесемкѣ и сижу. Срамъ, я тебѣ говорю, просто на смерть! Одежда вся избилась, а ноги голыя надъ комодой мотаются; народъ

дивуется; дворники кричатъ: «Закройся, квартальничиха», а закрыться нечѣмъ.

— Вотъ онъ варваръ какой!

— Это кто же, говорю,—варваръ?

— Да извозчикъ-то: гдѣ же, скажи ты, пожалуй, зѣваетъ на лошадь, а на пассажира и не посмотритъ. Мало вѣдь чуть не всю Гороховую я такъ проѣхала, да ужъ городской. спасибо ему, остановилъ. «Что это, говорить, за мерзость такая? Это непозволено, что ты показываешь?» Вотъ какъ я посвѣтила наготовой-то.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

— Домна Платоновна! говорю: — а что — давно я желалъ васъ спросить — молодою такой вы остались послѣ супруга? неужто у васъ никакого своего сердечнаго дѣла не было?

— Какого это сердечнаго?

— Ну, не полюбили вы кого-нибудь?

— Полно глупости болтать!

— Отчего же, говорю,—это глупости?

— Да оттого, отвѣчаетъ,—глупости, что хорошо этими любвями заниматься у кого есть присиѣшники да дослѣшники, а какъ я одна, и постоянно я отягощаюсь, и постоянно веду жизнь прекратительную, такъ мнѣ это совсѣмъ даже и не на умѣ, и не кстатъ.

— Даже и не на умѣ?

— И ни вотъ столничко! — Домна Платоновна черкнула ногтемъ по ногтю и добавила: — а къ тому же, я тебѣ скажу, что вся эта любовь—вздоръ. Такъ, напустить чело-вѣкъ на себя шаль такую: «ахъ, моль, умираю! жить безъ него, или безъ нея не могу!» вотъ и все. По-моему, то любовь, если чело-вѣкъ женщи-нѣ какъ слѣдуетъ помогаетъ— вотъ это любовь, а что женщина, она всегда должна себя помнить и содержать на примѣчаніи.

— Такъ, говорю,—стало-быть, ничѣмъ вы, Домна Платоновна, Богу не грѣшны?

— А тебѣ какое дѣло до моихъ грѣховъ? Хоша бы чѣмъ я и грѣшна была, то мой грѣхъ, не твой. а ты не попь мой, чтобъ меня исповѣдывать.

— Нѣтъ, я говорю это, Домна Платоновна, только къ

тому, что молоды вы овдовѣли и видно, что очень вы были хороши.

— Хороша не хороша, отвѣчаетъ,—а въ дурныхъ не ставили.

— То-то. я говорю,—это и теперь видно.

Домна Платоновна поправила бровь и глубоко задумалась.

Я и сама, начала она потихоньку,—много такъ разъ разсуждала: скажи мнѣ, Господи, лежить на мнѣ одинъ грѣхъ или нѣтъ? и ни отъ кого добиться не могу. Научила меня разъ одна монашка съ монахъ словъ списать всю эту исторію, и подать ее на духу священнику,—я и послушалась, и монашка списала, да я, шедши къ церкви, все и обронила.

— Чтò жъ это такое, Домна Платоновна, за грѣхъ былъ?

— Не разберу: не то грѣхъ, не то мечтаніе.

— Ну, хоть про мечтаніе скажите.

— Издаля это начинать очень приходится. Это еще какъ мы съ мужемъ жили.

— Ну, какъ же, голубушка, вы жили?

— А жили ничего. Домикъ у насъ былъ, хоша и небольшой, но по предметности былъ очень выгодный, потому что на самый базаръ выходилъ, а базары у насъ для хозяйственного употребленія частые, только-что нечего на нихъ выбрать, вотъ въ чемъ главная цѣль. Жили мы не въ большихъ достаткахъ, ну и не въ бѣдности; торговали и рыбой, и саломъ, и печенгой, и всякимъ товаромъ. Мужъ мой, Федоръ Ильичъ, былъ человекъ молодой, но такой мудреный, изъ себя былъ сухой, но губы имѣлъ необыкновенныя. Я такихъ губъ ни у кого даже послѣ и не видывала. Нраву онъ, не тѣмъ будь поминуть, былъ пронзительнаго—спорищигъ и упротивный; а я тоже въ дѣвкахъ вонтелица была. Вышедши замужъ, вела я себя сначала очень даже прилично, но это его нисколько совсѣмъ не восхищало, и всякій день натоцакъ мы съ нимъ буйственно сражались. Любви у насъ съ нимъ большой не было, и согласья столько же, потому оба мы собрались съ нимъ вонтели. да и пельзя было съ нимъ не воевать, потому, бывало, какъ ты его ни голубь, а онъ все на тебя тетерится, однако жили не разводились и восемь лѣтъ про-

жили. Конечно, жили не безъ неприятностей, но до драки настоящей у насъ не часто доходило. Разъ одинъ, точно, далъ онъ мнѣ, покойникъ, подзатыльника, но только, разумѣется, и моей тутъ немножко было причины, потому что стала я ему волосы подравнивать, да ножницами—кусочекъ уха ему и отстригнула. Дѣтей у насъ не было, но были у насъ на Нижнемъ городѣ кумъ и кума Прасковья Ивановна, у которыхъ я дѣтей крестила. Были они люди небогатые тоже, портной онъ назывался, и дипломъ отъ общества имѣлъ, но шить ничего не шилъ, а по покойникамъ пасалтырь читалъ и пѣлъ въ соборѣ на крылосѣ. По добычливости же, если что добыть по домашнему, все больше кума отягощалась, потому что она полезной бабой была, дѣтей правила и навью кость сводила.

Вотъ одинъ разъ, это ужъ на послѣднемъ году мужниной жизни (все ужъ тутъ валилось, какъ передъ пронастью), сдѣлайся эта кума Прасковья Ивановна именинница. Сдѣлайся она именинница, и пошли мы къ ней на именины, и засталъ насъ тамъ у нея дождь, и такой дождь, что какъ изъ ведра окатываетъ: а у меня на ту пору еще голова разболѣлась, потому выпила я у нея три пунша съ кисляркою, а эта кислярская для головы нѣтъ ей подлѣе. Взяла я и прилегла въ другой комнаткѣ на диванчикѣ.

— Ты, говорю.—кума, съ гостями еще посиди, а я тутъ крошечку полежу.

А она: ахъ, какъ можно на этомъ диванѣ: тутъ твердо; да постель ложись.

Я и легла и сейчасъ заснула.

— Нѣтъ тутъ моей вины?

— Никакой, говорю.

— Ну, теперь же слушай. Силю я и чую, что какъ будто кто-то меня обнимаетъ, и таки, знаешь, не на шутку обнимаетъ. Думаю, это мужъ Ѳедоръ Ильичъ; но какъ будто и не Ѳедоръ Ильичъ, потому что онъ былъ сложенія духовнаго и изъ себя этакой секретный, — а проснуться не могу. Только проспавши свое время, встаю, гляжу—утро, и лежу я на куминой постели, а возлѣ меня кумъ. Я махъ этакъ, знаешь, перенпрыгнула скорѣй черезъ него съ кровати-то, трясуся вся отъ страху и гляжу — на полу, на перинкѣ, лежитъ кума, а съ ней мой Ѳедоръ

Ильичъ... Толкъ я тутъ-то куму, гляжу—и та схватилась и крестится.

— Что же это, говорю, — кума, такое? какъ это сдѣлалось?

— Ахъ, говорить, — кумонька! Ахъ, я мерзкая этакая! Это все я сама, говорить, настроила, потому они еще, проводя гостей, допивать сѣли, а я тутъ внотьмахъ-то тебя не стала будить, да прилегла тутъ, гдѣ вамъ было послано.

Я даже плюнула.

— Что жъ теперь, говорю, — намъ съ тобой дѣлать?

А она мнѣ отвѣчаетъ: намъ съ тобой нечего больше дѣлать, какъ надо про это молчать.

Это я, вотъ сколько тому лѣтъ прошло, первому тебѣ про это и рассказала, потому что тяжело мнѣ это ужасно. и всякій разъ, какъ я это вздумаю, такъ я этотъ сонъ свой проклясть совсѣмъ готова.

— Вы, говорю. — Домна Платоновна, не сокрушайтесь, потому что вѣдь все это вышло мимо воли вашей.

— А еще бы, говорить, — какъ? Я и такъ-то себя не мало измучила и истерзала. Горе-таки горемъ, какъ Феодоръ Ильичъ въ скорости тутъ померъ, потому не своею онъ померъ смертью, а дрова, сажени на берегу завалились, задавили его. О петербургскихъ обстоятельствахъ, чтобъ какъ чѣмъ себя развеселить, я и понятія тогда не имѣла: но какъ вспомню, бывало, все это послѣ его смерти-то, сяду вечеркомъ одна-однешенька подъ окошечко, пою: «Возьмите вы все золото, всѣ почести назадъ», да сама льюсь, льюсь рѣкою, какъ глаза не выплутъ. Такъ тяжело, такъ станетъ жутко, вспомнивши эти слова, что «другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ», что хоть надѣнь на себя осилъ пенечный да и полѣзай въ петлю. Продала все, всего рѣшилась и уѣхала; думаю, пусть лучше хоть глаза мои на все это не глядятъ и уши мои не слышать.

— Это, говорю, — Домна Платоновна, я вамъ вѣрю; нѣтъ ничего несноснѣе, какъ если одолѣетъ тоска.

--- Спасибо тебѣ, милый, на добромъ словѣ, именно правду говоришь, что нѣтъ ничего несноснѣе, и утѣши и обрадуи тебя за это слово Царица Небесная, что ты все это могъ понять и почувствовать. Но не можешь ты понять всей

обо мнѣ тоски и жалости, если не открою я тебѣ всю мою настоящую обиду, какъ меня одинъ разъ обидѣли. Что это саквояжъ тамъ пропалъ, или что Леканидка тамъ неблаго- дарная — все это вздоръ. А былъ у меня на свѣтѣ одинъ такой день, что молила я Господа, что попали Ты хоть змѣя, хоть скорпія, чтобъ очи мои сейчасъ вышлѣ и сердце мое высосалъ. И кто жъ меня обидѣлъ? — Испулатка, не- христь, турка! А кто ему помогаль? — свои пріятели, муромъ святымъ мазаные.

Домна Платоновна горько-прегорько заплакала.

— Курьерша одна моя знакомая, — начала она, утираючи слезы: — жила въ Лопатинѣ домѣ, на Невскомъ, и присталъ къ ней этотъ плѣнный турка Испулатка. Она за него меня и проситъ: Домна Платоновна! опредѣли, говорить, — хоть ты его, чорта, къ какому-нибудь мѣсту! — Куда же, ду- маю, турку опредѣлить? Кромѣ какъ куда-нибудь арапомъ, никуда его не опредѣлишь — и нашла я ему арапскую долж- ность. Нашла, и прихожу, и говорю: такъ и такъ, говорю, иди и опредѣляйся.

Тутъ они и затѣяли могорычи пить, потому что онъ уже своей поганой вѣры избавился, крестился и могъ вино пить.

— Не хочу я, говорю, — ничего, ну, только, однако, вы- пила. Этакое ужъ у меня характеръ глупый, что всегда я попервоначалу скажу «нѣтъ», а потомъ выпью. Такъ и тутъ: выпила и осатаѣла, и у нея, у этой курьерши, легла съ нею на постели.

— Ну-съ?

— Ну, вотъ тебѣ и все, а нынче зашиваюсь.

— Какъ зашиваетесь?

— А такъ, что если гдѣ ужъ прійдется неминуючи по- чевать, то я совсѣмъ съ ногами, въ родѣ какъ въ мѣшокъ, и зашиваюсь. И даже, такъ тебѣ скажу, что и совсѣмъ, на сонъ свой подлый не надѣясь, я даже и постоянно нынче на ночь зашиваюсь.

Домна Платоновна тяжело вздохнула и опустила свою скорбную голову.

— Вотъ тебѣ ужъ, кажется, и знаю петербургскія обстоя- тельства, а однако, что надъ собой допустила! — произнесла она послѣ долгаго раздумья, простилась и пошла къ себѣ на Знаменскую.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ привелось мнѣ свезти въ одну изъ временныхъ тифозныхъ больницъ одного бѣдняка. Сложивъ его на койку, я искалъ, кому бы его препоручить хоть на малѣйшую ласку и вниманіе.

— Старшій, говорятъ.

— Ну, попросите, прощу,—старшую.

Входитъ женщина съ отцвѣтшимъ лицомъ и отвисшими губками щекъ у челюстей.

— Чѣмъ, говоритъ,—бабушка, служить прикажете?

— Матушка, восклицаю,—Домна Платоновна!

— Я, сударь, я.

— Какъ вы здѣсь?

— Богъ такъ велѣлъ.

— Поберегите, прошу,—моего больного.

— Какъ своего родного поберегу.

— Что жъ ваша торговля?

— А вотъ моя торговля: землю продать, да небо купить. Рѣшилась я, другъ мой, своей торговли.

— Зайди, шепчетъ,—ко мнѣ.

Я зашелъ. Каморочка сырая, ни мебели, ни штѣрки, только койка да столикъ съ самоваромъ и сундучокъ крашеный.

— Будемъ, говоритъ,—чай пить.

— Нѣтъ, отвѣчаю,—покорно васъ благодарю, некогда.

— Ну, такъ заходи когда другимъ разомъ. Я тебѣ рада, потому я разбита, другъ мой, въ послѣдняя разбита.

— Что же съ вами такое случилось?

— Уста мои этого рассказать не могутъ. и сердцу моему это очень больно, и, сдѣлай милость, ты меня не спрашивай.

— И отчего, говорю,—вы это такъ вдругъ осунулись?

— Осунулась! что ты, Господь съ тобой! — ни капли я не осунулась.

Домна Платоновна торопливо выхватила изъ кармана крошечное складное зеркальце, поглядѣла на свои блеклыя щеки и заговорила:

— Ни крошечки я не осунулась, и то это теперь къ вечеру, а съ утра я еще гораздо свѣжѣ бываю.

Смотрю я на Домну Платоновну, и понять не могу, что въ ней такое? а только вижу, что что-то такое странное.

Показалось мнѣ, что кромѣ того, что все ея лицо поблекло и обвисло, будто оно еще слегка подштыкуатурено и подкрашено, а тутъ еще эта тревога, при моемъ замѣчаніи, что она осунулась... Непонятная, думаю, притча!

Не прошло послѣ этого мѣсяца, какъ вдругъ является ко мнѣ какой-то солдатъ изъ больницы и неотступно требуетъ меня сейчасъ къ Домнѣ Платоновнѣ.

Взявъ извозчика и пріѣзжаю. На самыхъ воротахъ встрѣчаетъ меня сама Домна Платоновна и прямо кидается мнѣ на грудь съ плачемъ и рыданіемъ.

— Съѣзди, говоритъ, — ты, миленькій, сдѣлай милость, въ часть.

— Зачѣмъ, Домна Платоновна.

— Узнай ты тамъ насчетъ одного человѣка, похлопочи за него. Я, Богъ дастъ, современемъ сама тебѣ услужу.

— Да вы, говорю, — не плачьте только и не дрожите.

— Не могу, отвѣчаетъ, — не дрожать, потому это внутреннее, изнутри колотить. А этой услуги я тебѣ въ жизнь не забуду, потому что всѣ меня теперь оставили.

— Хорошо — но за кого же просить-то и о чемъ просить?

Старуха замаялась, и блеклыя щеки ея задергались.

— Фортопьянщичкій ученикъ тамъ арестованъ вчера, Валерочка, Валерьянъ Ивановъ, такъ за него узнай и попроси.

Побѣхаль я въ часть. Сказали мнѣ тамъ, что, дѣйствительно, есть арестованный молодой человѣкъ Валерьянъ Ивановъ. что былъ онъ ученикомъ у фортепьяннаго мастера, обокралъ своего хозяина, взять съ поличнымъ и, по всѣмъ вѣроятностямъ, пойдетъ по тяжелой дорогѣ Владимірской.

— Сколько же ему лѣтъ? разспрашиваю.

— Лѣтъ, говорятъ, — какъ разъ двадцать одинъ годъ минулъ.

Что, думаю, за чудеса такія и что такое онъ, этотъ Валерка, моей Домнѣ Платоновнѣ?

Пріѣзжаю въ больницу и застаю Домну Платоновну въ ея каморкѣ: сидитъ, сложивши руки, на краю кровати и со-всѣмъ помертвѣлая.

— Знаю, говоритъ, — все, сдѣлай милость, больше не

сказывай. Я феришала посылала узнать и все знаю. Огненнымъ прещеніемъ пресѣкается передъ смертью душа моя.

Вижу, моя вонтельница совсѣмъ сбрендила: распалась и угасла въ часъ одинъ.

— Боже мой! говоритъ,—глядя на бѣдный больничный образочекъ. —Боженька! миленькій! да поди же къ Тебѣ моя молитва прямо столбушкомъ: вынь Ты изъ меня душу, изъ старой дуры, да укроти мое сердце негодное.

— Да что жъ, говорю,—вамъ такое?

— Миѣ?.. Люблю я его, душечка; люблю я его несносно, мой ангель; безъ ума, безъ разума люблю я его, старая дура. Я его обула, я его одѣла, я на него дула, пыль съ него обдувала. Театрашникъ такой; все, бывало, кортить ему дома; все онъ клонится какъ бы въ цыркъ, какъ бы въ театръ; я ему послѣднее отдавала. Станешь, бывало, только просить: Валерочка! другъ мой! сокровище благихъ! не клонись ты къ этому цырку; что тебѣ этотъ цыркъ? Такъ заточеть, закричитъ и руками намѣриется. Вотъ тебѣ и цыркъ!.. Не позволялъ онъ, чтобы я говорила съ нимъ, такъ я издаля, бывало, только на него смотрю, да прошу: Валерочка! жизненочекъ! сокровище благихъ! не якнайся ты съ кѣмъ ипада; не пей ты много. Все онъ мое презрѣлъ.. Когда бъ дворника не нанимала, чтобы слухъ объ немъ подавалъ, и этого горя бъ, можетъ, не знала.

— Боженька! милонькій! Господи, да что жъ это? да что жъ это будетъ! вскрикнула она, и съ этимъ словомъ упала передъ образомъ на колѣна и еще горче заплакала, кивая своею сѣдою головою.

— Все,—заговорила она, поднимаясь черезъ нѣсколько минутъ на ноги и тоскливо водя угасшими глазами по своей унылой каморкѣ:—все ему отдала, ничего у меня больше нѣтъ. Нечего миѣ ему дать больше, голубчику.. Хоть бы сходить къ нему...

— Ну, говорю,—сходите.

— Не велитъ онъ миѣ ему показываться, не смѣю я къ нему идти; а сама дрожмя дрожить, бѣдная старуха.

Помолчала я и, чтобы отрезвить ее хоть немножко, спрашиваю:

— Сколько вамъ, Домна Платоновна, нынче годочковъ?

— Что ты такое, говоритъ,—сказать?

— Сколько, моль,—вамъ лѣтъ?

— А не знаю, право, сколько... въ прошломъ году въ фебриѣ, кажется, сорокъ семь было.

— И откуда жъ это, спрашиваю,—онъ у васъ взялся, этотъ Валерка? Гдѣ вы его себѣ откопали на свое горе?

— Изъ нашихъ мѣстовъ, отвѣчаетъ, утирая слезы.— Куминъ племянникъ онъ. Кума его ко мнѣ прислала, чтобъ къ мѣсту опредѣлить.

— Скажи, пожалуйста,—пищитъ опять плачущи вонпельница:—жаль ли хоть тебѣ меня, дуру неповитую?

— Очень, отвѣчаю,—жаль.

— А людямъ, вѣдь, небось, и не жаль, смѣхъ имъ, небось, только. И всякій, если кто когда-нибудь про эту исторію узнаетъ, посмѣется—непремѣнно посмѣется, а не пожалѣетъ—а я все люблю, и все безъ радости, и все безъ счастья, безъ всякаго. Богъ съ ними люди! не понять имъ, какая это бѣда, если прилучится такое надъ человѣкомъ не ко времени. Ходила я къ сталовѣру,—говоритъ: «это тебѣ ангель саганы данъ въ плоть... Не возносись». Пошла къ священнику, говорю: вотъ, батюшка, чтò со мною, такъ и такъ, говорю, силъ моихъ надъ собою нѣтъ; ну, священникъ меня хорошо пощувялъ: читай, говоритъ, раба, канонъ: «Утоли моя печали». Я теперь и канонъ этотъ читаю, и къ мѣсту такому нарочно опредѣлилась, чтобъ никакихъ смущеній мнѣ не было; ну, только... Валерушка! цыцленокъ ты мой! Сокровище благихъ! Чтò ты это надъ собою сдѣлала?..

Домна Платоновна пришла головой къ окну и заколотила лбомъ о подоконникъ.

Такъ я и оставилъ мою вонпельницу въ этомъ убитомъ положеніи. Черезъ мѣсяць дали мнѣ знать изъ больницы, что Домна Платоновна вдругъ окончила свою прекратительную жизнь. Умерла она отъ быстрого истощенія силъ. Лежала она въ гробикѣ черномъ такая маленькая, сухенькая, точно въ самомъ дѣлѣ всѣ хрящички ея изныли и косточки прилегли къ суставамъ. Смерть ея была совершенно безболѣзненна, тиха и спокойна. Домна Платоновна сороковалась масломъ и до послѣдней минуты все молилась, а отпуская предсмертный вздохъ, велѣла отнести ко мнѣ свой сундучокъ, подушки и подаренную ей кѣмъ-то банку варенья, съ тѣмъ, чтобы я нашелъ случай передать все это «тому человѣку, про котораго самъ знаю», то-есть Валеркѣ.

ЛЕДИ МАКБЕТЪ МЦЕНСКАГО УЪЗДА.

(ОЧЕРКЪ.)

«Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть».

Поговорка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Иной разъ въ нашихъ мѣстахъ задаются такіе характеры, что какъ бы много лѣтъ ни прошло со встрѣчи съ ними, о нѣкоторыхъ изъ нихъ никогда не вступишь безъ душевнаго трепета. Къ числу такихъ характеровъ принадлежитъ купеческая жена Катерина Львовна Измайлова, разыгравшая нѣкогда страшную драму, послѣ которой наши дворяне, съ чьего-то легкаго слова, стали звать ее *леди Макбетъ Мценскаго уѣзда*.

Катерина Львовна не родилась красавицей, но была по наружности женщина очень пріятная. Ей отъ роду шель всего двадцать четвертый годъ; роста она была невысокаго, но стройная, шея точно изъ мрамора выточенная, плечи круглыя, грудь крѣпкая, носикъ прямой, тоненькій, глаза черные, живые, бѣлый высокій лобъ и черные, ажъ до-спины черные волосы. Выдали ее замужъ за нашего купца Измайлова съ Тускари изъ курской губерніи, не по любви или какому влеченію, а такъ, потому что Измайловъ къ ней присватался, а она была дѣвушка бѣдная и перебирать женихами ей не приходилось. Домъ Измайловыхъ въ нашемъ городѣ былъ не послѣдній: торговали они крупчаткою, держали въ уѣздѣ большую мельницу въ арендѣ, имѣли доходный садъ подъ городомъ и въ городѣ домъ хорошій.

Вообще купцы были зажиточные. Семья у нихъ къ тому же была совсѣмъ небольшая: свекоръ Борисъ Тимоѣенчъ Измайлловъ, человекъ ужь лѣтъ подь восемьдесятъ, давно вдовый; сынъ его Зиновій Борисычъ, мужъ Катерины Львовны, человекъ тоже лѣтъ пятидесяти слишкомъ, да сама Катерина Львовна, и только всего. Дѣтей у Катерины Львовны, пятый годъ какъ она вышла за Зиновія Борисыча, не было. У Зиновія Борисыча не было дѣтей и отъ первой жены, съ которою онъ прожилъ лѣтъ двадцать прежде чѣмъ овдовѣлъ и женился на Катеринѣ Львовнѣ. Думалъ онъ и надѣялся, что дастъ ему Богъ хоть отъ второго брака наследника купеческому имени и капиталу; но опять ему въ этомъ и съ Катериной Львовной не посчастливилось.

Бездѣтность эта очень много огорчала Зиновія Борисыча. и не то, что одного Зиновія Борисыча, а и старика Бориса Тимоѣенча, да даже и самоѣ Катерину Львовну это очень печалило. Разъ, что скука немѣрная въ запертомъ купеческомъ терему съ высокимъ заборомъ и спущенными дѣянными собаками не разъ наводили на молодую купчиху тоску, доходящую до одури, и она рада бы, Богъ вѣсть какъ рада бы она была понынчиться съ дѣточкой; а другое — и попреки ей надѣли: «чего шла, да зачѣмъ шла замужъ; зачѣмъ завязала человекъ судьбу, неродица», словно и въ самомъ дѣлѣ она преступленіе какое сдѣлала и передъ мужемъ, и передъ свекромъ, и передъ всѣмъ ихъ честнымъ родомъ купеческимъ.

При всѣхъ довольствѣ и добрѣ, житье Катерины Львовны въ свекровомъ домѣ было самое скучное. Въ гости она ѣзжала мало, да и то, если и поѣдетъ она съ мужемъ по своему купечеству, такъ тоже не на радость. Народъ все строгій: наблюдаютъ, какъ она сидеть, да какъ пройти, какъ встанеть; а у Катерины Львовны характеръ былъ пылкій, и, живя дѣвушкой въ бѣдности, она привыкла къ простотѣ и свободѣ: пробѣжать бы съ ведрами на рѣку да покупаться бы въ рубашкѣ подь пристанью или обсыпаться черезъ калитку прохожаго молодца подсолнечною лузгою; а тутъ все иначе. Встануть свекоръ съ мужемъ ранехонько, напьются въ шесть часовъ утра чаю, да и по своимъ дѣламъ, а она одна слоняетъ слоны изъ комнаты въ комнату. Вездѣ чисто, вездѣ тихо и пусто, лампы сіяютъ передъ

образами, а нигдѣ по дому ни звука живого, ни голоса человѣческаго.

Походить, походить Катерина Львовна по пустымъ комнатамъ, начнетъ зѣвать со скуки и полѣзеть по лѣсенкѣ въ свою супружескую опочивальню, устроенную на высокомъ небольшомъ мезонинчикѣ. Тутъ тоже посижить, поглазѣть, какъ у амбаровъ цѣнку вѣшаютъ или крупчатку ссыпаютъ — опять ей зѣвнется, она и рада: прикорнетъ часокъ-другой, а проснется — опять та же скука, русская, скука кунеческаго дома, отъ которой весело, говорятъ, даже удавиться. Читать Катерина Львовна была не охотница да и книгъ къ тому жъ, окромя кievскаго патерика, въ домѣ ихъ не было.

Скучною жизнью жилось Катеринѣ Львовнѣ въ богатомъ свекровомъ домѣ въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ ея жизни за неласковымъ мужемъ; но никто, какъ водится, не обращалъ на эту скуку ея ни малѣйшаго вниманія.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На шестую весну Катерины Львовиной замужества у Измайловыхъ прорвало мельничную плотину. Работы на ту пору, какъ нарочно, на мельницу было завезено много, а прорва учинилась огромная: вода ушла подъ нижній лежень холостой скрини, и захватить ее скорой рукой никакъ не удавалось. Сигналъ Зиновій Борисычъ народа на мельницу съ цѣлой округи и самъ тамъ сидѣлъ безотлучно; городскія дѣла ужъ одинъ старикъ править, а Катерина Львовна маялась дома по цѣлымъ днямъ одна-одинешенька. Сначала ей безъ мужа еще скучнѣй было, а тутъ будто даже какъ и лучше показалось: свободнѣе ей одной стало. Сердце ея къ нему никогда особенно не лежало, а безъ него, по крайней мѣрѣ, однимъ командиромъ надъ ней стало меньше.

Сидѣла разъ Катерина Львовна у себя на вынкѣ подъ окошечкомъ, зѣвала-зѣвала, ни о чемъ опредѣленномъ не думая, да и стыдно ей, наконецъ, зѣвать стало. А на дворѣ погода такая чудесная: тепло, свѣтло, весело, и сквозь зеленую деревянную рѣшетку сада видно, какъ по деревьямъ съ сучка на сучокъ перепархиваютъ рѣзвыя птички.

«Что это я, въ самомъ дѣлѣ, раззѣвалась?—подумала Ка-

терина Львовна. — «Семь-пу я хоть встану, по двору погуляю или въ садъ пройдусь».

Накинула на себя Катерина Львовна старую штофную шубочку и вышла.

На дворѣ такъ свѣтло и крѣпко дышится, а на галлерей у амбаровъ такой хохоть веселый стоитъ.

— Чего это вы такъ радуетесь?—спросила Катерина Львовна свекровыхъ приказчиковъ.

— А вотъ, матушка, Екатерина Ильвовна, свинью живую вѣшали,—отвѣчалъ ей старый приказчикъ.

— Какую свинью?

— А вотъ свинью Аксиныю, что родила сына Василья, да не позвала насъ на крестины,—смѣло и весело разсказывалъ молодецъ съ дерзкимъ красивымъ лицомъ, обрамленнымъ чернымъ, какъ смоль, кудрями и едва пробивающейся бородкой.

Изъ мучной кади, привѣшенной къ вѣсовому коромыслу, въ эту минуту выглянула толстая рожа румяной кухарки Аксины.

— Черти, дьяволы гладкіе!—ругалась кухарка, стараясь схватиться за желѣзное коромысло и вытѣзть изъ раскачивающейся кади.

— Восемь пудовъ до обѣда тянеть, а пихтеръ сѣна съѣсть, такъ и гирь неостанеть!—опять объяснялъ красивый молодецъ и, повернувъ кадъ, выбросилъ кухарку на сложенное въ углу кувле.

Баба, шутливо ругаясь, начала оправляться.

— Ну-ка, а сколько во мнѣ будетъ?—пошутила Катерина Львовна и, взявшись за веревки, стала на доску.

— Три пуда семь фунтовъ, отвѣчалъ тотъ же красивый молодецъ Сергѣй, бросивъ гирь на вѣсовую скайму. — Диковна!

— Чему жъ ты дивиешься?

— Да что три пуда въ васъ потянуло, Катерина Ильвовна. Васъ, я такъ разсуждаю, цѣлый день на рукахъ носить надо — и то не уморишься, а только за удовольствіе это будешь для себя чувствовать.

— Что жъ, я не человѣкъ, что ли? Небось, тоже устанешь,—отвѣтила, слегка краснѣя, отвыкшая отъ такихъ рѣчей Катерина Львовна, чувствуя внезапный приливъ же-

ланія разболтаться и наговориться словами веселыми и шутливыми.

— Ни Боже мой! Въ Аравію счастливую занесъ бы, — отвѣчалъ ей Сергѣй на ея замѣчаніе.

— Не такъ ты, молодецъ, разсуждаешь, — говорилъ ссылавшій мужичокъ. — Что есть такое въ насъ тяжесть? Развѣ тѣло наше тянетъ? тѣло наше, милый человѣкъ, на всѣхъ ничего не значить: сила наша, сила тянетъ — не тѣло!

— Да, я въ дѣвкахъ страсть сильна была. — сказала, опять не утерпѣвъ, Катерина Львовна. — Меня даже мужчина не всякій одолѣвалъ.

— А ну-съ, позвольте ручку, если какъ это правда, — просилъ красивый молодецъ.

Катерина Львовна смутилась, но протянула руку.

— Ой, пусти кольцо: больно! — вскрикнула Катерина Львовна, когда Сергѣй сжалъ въ своей рукѣ ея руку, и свободною рукою толкнула его въ грудь.

Молодецъ выпустилъ хозяйкину руку и отъ ея толчка отлетѣлъ на два шага въ сторону.

— Н-да, вотъ ты и разсуждай, что женщина! — удивился мужичокъ.

— Нѣтъ, а вы позвольте такъ взяться, на-борки, — относился, раскидывая кудри, Серега.

— Ну, берись, — отвѣтила, развеселившись, Катерина Львовна и приподняла кверху свои локоточки.

Сергѣй обнялъ молодую хозяйку и прижалъ ея твердую грудь къ своей красной рубашкѣ. Катерина Львовна только было пошевелинула плечами, а Сергѣй приподнялъ ее отъ полу, подержалъ на рукахъ, сжалъ и посадилъ тихонько на опрокинутую мѣрку.

Катерина Львовна не успѣла даже распорядиться своею хваленою силою. Красная-раскрасная, поправила она, сидя на мѣркѣ, свалившуюся съ плеча шубку и тихо пошла изъ амбара, а Сергѣй молодецки кашлянулъ и крикнулъ:

— Ну, вы, олухи царя небеснаго! Сыпь, не зѣвай, гребля не замай; будутъ вершки, наши лишки.

Будто какъ онъ и вниманія не обратилъ на то, что сейчасъ было.

— Дѣвичуръ этотъ проклятый Сережка! — рассказывала, плетясь за Катериной Львовной, кухарка Аксенья. — Всѣмъ

воръ взялъ—что ростомъ, что лицомъ, что красотой. Какую ты хочешь женчину сейчасъ онъ ее, подлець, улестить, и улестить, и до грѣха доведеть. А что ужъ непостоянный, подлець, принепостоянный-непостоянный!

— А ты, Аксинья... того...—говорила, идучи впереди ся, молодая хозяйка:—мальчикъ-то твой у тебя живъ?

— Живъ, матушка, живъ—что ему! Гдѣ они не нужны-то кому, у тѣхъ они, вѣдь, живущи.

— И откуда это онъ у тебя?

— И-н! такъ, гулевой— на народѣ вѣдь живешь-то — гулевой.

— Давно онъ у насъ, этотъ молодець?

— Кто это? Сергѣй-то, что ли?

— Да.

— Съ мѣсяць будетъ. У Кончиновыхъ допрежь служилъ, такъ прогнать его хозяйнѣ. — Аксинья понизила голосъ и досказала: — Сказываютъ, съ самой съ хозяйкой въ любви былъ... Вѣдь вотъ, треананемская его душа, какой смѣлый!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Теплыя молочныя сумерки стояли надъ городомъ. Зинувій Борисычъ еще не возвращался съ попрудки. Свекра Бориса Тимошенча тоже не было дома: повхалъ къ старому пріятелю на именины, даже и къ ужину заказалъ себя не дожидаться. Катерина Львовна, отъ нечего дѣлать, рано повечерила, открыла у себя на вышкѣ окошечко и, прислонясь къ косяку, щелушила подсолнечныя зернушки. Люди въ кухнѣ поужинали и расходились по двору спать: кто подъ сарай, кто къ амбарамъ, кто на высокіе душистые сѣновалы. Позже всѣхъ вышелъ изъ кухни Сергѣй. Онъ походилъ по двору, спустилъ цѣпныхъ собакъ, посвисталъ и, проходя мимо окна Катерины Львовны, поглядѣлъ на нее и низко ей поклонился.

— Здравствуй,—тихо сказала ему съ своей вышки Катерина Львовна, и дворъ смолкъ словно пустыня.

— Сударыня!—произнесъ кто-то черезъ двѣ минуты у запертой двери Катерины Львовны.

— Кто это?—испугавшись, спросила Катерина Львовна.

— Не извольте пугаться: это я, Сергѣй,—отвѣчалъ приказчикъ.

— Что тебѣ, Сергѣй, нужно?

— Дѣльце къ вамъ, Катерина Ильвовна, имѣю: просить вашу милость объ одной малости желаю: позвольте взойти на минуту.

Катерина Львовна повернула ключъ и впустила Сергѣя.

— Что тебѣ?—спросила она, сама отходя къ окошку.

— Пришелъ къ вамъ, Катерина Ильвовна, попросить, ѣсть ли у васъ какой-нибудь книжечки почитать. Скука очень одолеваетъ.

— У меня, Сергѣй, ѣсть никакихъ книжекъ: не читаю и ихъ,—отвѣчала Катерина Львовна.

— Такая скука,—жаловался Сергѣй.

— Чего тебѣ скучать!

— Помилуйте, какъ не скучать: человекъ я молодой, живемъ мы словно какъ въ монастырѣ какомъ, а впередъ видишь только то, что, можетъ-быть, до гробовой доски должно пропадать въ такомъ одиночествѣ. Даже отчаянье иногда приходитъ.

— Чего жъ ты не женишься?

— Легко сказать, сударыня, жениться? На комъ тутъ жениться? Человекъ я незначительный; хозяйская дочь за меня не пойдетъ, а по бѣдности все у насъ, Катерина Ильвовна, вы сами изволите знать, необразованность. Развѣ ояѣ могутъ что объ любви понимать какъ слѣдуетъ! Вотъ изволите видѣть, какое ихнее и у богатыхъ-то понятіе. Вотъ вы, можно сказать, каждому другому человеку, который себя чувствуетъ, въ утѣшеніе бы только для него были, а вы у нихъ теперь какъ канарейка въ клеткѣ содержитесь.

— Да, мнѣ скучно,—сорвалось у Катерины Львовны.

— Какъ не скучать, сударыня, въ этакой жизни! Хоша бы даже и предметъ какой у васъ былъ со стороны, такъ, какъ другія прочія дѣлаютъ, такъ вамъ и видѣться съ нимъ даже невозможно.

— Ну, это ты... не то совѣмъ. Мнѣ вотъ, когда бъ я себѣ ребеночка бы родила, вотъ бы мнѣ съ нимъ, кажется, и весело стало.

— Да вѣдь это, позвольте вамъ доложить, сударыня, вѣдь и ребенокъ тоже отъ чего-нибудь тоже бываетъ, а не такъ же. Нешто теперь по хозяевамъ столько лѣтъ живши и на этакую женскую жизнь по купечеству глядячи, мы тоже не понимаемъ? Пѣсня поется «безъ мила дружка обу-

яла грусть-тоска», и эта тоска, доложу вамъ, Катерина Львовна, собственному моему сердцу столь, могу сказать, чувствительна, что вотъ взялъ бы я его вырѣзалъ булатнымъ ножомъ изъ моей груди и бросилъ бы къ вашимъ ножкамъ. И легче, сто разъ легче бы мнѣ тогда было..

У Сергѣя задрожалъ голосъ.

— Что это ты мнѣ тутъ про свое сердце сказываешь? Мнѣ это ни къ чему. Иди ты себѣ...

— Нѣтъ, позвольте, сударыня,—произнесъ Сергѣй, трепеща всѣмъ тѣломъ и дѣлая шагъ къ Катеринѣ Львовнѣ.— Знаю я, вижу и очень даже чувствую и понимаю, что и вамъ не легче моего на свѣтѣ; ну, только теперь,—произнесъ онъ однимъ придыханіемъ:—теперь все это состоитъ въ эту минуту въ вашихъ рукахъ и въ вашей власти.

— Ты чего? чего? Чего ты пришелъ ко мнѣ? Я за окно брошусь.—говорила Катерина Львовна, чувствуя себя подъ несносною властью неописуемаго страха, и схватилась рукою за подоконницу.

— Жизнь ты моя несравненная! на что тебѣ бросаться?—развязно прошепталъ Сергѣй и, оторвавъ молодую хозяйку отъ окна, крѣпко ее обнялъ.

— Охъ! охъ! пусть,—тихо стонала Катерина Львовна, слабѣя подъ горячими поцѣлуями Сергѣя, а сама мимовольно прижималась къ его могучей фигурѣ.

Сергѣй поднялъ хозяйку, какъ ребенка, на руки и унесъ ее въ темный уголъ.

Въ комнатѣ наступило безмолвіе, нарушавшееся только мѣрнымъ тиканьемъ висѣвшихъ надъ изголовьемъ кровати Катерины Львовны карманныхъ часовъ ея мужа; но это ничему не мѣшало.

— Иди,—говорила Катерина Львовна черезъ полчаса, не смотря на Сергѣя и поправляя передъ маленькимъ зеркальцемъ свои разбросанные волосы.

— Чего я таперича отсюда поиду,—отвѣчалъ ей счастливымъ голосомъ Сергѣй.

— Свекоръ двери запретъ.

— Эхъ, душа, душа! Да какихъ ты это людей знала. что имъ только дверью къ женщинѣ и дорога? Мнѣ что къ тебѣ, что отъ тебя—вездѣ двери,—отвѣчалъ молодецъ, указывая на столбы, поддерживающіе галлерею.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зинновій Борисычъ еще недѣлю не бывалъ домой, и всю эту недѣлю жена его, что почь, до самаго бѣла-свѣта гуляла съ Сергѣемъ.

Много было въ эти почи въ спальнѣ Зинновія Борисыча и винца изъ свекроваго погреба пошито, и сладкихъ сластей поѣдено, и въ сахарныя хозяйкины уста поцѣловано, и черными кудрями на мягкомъ изголовьи поиграно. Но не все дорога идетъ скатертью, бываютъ и перебоинки.

Не спалось Борису Тимооенчу: блуждалъ старикъ въ пестрой ситцевой рубашкѣ по тихому дому, подошелъ къ одному окну, подошелъ къ другому, смотритъ, а по столбу изъ-подъ невѣсткина окна тихо-тихонько спускается къ низу красная рубаха молодца Сергѣя. Вотъ тебѣ и новости! Выскочилъ Борисъ Тимооенчъ и хватъ молодца за ноги. Тотъ развернулся-было, чтобъ съѣздить хозяина отъ всего сердца по уху, да и остановился, разсудивъ, что шумъ выйдетъ.

— Сказывай,—говоритъ Борисъ Тимооенчъ:—гдѣ былъ, воръ ты этакой?

— А гдѣ былъ, говоритъ:—тамъ меня, Борисъ Тимооенчъ, сударь, ужъ нѣту,—отвѣчалъ Сергѣй.

— У невѣстки ночевалъ?

— Про то, хозяйнѣ, опять-таки я знаю, гдѣ ночевалъ; а ты вотъ что, Борисъ Тимооенчъ, ты моего слова послушай: что, отецъ, было, того назадъ не воротись; не клади жъ ты по крайности позору на свой купеческій домъ. Сказывай, чего ты отъ меня теперь хочешь? Какого убогаго желанія желаешь?

— Желая я тебѣ, аспиду, пятьсотъ плетей закатить,—отвѣчалъ Борисъ Тимооенчъ.

— Моя вина—твоя воля,—согласился молодець.—Говори, куда идти за тобой, и тѣшься, пей мою кровь.

Повелъ Борисъ Тимооенчъ Сергѣя въ свою каменную кладовеньку и стегалъ онъ его нагайкою, пока самъ изъ силъ выбился. Сергѣй ни стона не подалъ, но зато половину рукава у своей рубашки зубами изъѣлъ.

Бросилъ Борисъ Тимооенчъ Сергѣя въ кладовой, пока взбитая въ чугуны спина заживетъ; сунулъ онъ ему глиняный кувшинъ водицы, заперъ его большимъ замкомъ и послалъ за сыномъ.

Но за сто верстъ на Руси по проселочнымъ дорогамъ еще и теперь не скоро ѣздить, а Катеринѣ Львовнѣ безъ Сергѣя и часъ длиннѣй пережить уже не вѣдомому стало. Развернулась она вдругъ во всю ширь своей проснувшейся природы и такая стала рѣшительная, что и унять ее нельзя. Провѣдала она, гдѣ Сергѣй, поговорила съ нимъ черезъ желѣзную дверь и кинулась ключей искать. — «Пусти, тятенька, Сергѣя», пришла она къ свекру.

Старикъ такъ и позеленѣлъ. Онъ никакъ не ожидалъ такой наглой дерзости отъ согрѣшившей, но всегда до сихъ поръ покорной невѣстки.

— Что ты это, такая-сякая, — началъ онъ срамить Катерину Львовну.

— Пусти, говоритъ: — я тебѣ совѣстью заручаюсь, что еще худого промежъ насъ ничего не было.

— Худого, говоритъ, — не было! — а самъ зубами такъ и скрипитъ. — А чѣмъ вы тамъ съ нимъ по ночамъ занимались? Подушки мужнины перебивали?

А та все съ своимъ пристаётъ: пусти его да пусти.

— А коли такъ, — говоритъ Борисъ Тимоѣевичъ: — такъ вотъ же тебѣ: мужъ прѣдетъ, мы тебя, честную жену, своими руками на конюшнѣ выдеремъ, а его, подлеца я завтра же въ острогъ отправлю.

Тѣмъ Борисъ Тимоѣенчъ и порѣшилъ; но только это рѣшеніе его не состоялось.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Поѣлъ Борисъ Тимоѣенчъ на ночь грибковъ съ кашей, и началась у него изжога; вдругъ схватило его подъ ложечкой; рвоты страшныя поднялись, и къ утру онъ умеръ, и какъ - разъ такъ, какъ умирали у него въ амбарахъ крысы, для которыхъ Катерина Львовна всегда своими собственными руками приготавливала особое кушанье съ порученнымъ ей храненію опаснымъ бѣлымъ порошкомъ.

Выручила Катерина Львовна своего Сергѣя изъ стариковой каменной кладовой и безъ всякаго зазора отъ людскихъ очей уложила его отдыхать отъ свекровыхъ побоевъ на мужниной постели; а свекра, Бориса Тимоѣенча, ничто же сумяса, схоронили по закону христіанскому. Дивнымъ дѣломъ, никому и невдомекъ ничего стало: умеръ

Борисъ Тимоенчъ да и умеръ, поѣвши грибокъ, какъ многіе, поѣвши ихъ, умираютъ. Схоронили Бориса Тимоенча сибшно, даже и сына не дождавшись, потому что время стояло на дворѣ теплое, а Зиновія Борисыча посланный не засталъ на мельницѣ. Тому лѣсъ случайно какъ-то дешево попался еще верстъ за сто: посмотрѣть его поѣхалъ и никому путемъ не объяснилъ, куда поѣхалъ.

Справившись съ этимъ дѣломъ, Катерина Львовна уже совсѣмъ разошлась. То она была баба неробкаго десятка, а тутъ и нельзя было разгадать, что такое она себѣ задумала; ходить козыремъ, всѣмъ по дому распоряжается, а Сергѣя такъ отъ себя и не отпускаетъ. Задивились-было этому по двору, да Катерина Львовна всякаго сумѣла найти своей щедрой рукой, и все это дивованье вдругъ сразу прошло.—«Зашла, смекали, у хозяйки съ Сергѣемъ алигорія, да и только.—Ее, молъ, это дѣло, ес и отвѣтъ будетъ».

А гѣмъ временемъ Сергѣй выздоровѣлъ, разогнулся и опять молодець — молодцомъ, живымъ кречетомъ заходитъ около Катерины Львовны, и опять пошло у нихъ снова житье разлюбезное. Но время катилось не для нихъ однихъ: спѣшилъ домой изъ долгой отлучки и обиженный мужъ Зиновій Борисычъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

На дворѣ послѣ обѣда стоялъ пеклый жаръ, и проворная муха неспосно докучала. Катерина Львовна закрыла окно въ спальнѣ ставнями и еще шерстянымъ платкомъ его изнутри завѣсила, да и легла съ Сергѣемъ отдохнуть на высокой купеческой постели. Спать и не спать Катерина Львовна, а только такъ ее и омариваетъ, такъ лицо потомъ и обливается, и дышится ей таково горячо и тягостно. Чувствуетъ Катерина Львовна, что пора ей и проснуться; пора идти въ садъ чай пить, а встать никакъ не можетъ. Наконецъ, кухарка подошла и въ дверь постучала: «самоваръ, говоритъ, подъ яблонью гложеть». Катерина Львовна насплу прокинулась и ну, кота ласкать. А котъ промежду ея съ Сергѣемъ трется, такой славный, сѣрый, рослый да претолстющій-толстый... и усы какъ у оброчнаго бурмистра. Катерина Львовна заворошилась

въ его пушистой шерсти, а онъ такъ къ ней съ рыломъ и лѣзеть: тычется тупой мордой въ упругую грудь, а самъ такую тихонькую пѣсню поеть, будто ею про любовь рассказываетъ. — «И чего еще сюда этотъ котиче зашелъ? — думаетъ Катерина Львовна. — Сливки тутъ-то я на окнѣ поставила: безпремѣнно онъ, подлый, у меня ихъ вылопаетъ. Выгнать его». рѣшила она и хотѣла схватить кота и выбросить, а онъ, какъ туманъ, такъ мимо пальцевъ у нея и проходитъ. — «Однако, откуда же этотъ котъ у насъ взялся? — разсуждаетъ въ кошмарѣ Катерина Львовна. — Никогда у насъ въ спальнѣ никакого кота не было, а тутъ, шш, какой забрался!» Хотѣла она опять кота рукой взять, а его опять нѣтъ. — «О, да что жъ это такое? Уже это, полно, котъ ли?» подумала Катерина Львовна. Оторопь ее вдругъ взяла и сонъ, и дрему совсѣмъ отъ нея прогнала. Оглянулась Катерина Львовна по горницѣ — никакого кота нѣтъ, лежитъ только красивый Сергѣй и своей могучей рукой ея грудь къ своему горячему лицу прижимаетъ.

Встала Катерина Львовна, сѣла на постель, цѣловала-цѣловала Сергѣя, миловала-миловала его, поправила измятую перину и пошла въ садъ чай пить; а солнце ужъ совсѣмъ свалило, и на горячо прогрѣтую землю спускается чудный, волшебный вечеръ.

— Заспалась я, — говорила Аксинья Катерина Львовна и усѣлась на коврѣ подъ цвѣтущекъ яблонью чай пить. — И чтò это такое, Аксиньюшка, значить? — пыталась она кухарку, вытирая сама чайнымъ полотенцемъ блюдечко.

— Чтò, матушка?

— Не то что во снѣ, а вотъ совсѣмъ вотъ наяву котъ ко мнѣ все какой-то лѣзъ?

— И, чтò ты это?

— Право, котъ лѣзъ.

Катерина Львовна разсказала, какъ къ ней лѣзъ котъ.

— И зачѣмъ тебѣ его было ласкать?

— Ну, вотъ поди-жъ! сама не знаю, зачѣмъ я его ласкала.

— Чудно, право! — восклицала кухарка.

— Я и сама надивиться не могу.

— Это безпремѣнно въ родѣ какъ къ тебѣ кто-нибудь прибѣдетъ, что ли, либо еще что-нибудь такое выйдетъ.

— Да что жь такое именно?

— Ну, *именно* что—ужь этого тебѣ никто, милый другъ, объяснить не можетъ, что именно, а только что—нибудь да будетъ.

— Мѣсяць все во сибѣ видѣла, а потомъ этотъ котъ, — продолжала Катерина Львовна.

— Мѣсяць—это младенець.

Катерина Львовна покрасилъа.

— Не сносила ли сюда къ твоей милости Сергѣя?—попытала ее направишающаяся въ напереницы Аксинья.

— Ну, что-жь,—отвѣчала Катерина Львовна:—и то правда, поди пошли его: я его чаемъ тутъ напою.

— То-то, я говорю,—ни то послать его,—порѣшила Аксинья и закачалась уткою къ садовой калиткѣ.

Катерина Львовна и Сергѣю про кота рассказала.

— Мечтанье одно, —отвѣчалъ Сергѣй.

— Съ чего жь его, этого мечтанья, прежде, Сережа, никогда не было?

— Мало чего прежде не бывало! бывало, вонъ, я на тебя только глазкомъ гляжу, да сохну, а нонче вона! Всѣмъ твоимъ бѣлымъ тѣломъ владѣю.

Сергѣй обнялъ Катерину Львовну, перекружилъ на воздухѣ и, шутя, бросилъ ее на пушистый коверъ.

— Ухъ, голова закружилась,—заговорила Катерина Львовна. —Сережа! поди-ка сюда: сядь тутъ возлѣ,—позвала она, пѣжась и потягиваясь въ роскошной позѣ.

Молодецъ, нагнувшись, вошелъ подъ низкую яблоню, залитую бѣлыми цвѣтами, и сѣлъ на коврѣ въ ногахъ у Катерины Львовны.

— А ты сохъ же по мнѣ, Сережа?

— Какъ же не сохъ.

— Какъ же ты сохъ? Расскажи мнѣ про это.

— Да какъ про это расскажешь? Развѣ можно про это изъяснить, какъ сохнешь? Тосковалъ.

— Отчего жь я этого, Сережа, не чувствовала, что ты по мнѣ убиваешься? Это вѣдь, говорятъ, чувствуютъ.

Сергѣй промолчалъ.

— А ты для чего пѣсни пѣлъ, если тебѣ по мнѣ скучно было? что? Я вѣдь, небось, слышала, какъ ты на голдарѣ пѣлъ,—продолжала спрашивать, ласкаясь, Катерина Львовна.

— Что жь, что пѣсни пѣль? Комаръ вонъ и весь свой вѣкъ поеть, а вѣдь не съ радости,—отвѣчалъ сухо Сергѣй.

Вышла пауза. Катерина Львовна была полна высочайшаго восторга отъ этихъ признаній Сергѣя.

Ей хотѣлось говорить, а Сергѣй сунулся и молчалъ.

— Посмотри, Сережа, рай-то, рай-то какой!—воскликнула Катерина Львовна, смотря сквозь покрывающія ее густыя вѣтви цвѣтущей яблони на чистое, голубое небо, на которомъ стоялъ полный погожій мѣсяць.

Лунный свѣтъ, пробиваясь сквозь листья и цвѣты яблони, самыми причудливыми, свѣтлыми пятнышками разбѣгался по лицу и всей фигурѣ лежавшей навзничь Катерины Львовны; въ воздухѣ стояло тихо; только легонькій гешлый вѣтерочекъ чуть пошевеливалъ сонные листья и разносилъ тонкій аромат цвѣтущихъ травъ и деревьевъ. Дышалось чѣмъ-то томящимъ, располагающимъ къ лѣни, къ нѣгѣ и къ темнымъ желаніямъ.

Катерина Львовна, не получая отвѣта, опять замолчала и все смотрѣла сквозь блѣдно-розовые цвѣты яблони на небо. Сергѣй тоже молчалъ; только его не занимало небо. Охвативъ обѣими руками свои колѣни, онъ сосредоточенно глядѣлъ на свои сапожки.

Золотая ночь! Тишина, свѣтъ, аромат и благотворная, оживляющая теплота. Далеко за оврагомъ, позади сада, кто-то завелъ звучную пѣсню; подъ заборомъ въ густомъ черемушникѣ шелкнулъ и громко заколотилъ соловей; въ клѣткѣ на высокомъ шестѣ забредилъ сонный перепелъ, и жирная лошадь томно вздохнула за стѣпкой конюшни, а по выгону за садовымъ заборомъ пронеслась безъ всякаго шума веселая стая собакъ и исчезла въ безобразной, черной тѣни полуразвалившихся, старыхъ соляныхъ магазюновъ.

Катерина Львовна приподнялась на локоть и глянула на высокую садовую траву; а трава такъ и играетъ съ луннымъ блескомъ, дробящимся о цвѣты и листья деревьевъ. Всю ее позолотили эти прихотливыя, свѣтлыя пятнышки и такъ на ней и мелькають, такъ и трепещутся, словно живыя огненные бабочки, или какъ-будто вотъ вся трава подъ деревьями взялась лунной сѣткой и ходитъ изъ стороны въ сторону.

— Ахъ, Сережечка, прелесть-то какая!—воскликнула, оглядѣвшись, Катерина Львовна.

Сергѣй равнодушно повелъ глазами.

— Что ты это, Сережа, такой перадостный? Или ужъ тебѣ и любовь моя прискучила?

— Что пустое говорить!—отвѣчалъ сухо Сергѣй и, нагнувшись, лѣниво поцѣловалъ Катерину Львовну.

— Измѣнщикъ ты, Сережа,—ревновала Катерина Львовна:—необстоятельный.

— Я даже этихъ и словъ на свой счетъ не принимаю,—отвѣчалъ спокойнымъ тономъ Сергѣй.

— Что жъ ты меня такъ цѣлуешь?

Сергѣй совсѣмъ промолчалъ.

— Это только мужья съ женами,—продолжала, играя его кудрями, Катерина Львовна:—такъ другъ дружкѣ съ губъ пыль обиваютъ. Ты меня такъ цѣлуй, чтобъ вотъ съ этой яблони, чтò надъ нами, молодой цвѣтъ на землю посыпался.

— Вотъ такъ, вотъ,—шптала Катерина Львовна, обвиваясь около любовника и цѣлуя его съ страстнымъ увлеченіемъ.

— Слушай, Сережа, чтò я тебѣ скажу.—начала Катерина Львовна, спустя малое время:—съ чего это все въ одно слово про тебя говорятъ, что ты измѣнщикъ?

— Кому жъ это про меня брехать охота?

— Ну, ужъ говорятъ люди.

— Можетъ-быть, когда и измѣнялъ тѣмъ, какія совсѣмъ нестоящія.

— А на что, дуракъ, съ нестоящими связывался? съ нестоящею не надо и любви имѣть.

— Говори жъ ты! Нѣтъ это дѣло тоже какъ по разсужденію дѣлается? Одинъ соблазъ дѣйствуетъ. Ты съ нею совсѣмъ просто, безъ всякихъ этихъ намбреній, заповѣдь свою преступилъ, а она ужъ и на шею тебѣ вѣшается. Вотъ и любовь!

— Слушай же, Сережа! я тамъ, какъ другія прочія были, ничего этого не знаю да и знать про это не хочу; ну, а только какъ ты меня на эту тепершнюю нашу любовь самъ уещалъ, и самъ знаешь, что сколько я пошла на нее своею охотою, столько жъ и твоей хитростью, такъ ежели ты, Сережа, мнѣ да измѣнишь, ежели меня да на кого да нибудь, на какую ни на есть иную промѣняешь, я съ тобою, другъ мой сердечный, извини меня,—живая не разстанусь.

Сергій встрепенулся.

— Да вѣдь, Катерина Львовна! свѣтъ ты мой ясный!— заговорилъ онъ.— Ты сама посмотри, какое наше съ тобою дѣло. Ты вонъ такъ теперь замѣчаешь, что я задумчивъ нонче, а не разсудишь ты того, какъ мнѣ и задумчивымъ не быть. У меня, можетъ, все сердце мое въ запертой крови затонуло!

— Говори, говори, Сережа, свое горе.

— Да что тутъ и говорить! Вотъ сейчасъ, вотъ первое дѣло, благослови Господи, мужъ твой найдетъ, а ты, Сергій Филиппычъ, и ступай прочь, отправляйся на задній дворъ къ музыкантамъ и смотри изъ-подъ сарая, какъ у Катерины Львовны въ спальнѣ свѣченька горитъ, да какъ она пуховую постельку перебиваетъ, да съ своимъ законнымъ Зиновіемъ съ Борисычемъ опочивать укладывается.

— Этого не будетъ!—весело протянула Катерина Львовна и махнула ручкой.

— Какъ такъ этого не будетъ! А я такъ понимаю, что совсѣмъ даже безъ этого вамъ невозможно. А я тоже, Катерина Львовна, свое сердце имѣю и могу свои мѣки видѣть.

— Да ну, полно тебѣ все объ этомъ.

Катеринѣ Львовнѣ было пріятно это выраженіе Сергѣевой ревности, и она, разсмѣявшись, опять взялась за свои поцѣлун.

— А повторительно,—продолжалъ Сергій, тихонько вислобазивая свою голову изъ голыхъ плечъ рукъ Катерины Львовны:—повторительно надо сказать и то, что состояніе мое самое ничтожное тоже заставляетъ, можетъ, не разъ и не десять разъ разсудить такъ и иначе. Будь я, такъ скажу, равный вамъ, будь я какой баринъ или купецъ, я бы то-есть съ вами, Катерина Львовна, и ни въ жизнь мою не разстался. Ну, а такъ, сами вы посудите, что я за человѣкъ при васъ есть? Видючи теперь, какъ возьмутъ васъ за бѣлыя ручки и поведутъ въ опочивальню, долженъ я все это переносить въ моемъ сердцѣ и, можетъ, даже самъ для себя чрезъ то на цѣлый вѣкъ презрѣннымъ человѣкомъ сдѣлаться. Катерина Львовна! Я вѣдь не какъ другіе прочіе, для котораго все равно, абы ему отъ женщины только радость получить. Я чувствую, какова есть любовь и какъ она черной змѣею сосетъ мое сердце...

— Что ты это мнѣ все про такое толкуешь?—перебила его Катерина Львовна.

Ей стало жаль Сергѣя.

— Катерина Ильвовна! какъ про это не толковать-то? Какъ не толковать-то? Когда, можетъ, все ужъ имъ объяснено и расписано, когда, можетъ, не только-что въ какомъ-нибудь долгомъ разстояніи, а даже самаго завтрашняго числа Сергѣя здѣсь ни духу, ни паху на этомъ дворѣ не останется?

— Нѣтъ, нѣтъ, и не говори про это, Сережа! Этого ни за что не будетъ, чтобъ я безъ тебя осталась,—успокоивала его все съ тѣми же ласками Катерина Львовна. — Если только пойдетъ на что дѣло... либо ему, либо мнѣ не жить, а ужъ ты со мной будешь.

— Никакъ этого не можетъ, Катерина Ильвовна, послѣдовать,—отвѣчала Сергѣй, печально и грустно качая своею головою. — Я жизни моеѣ не радъ самъ за этой любовью. Любить бы то, что не больше самого меня стоитъ, тѣмъ бы и доволецъ быть. Васъ ли мнѣ съ собою въ постоянной любви имѣть? Нешто это вамъ почетъ какой — любовницей быть? Я бъ хотѣлъ предъ святымъ, предвѣчнымъ храмомъ мужемъ вамъ быть: такъ тогда я, хоть завсегда млаже себя передъ вами считая, все-таки могъ бы по крайности публично всемъ обличить, сколь я у своей жены почитеніемъ своимъ къ ней заслуживаю...

Катерина Львовна была отуманена этими словами Сергѣя, этою его ревностью, этимъ его желаніемъ жениться на ней,—желаніемъ, всегда пріятнымъ женищѣ, несмотря на самую короткую связь ея съ человѣкомъ до женитьбы. Катерина Львовна теперь готова была за Сергѣя въ огонь, въ воду, въ темницу и на крестъ. Онъ влюбилъ ее въ себя до того, что мѣры ея преданности ему не было никакой. Она обезумѣла отъ своего счастья; кровь ея кипѣла, и она не могла болѣе ничего слушать. Она быстро зажала ладонью Сергѣевы губы и, прижавъ къ груди своей его голову, заговорила:

— Ну, ужъ я знаю, какъ я тебя и кунцомъ сдѣлаю, и жить съ тобою совѣмъ какъ слѣдуетъ стану. Ты только не печаль меня попусту, пока еще дѣло наше не пришло до насъ.

И опять пошли поцѣлуй да ласки.

Старому приказчику, спавшему въ сараѣ, сквозь крѣпкій сонъ стали слышаться въ ночной тишинѣ то шопотъ съ тихимъ смѣхомъ, будто гдѣ шаловливыя дѣти совѣтуются, какъ злѣе надъ хилою старостью посмѣяться; то хохотъ звонкій и веселый, словно кого озерныя русалки щекочутъ. Все это, плескаясь въ лунномъ свѣтѣ, да покатываясь по мягкому ковру, рѣзвилась и играла Катерина Львовна съ молодымъ мужинымъ приказчикомъ. Сыпался-сыпался на нихъ молодой бѣлый цвѣтъ съ кудрявой яблонки, да ужъ и пересталъ сыпаться. А тѣмъ временемъ короткая лѣтняя ночь проходила, луна спряталась за крутую крышу высокихъ амбаровъ и глядѣла на землю искоса тусклѣе и тусклѣе; съ кухонной крыши раздался пронзительный кошачій дуэтъ; потомъ послышались плевокъ, сердитое фырканье и вслѣдъ затѣмъ два или три кота, оборвавшись, съ шумомъ покатылись по приставленному къ крышѣ луку теса.

— Пойдемъ спать, — сказала Катерина Львовна медленно, словно разбитая, приподнимаясь съ ковра, и какъ лежала въ одной рубашкѣ да въ бѣлыхъ юбкахъ, такъ и пошла по тихому, до мертвенности тихому купеческому двору, а Сергѣй понесъ за нею коверчикъ и блузу, которую она, расшавившись, сбросила.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Только Катерина Львовна задула свѣчу и совсѣмъ раздѣтая улеглась на мягкой пуховикъ, сонъ такъ и окуталъ ея голову. Заснула Катерина Львовна, наигравшись и наѣбѣившись, такъ крѣико, что и нога ея спитъ, и рука спитъ; но опять слышитъ она сквозь сонъ, будто опять дверь отворилась и на постель тяжелымъ осметкомъ унать давищій котъ.

«Да что же это въ самомъ дѣлѣ за наказаніе съ этимъ котомъ? — разсуждаетъ усталая Катерина Львовна. — Дверь теперь ужъ нарочно я сама своими руками на ключъ заперла, окно закрыто, а онъ опять тутъ. Сейчас его выкину», — собиралась встать Катерина Львовна, да сонныя руки и ноги ея не служатъ ей; а котъ ходитъ по всей по ней и таково-то мудрено курнычитъ, опять будто слова человѣческія выговариваетъ. По Катеринѣ Львовнѣ по всей даже мурашки стали бѣгать.

«Нѣтъ, — думаетъ она, — больше ничего, какъ непременно

завтра надо богоявленской воды взять на кровать, потому что премудренный какой-то этот котъ ко мнѣ повадился».

А котъ курины-мурны у нея надъ ухомъ, уткнулся мордою да и выговариваетъ: «какой же, говоритъ, я котъ! Съ какой стати! Ты это очень умно, Катерина Львовна, рассуждаешь, что совесть я не котъ, а я именитый купецъ Борисъ Тимоѳеичъ. Я только тѣмъ теперь плохъ сталъ, что у меня все мои ключики внутри потрескались отъ невѣстункинаго отъ угощенія. Съ того, мурлычить, я весь, вотъ, и поубавился, и котомъ теперь показываюся тому, кто мало обо мнѣ разумѣетъ, что я такое есть въ самомъ дѣлѣ. Ну, какъ же нонче ты у насъ живешь-можешь, Катерина Львовна? Какъ свой законъ вѣрно соблюдаешь? И н съ кладбища нарочно пришелъ поглядѣть, какъ вы съ Сергѣемъ Филиппичемъ мужнину постельку согрѣваете. Курны-мурны, я, вѣдь, ничего не вижу. Ты меня не бойся: у меня, видишь, отъ твоего угощенія и глазки повывѣзли. Глянь мнѣ въ глаза-то, дружокъ, не бойся!»

Катерина Львовна глянула и закричала благимъ матомъ. Между ней и Сергѣемъ опять лежитъ котъ, а голова у того кота Бориса Тимоѳеича во всю величину, какъ была у покойника, и вмѣсто глазъ по огненному кружку въ разные стороны такъ и вертится, такъ и вертится!

Проснулася Сергѣй, успокоилъ Катерину Львовну и опять заснулъ; но у нея весь сонъ прошелъ — и кетати.

Лежитъ она съ открытыми глазами и вдругъ слышитъ, что на дворъ будто кто-то черезъ ворота перелѣзъ. Вотъ и собаки метнулись — было, да и стихли. — должно-быть, ласкаться стали. Вотъ и еще прошла минута, и желѣзная клямка внизу щелкнула и дверь открылась. — Либо мнѣ все это слышится, либо это мой Зиновій Борисычъ вернулся, потому что дверь его запаснымъ ключомъ отперта», подумала Катерина Львовна и торопливо толкнула Сергѣя.

— Слушай, Сережа, — сказала она, и сама приподнялася на локоть и насторожила ухо.

По лѣстницѣ тихо, съ ноги на ногу осторожно переступаячи, дѣйствительно, кто то приближался къ запертой двери спальни.

Катерина Львовна быстро спрыгнула въ одной рубашкѣ съ постели и открыла окошко. Сергѣй въ ту же минуту босикомъ выпрыгнулъ на галерею и обхватилъ ногами

столъ, по которому не первый разъ спускался изъ хозяйкиной спальни.

— Итъ, не надо, не надо! Ты прилягь тутъ... не отходи далеко.—прошептала Катерина Львовна и выкинула Сергью за окно его обувь и одежду, а сама опять юркнула подъ одъяло и дожидается.

Сергй послушался Катерины Львовны: онъ не шмыгнулъ по столу внизъ, а пріотился подъ лубкомъ на галлереечкѣ.

Катерина Львовна тѣмъ временемъ слышитъ, какъ мужъ подошелъ къ двери, и, утапвая дыханіе, слушаетъ. Ей даже слышно, какъ учащенно стучаеъ его ревнивое сердце; но не жалость, а злой смѣхъ разбираеъ Катерину Львовну.

«Ищи вчерашняго дня», думаетъ она себѣ, улыбаясь и дыша непорочнымъ младенцемъ.

Это продолжалось минутъ десять; но, наконецъ, Зиновію Борисычу надобло стоять за дверью да слушать, какъ жена спитъ: онъ постучался.

— Кто тамъ?—не совѣмъ скоро и будто какъ соннымъ голосомъ окликнула Катерина Львовна.

— Свой,—отозвался Зиновій Борисычъ.

— Это ты, Зиновій Борисычъ?

— Ну, я! Будто ты не слышишь!

Катерина Львовна вскочила, какъ лежала, въ одной рубашкѣ, впустила мужа въ горницу и опять нырнула въ теплую постель.

— Что-й-то передъ зарей холодно становится, — произнесла она, укутываясь одъяломъ.

Зиновій Борисычъ вошелъ, озираясь, помолчился, зажегъ свѣчу и еще оглядѣлся.

— Какъ живешь-можешь?—спросилъ онъ супругу.

— Ничего,—отвѣчала Катерина Львовна и, привставая, начала надѣвать распашную ситцевую блузу.

— Самоваръ. небось, поставить?—спросила она.

— Ничего, вскричите Аксинью. пусть поставитъ.

Катерина Львовна нахватила на босу ногу башмачки и выбѣжала. Съ полчаса ея назадъ не было. Въ это время она сама раздула самоварчикъ и тихонько запорхнула къ Сергью на галлерейку.

— Сиди тутъ,—шепнула она.

— Докуда же сдѣтъ?—также шопотомъ спросилъ Сережа.

— О, да какой же ты безтолковый! Сиди, докуда я скажу.

И Катерина Львовна сама посадила его на старое мѣсто.

А Сергѣю отсюда съ галереи все слышно, что въ спальнѣ происходитъ. Онъ слышитъ опять, какъ стукнула дверь и Катерина Львовна снова взошла къ мужу. Все отъ слова до слова слышно.

— Что ты тамъ возилась долго?—спрашиваетъ жену Зиновій Борисычъ.

— Самоваръ ставила,—отвѣчаетъ она спокойно.

Вышла пауза. Сергѣю слышно, какъ Зиновій Борисычъ вѣшаетъ на вѣшалку свой сюртукъ. Вотъ онъ улывается, фыркаетъ и брызжетъ во все стороны водою; вотъ спросилъ полотенце; опять начинаются рѣчи.

— Ну, какъ же это вы титеньку схоронили?—освѣдомляется мужъ.

— Такъ, — говоритъ жена:—они померли, ихъ и схоронили.

— И что это за удивительность такая!

— Богъ его знаетъ,—отвѣчала Катерина Львовна и застучала чашками.

Зиновій Борисычъ грустный ходилъ по комнатѣ.

— Ну, а вы тутъ какъ свое время провождали?—разспрашиваетъ опять жену Зиновій Борисычъ.

— Наши радости-то, чай, всякому извѣстны: по баламъ не ѣздимъ и по театрамъ столько жъ.

— А словно радости-то у васъ и къ мужу немного,—искоса поглядывая, заводилъ Зиновій Борисычъ.

— Не молоденькіе тоже мы съ вами, чтобъ такъ безъ ума, безъ разума намъ встрѣчаться. Какъ еще радоваться? Я вотъ хлопочу, бѣгаю для вашего удовольствія.

Катерина Львовна опять выбѣжала самоваръ взять и опять заскочила къ Сергѣю, дернула его и говорить: «не зѣвай, Сережа!»

Сергѣй путемъ не звалъ, къ чему все это будетъ, но, однако, сталъ наготовѣ.

Вернулась Катерина Львовна, а Зиновій Борисычъ стоитъ колѣнями на постели и вѣшаетъ на стѣнку надъ изголовьемъ свои серебряные часы съ бисернымъ шнурочкомъ.

— Для чего это вы, Катерина Львовна, въ одинакомъ

положеніи постель на-двое разостлали? — какъ-то мудроно вдругъ спросилъ онъ жену.

— А васъ все дожидала, — спокойно глядя на него, отвѣтила Катерина Львовна.

— И на томъ благодаримъ васъ покорно... А вотъ этотъ предметъ теперь откуда у васъ на перинкѣ взялся?

Зиновій Борисычъ поднялъ съ простыни маленькій шерстяной поясокъ Сергѣя и держалъ его за кончикъ передъ женными глазами.

Катерина Львовна нимало не задумалась.

— Въ саду, говоритъ, — нашла да юбку себѣ подвязала.

— Да! — произнесъ съ особымъ удареніемъ Зиновій Борисычъ: — мы тоже про ваши про юбки кое-что слышали.

— Что жъ это вы слышали?

— Да все про дѣла ваши про хорошія.

— Никакихъ моихъ дѣлъ такихъ нѣту.

— Ну, это мы разберемъ. все разберемъ, — отвѣчала, подвигая женѣ выпитую чашку, Зиновій Борисычъ.

Катерина Львовна промолчала.

— Мы эти ваши дѣла, Катерина Львовна, всё вѣдь произведемъ, — проговорилъ еще послѣ долгой паузы Зиновій Борисычъ, поведя на свою жену бровями.

— Не больно-то ваша Катерина Львовна пужлива. Не такъ очень она этого пужается, — отвѣтила та.

— Что! что! — повыся голосъ, окрикнулъ Зиновій Борисычъ.

— Ничего — проѣхали, — отвѣчала жена.

— Ну, ты гляди у меня. того! Что-то ты больно рѣчиста здѣсь стала!

— А съ чего мнѣ и рѣчистой не быть? — отозвалась Катерина Львовна.

— Больше бы за собой смотрѣла.

— Нечего мнѣ за собой смотрѣть. Мало кто вамъ длиннымъ языкомъ чего наязычить. а я должна надъ собой всякія надругательства сносить! Вотъ еще новости тоже!

— Не длинные языки. а тутъ вѣрно про ваши амурь-то извѣстно.

— Про какіе-такіе мои амурь? — крикнула, неспритворно вспыхнувъ, Катерина Львовна.

— Знаю я, про какіе.

— А знаете. такъ что жъ: вы яснѣе сказывайте!

Зиновій Борисычъ промолчалъ и опять подвинулъ женѣ пустую чашку.

— Видно, и говорить-то не про што, — отозвалась съ презрѣніемъ Катерина Львовна, азартно бросивъ на блюдо мужу чайную ложечку. — Ну, сказывайте, ну, про кого вамъ доносили? кто такой есть мой передъ вами полюбовникъ?

— Узнаете, не спѣшите очень.

— Что, вамъ про Сергѣя, что ли, что-нибудь набрехано?

— Узнаемъ-съ, узнаемъ. Катерина Львовна. Нашей надъ вами власти никто не снималъ и снять никто не можетъ... Сами заговорите...

— И-ихъ! терпѣть я этого не могу, — скрипнувъ зубами, вскрикнула Катерина Львовна и, поблѣднѣвъ какъ полотно, неожиданно выскочила за двери.

— Ну, вотъ онъ, — произнесла она черезъ нѣсколько секундъ, вводя въ комнату за рукавъ Сергѣя. — Разспрашивайте и его, и меня, что вы такое знаете. Можетъ, что-нибудь еще и больше того узнаешь, что тебѣ хочется?

Зиновій Борисычъ даже растерялся. Онъ глядѣлъ то на стоявшаго у притолки Сергѣя, то на жену, спокойно присѣвшую, со скрещенными руками, на краю постели, и ничего не понималъ, къ чему это близится.

— Что ты это, змѣя, дѣлаешь? — насилу собрался онъ выговорить, не поднимаясь съ кресла.

— Разспрашивай, о чемъ такъ знаешь-то хорошо, — отвѣчала дерзко Катерина Львовна. — Ты меня бойломъ задумалъ пужать, — продолжала она, значительно моргнувъ глазами: — такъ не бывать же тому никогда; а что я, можетъ, и допрежь твоихъ этихъ обѣщаніевъ знала, что надъ тобой сдѣлать, такъ я то сдѣлаю.

— Что это? вонъ! — крикнулъ Зиновій Борисычъ на Сергѣя.

— Какъ же! — передразнила Катерина Львовна.

Она проворно замкнула дверь, сунула ключъ въ карманъ и опять привалилась на постели въ своей распашонкѣ.

— Ну-ка, Сережечка, поди-ка, поди, голубчикъ, — пошла она къ себѣ приказчика.

Сергѣй тряхнулъ кудрями и смѣло присѣлъ около хозяйки.

— Господи! Боже мой! Да что жъ это такое? Что жъ вы это, варвары?! — вскрикнулъ, весь побагровѣвъ и поднимаясь съ кресла, Зиновій Борисычъ.

— Что? Иль не любо? Глянь-ко, глянь, мой яшень со-
коль, каково прекрасно!

Катерина Львовна засмѣялась и страстно поцѣловала
Сергѣя при мужѣ.

Въ это же мгновеніе на щекѣ ея запылала оглушитель-
ная пощечина, и Зиновій Борисычъ кинулся къ открытому
окошкѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

— А-а, такъ-то!.. ну, пріятель дорогой, благодарствуй.
Я этого только и дожидалась!—вскрикнула Катерина Львов-
на.—Ну, теперь, видно, ужъ... будь не по-моему и не по-
твоему...

Однимъ движеніемъ она отбросила отъ себя Сергѣя, бы-
стро кинулась на мужа и, прежде чѣмъ Зиновій Борисычъ
успѣлъ доскочить до окна, схватила его сзади своими тон-
кими пальцами за горло и, какъ сырой конопляный снопъ,
бросила его на полъ.

Тяжело громыхнувшись и стукнувшись со всего размаха
затылкомъ объ полъ, Зиновій Борисычъ совсѣмъ обезумѣлъ.
Онъ никакъ не ожидалъ такой скорой развязки. Первое на-
силіе, употребленное противъ него женою, показало ему,
что она рѣшилась на все, лишь бы только отъ него изба-
виться, и что теперешнее его положеніе до крайности опасно.
Зиновій Борисычъ сообразилъ все это мигомъ въ моментъ
своего паденія и не вскрикнулъ, зная, что голосъ его не
достигнетъ ни до чьего уха, а только еще ускорить дѣло.
Онъ молча повелъ глазами и остановилъ ихъ, съ выраже-
ніемъ злобы, упрека и страданія, на женѣ, тонкіе пальцы
которой крѣпко сжимали его горло.

Зиновій Борисычъ не защищался, руки его, съ крѣпко
стиснутыми кулаками, лежали вытянутыми и судорожно по-
дергивались. Одна изъ нихъ была вовсе свободна, другую—
Катерина Львовна придавила къ полу колѣномъ.

— Подержи его,—шепнула она равнодушно Сергѣю, сама
поворачиваясь къ мужу.

Сергѣй сѣлъ на хозяйна, придавилъ обѣ его руки колѣ-
нями и хотѣлъ перехватить подъ руками Катерины Львовны
за горло, но въ это же мгновеніе самъ отчаянно вскрик-
нулъ. При видѣ своего обидчика, кровавая месть прино-
дила въ Зиновіи Борисычѣ всѣ послѣднія его силы: онъ

страшно рванулся, выдернул изъ-подъ Сергѣевыхъ колѣнъ свои придавленные руки и, вцѣпившись ими въ черныя кудри Сергѣя, какъ звѣрь, закусилъ зубами его горло. Но это было не надолго: Зиновій Борисычъ тотчасъ же тяжело застоналъ и уронилъ голову.

Катерина Львовна, блѣдная, почти не дыша вовсе, стояла надъ мужемъ и любовникомъ; въ ея правой рукѣ былъ тяжелый литой подсвѣчникъ, который она держала за верхній конецъ, тяжелою частью книзу. По виску и щекѣ Зиновія Борисыча тоненькимъ шнурочкомъ бѣжала алая кровь.

— Попа...— туно простоналъ Зиновій Борисычъ, съ омерзѣніемъ откидываясь головою какъ можно далѣе отъ сидящаго на немъ Сергѣя.— Исповѣдаться,— произнесъ онъ еще невнятиѣе, задрожавъ и косясь на стущающуюся подъ волосами теплую кровь.

— Хорошъ и такъ будешь,—прошептала Катерина Львовна.

— Ну, полно съ нимъ конаться,—сказала она Сергѣю:— перехвати ему хорошенько горло.

Зиновій Борисычъ захрипѣлъ.

Катерина Львовна нагнулась, сдавила своими руками Сергѣевы руки, лежавшія на мужниномъ горлѣ, и ухомъ прилегла къ его груди. Черезъ пять тихихъ минутъ она приподнялась и сказала: «довольно, будетъ съ него».

Сергѣй тоже всталъ и отдулся. Зиновій Борисычъ лежалъ мертвый, съ передавленнымъ горломъ и разсѣченнымъ вискомъ. Подъ головою съ лѣвой стороны стояло небольшое пятнышко крови, которая, однако, болѣе уже не лилась изъ запекшейся и завалавшейся волосами ранки.

Сергѣй снесъ Зиновія Борисыча въ погребокъ, устроенный въ подпольѣ той же каменной кладовой, куда еще такъ недавно зашпираль самого его, Сергѣя, покойный Борисъ Тимоенчъ, и вернулся на вышку. Въ это время Катерина Львовна, засучивъ рукава распашонки и высоко подоткнувъ подолъ, тщательно замывала мочалкою съ мыломъ кровавое пятно, оставленное Зиновіемъ Борисычемъ на полу своей опочивальни. Вода еще не остыла въ самоварѣ, изъ котораго Зиновій Борисычъ распаривалъ отравленнымъ чаемъ свою хозяйскую душеньку, и пятно вымылось безъ всякаго слѣда.

Катерина Львовна взяла мѣдную полоскательную чашку и замыленную мочалку.

— Ну-ка, свѣти,—сказала она Сергѣю, идучи къ двери.—
Ниже, ниже свѣти,—говорила она, внимательно осматривая
всѣ половицы, по которымъ Сергѣй долженъ былъ тащить
Зиновія Борисыча до самой ямы.

Только на двухъ мѣстахъ на крашеномъ полу были два
крошечныя пятнышка величиною въ вишню. Катерина
Львовна потеряла ихъ мочалкою, и они исчезли.

— Вотъ тебѣ, не лазь къ женѣ воромъ, не подкараули-
вай,—произнесла Катерина Львовна, распрямляясь и огля-
нувшись въ сторону кладовой.

— Теперь шабашъ,—сказалъ Сергѣй и вздрогнулъ отъ
звука собственнаго голоса.

Когда они вернулись въ спальню, тонкая румяная по-
лоска зари прорѣзывалась на востокѣ и, золотя легонько
одѣтыя цвѣтомъ яблони, заглядывала сквозь зеленыя палки
садовой рѣшетки въ комнату Катерины Львовны.

По двору, въ накинутахъ на плечи полушубкѣ, крестясь
и позѣывая, плелся изъ сарая въ кухню старый приказчикъ.

Катерина Львовна осторожно дернула ходившую на ве-
ревочкѣ ставню и внимательно оглянула Сергѣя, какъ бы
желая прозрѣть его душу.

— Ну, вотъ ты теперь и купецъ,—сказала она, поло-
живъ Сергѣю на плечи свои бѣлыя руки.

Сергѣй ничего ей не отвѣтилъ.

Губы Сергѣя дрожали и самого его била лихорадка. У
Катерины Львовны только уста были холодны.

Черезъ два дня у Сергѣя на рукахъ явились большіи
мозоли отъ лома и тяжелаго заступа: зато ужъ Зиновій
Борисычъ въ своемъ погребкѣ былъ такъ хорошо прибранъ,
что безъ помощи его вдовы или ея любовника не отыскать
бы его никому до общаго воскресенія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сергѣй ходилъ, замотавъ горло пунсовымъ платкомъ и
жаловался, что у него что-то завалило горло. Между тѣмъ,
прежде чѣмъ у Сергѣя на горлѣ зажили мѣтины, положен-
ныя зубами Зиновія Борисыча, мужа Катерины Львовны
хватились. Самъ Сергѣй еще чаще прочихъ началъ про
него поговаривать. Присядетъ вечеркомъ съ молодцами на
лавку около калитки и заведетъ: «что-й-то, однако, исправли-
ребята, нашего хозяина по-сю пору нѣтутъ?»

Молодцы тоже дивуются.

А тутъ съ мельницы пришло извѣстiе, что хозяинъ нанялъ коней и давно отъѣхалъ ко двору. Ямщикъ, который его возилъ, сказывалъ, что Зиновiй Борисычъ былъ будто въ разстройствѣ и отпустилъ его какъ-то чудно: не доѣзжая до города версты съ три, всталъ подъ монастыремъ съ телѣги, взялъ кису и пошелъ. Услыхавъ такой разсказъ, и еще пуце всѣ вздивовалась.

Пропалъ Зиновiй Борисычъ, да и только.

Пошли розыски, но ничего не открывалось: купецъ какъ въ воду канулъ. По показанiю арестованнаго ямщика узнали только, что надъ рѣкою подъ монастыремъ купецъ всталъ и пошелъ. Дѣло не выяснилось, а тѣмъ временемъ Катерина Львовна поживала себѣ съ Сергѣемъ, по вдовьему положенiю, на свободѣ. Сочиняли наугадъ, что Зиновiй Борисычъ то тамъ, то тамъ, а Зиновiй Борисычъ все не возвращался, и Катерина Львовна лучше всѣхъ знала, что возвратиться ему никакъ невозможно.

Прошелъ такъ и мѣсяць, и другой, и третiй, и Катерина Львовна почувствовала себя въ тягости.

— Нашъ капиталъ будетъ, Сережечка: есть у меня наслѣдникъ,—сказала она Сергѣю и пошла жаловаться Думѣ, что, такъ и такъ, она чувствуетъ себя, что—беременна, а въ дѣлахъ застой начался: пусть ее ко всему допустятъ.

Не пропадать же коммерческому дѣлу. Катерина Львовна жена своему мужу законная; долговъ въ виду нѣтъ, ну и слѣдуетъ, стало-бытъ, допустить ее. И допустили.

Живетъ Катерина Львовна, царствуетъ, и Серегу по непужь Сергѣемъ Филиппычемъ стали звать; а тутъ—хлопъ, ни оттуда, ни отсюда, новая напастъ. Ишшутъ изъ Ливенъ къ городскому головѣ, что Борисъ Тимоѣевичъ торговалъ не на весь свой капиталъ, что болѣе чѣмъ его собственныхъ денегъ у него въ оборотѣ было денегъ его малолѣтняго племянника, Федора Захарова Лямна, и что дѣло это надо разобрать и не давать въ руки одной Катеринѣ Львовнѣ. Пришло это извѣстiе, поговорилъ о немъ голова Катеринѣ Львовнѣ, а этакъ черезъ недѣлю баць,—изъ Ливенъ прiѣзжаетъ старушка съ небольшимъ мальчикомъ.

— Я, говорить,—нокойному Борису Тимоѣенчу сестра двоюродная, а это—мой племянникъ Федоръ Лямнъ.

Катерина Львовна ихъ приняла.

Сергѣй, наблюдая со двора этотъ прїѣздъ и прїемъ, сдѣланный Катериною Львовною прїѣзжимъ, поблѣднѣлъ какъ платъ.

— Чего ты?—спросила его хозяйка, замѣтивъ его мертвую блѣдность, когда онъ вошелъ вслѣдъ за прїѣзжими и, разглядывая ихъ, остановился въ передней.

— Ничего,—ствѣчалъ, поворачиваясь изъ передней въ сѣни, приказчикъ.—Думаю, сколь эти Ливны дивны,—договорилъ онъ со вздохомъ, затворяя за собою сѣничную дверь.

— Ну, а какъ же теперь быть?—спрашивалъ Катерину Львовну Сергѣй Филиппычъ, сидя съ нею ночью за самоваромъ.—Теперь, Катерина Ильвовна, выходитъ все наше съ вами дѣло прахъ.

— Отчего такъ прахъ, Сережа?

— Потому, что это все теперь въ раздѣлъ пойдетъ. Надъ чѣмъ же тутъ надъ пустымъ дѣломъ будетъ хозяйничать?

— Нѣшь съ тебя, Сережа, мало будетъ?

— Да не о томъ, что съ меня; а я въ тѣмъ только сумливаюсь, что счастья ужъ того намъ не будетъ?

— Какъ такъ? За что намъ, Сережа, счастья не будетъ?

— Потому, какъ по любви моей къ вамъ, я желалъ бы, Катерина Ильвовна, видѣть васъ настоящей дамой, а не то, что какъ вы допрежь сего жили,—отвѣчалъ Сергѣй Филиппычъ.—А теперь наоборотъ того выходитъ, что при уменьшеніи капитала мы и даже противъ прежняго должны гораздо ниже еще произойти.

— Да нѣшь мнѣ это, Сережечка, нужно?

— Оно, точно. Катерина Ильвовна, что вамъ, можетъ-быть, это и совсѣмъ не въ интересъ, ну, только для меня, какъ я васъ уважаю, и опять же супротивъ людскихъ глазъ, подлыхъ и завистливыхъ, ужасно это будетъ больно. Вамъ тамъ какъ будетъ угодно, разумѣется, а я такъ своимъ соображеніемъ располагаю, что никогда я черезъ эти обстоятельства счастливъ быть не могу.

И пошелъ, и пошелъ Сергѣй играть Катеринѣ Львовнѣ на эту ноту, что сталъ онъ черезъ Ѳедю Лямина самымъ несчастнымъ человѣкомъ, лишень будучи возможности возвеличить и отличить ее. Катерину Львовну, предо всѣмъ своимъ купечествомъ. Сводилъ это Сергѣй всякій разъ на то, что не будь этого Ѳеди, то родить она, Катерина Львовна, ребенка до девяти мѣсяцевъ послѣ пропажи мужа,

достанется ей весь капитал и тогда счастьем ихъ концамъры не будетъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

А потомъ вдругъ Сергѣй и пересталъ совѣмъ говорить о наслѣдникѣ. Какъ только прекратились о немъ рѣчи въ устахъ Сергѣевыхъ, такъ засѣлъ Ѳедя Ляминъ и въ умѣ, и въ сердце Катерины Львовны. Даже задумчивая и къ самому Сергѣю неласковая она стала. Спитъ ли, по хозяйству ли выйдетъ, или Богу молиться станеть, а на умѣ все у нея одно: «Какъ же это? за что, въ самомъ дѣлѣ, должна я черезъ него лишиться капитала? Столько я страдала, столько грѣха на свою душу приняла.—думаетъ Катерина Львовна,—а онъ безъ всякихъ хлопотъ пріѣхалъ и отнимаетъ у меня.. И добро бы человекъ, а то дитя, мальчикъ...»

На дворѣ стали ранніе заморозки. О Зиновіи Борисычѣ, разумеется, никакихъ слуховъ ни откуда не приходило. Катерина Львовна полипла и все ходила задумчивая; по городу на ея счетъ въ барабаны барабанили, добпраясь, какъ и отчего молодая Измайлова все неродница была, все худѣла, да чаврѣла, и вдругъ спереди пухнуть пошла. А отроचे-ствующій сопнаслѣдникъ Ѳедя Ляминъ въ легкомъ бѣличьемъ тулупѣ погуливалъ по двору да ледокъ по калдобинкамъ поламывалъ.

— Ну, Оеодоръ Игнатычъ! ну, купецкій сынъ!—кричитъ, бывало, на него, пробѣгая по двору, кухарка Аксинья.— Пристало это тебѣ, купецкому-то сыну, да въ лужахъ ко-паться?

А сопнаслѣдникъ, смущавшій Катерину Львовну съ ея предметомъ, побрыкивалъ себѣ безмятежнымъ козшкомъ и еще безмятежнѣе спалъ супротивъ пѣстовавшей его бабушки, не думая и не помышляя, что онъ кому-нибудь перешелъ дорогу или поубавилъ счастья.

Наконецъ, набѣгалъ себѣ Ѳедя вѣтреную оспу, а къ ней привязалась еще простудная боль въ груди, и мальчикъ слегъ. Лѣчили его сначала травками, да муравками, а потомъ и за лѣкаремъ послали.

Сталъ ѣздить лѣкарь, сталъ прописывать лѣкарства, стали ихъ давать мальчику по часамъ, то сама бабушка, а то Катерину Львовну попросить.

— Потрудись, скажешь, — Катеринушка: ты, мать, сама человекъ грузный. сама суда Божьяго ждешь; потрудись.

Катерина Львовна не отказывала старухѣ. Пойдетъ ли та ко всенощной молиться за «лежащаго на одрѣ болѣзни отрока Θεодора». или къ ранней обѣднѣ часточку за него вынуть. Катерина Львовна сидитъ у больного, и напоитъ его, и лѣкарство ему дастъ во-время.

Такъ пошла старушка къ вечернѣ и ко всенощной подъ праздникъ Введенія, а Катеринушку попросила присмотрѣть за Оедюшкой. Мальчикъ въ эту пору ужъ обмогался.

Катерина Львовна вошла къ Оедѣ, а онъ сидитъ на постели въ своемъ бѣличьемъ тулупчикѣ и читаетъ патерикъ.

— Что ты это читаешь, Оедя?—спросила его, усѣвшись въ креслѣ, Катерина Львовна.

— Житіе, тетенька, читаю.

— Занятно?

— Очень, тетенька, занятно.

Катерина Львовна подперлась рукою и стала смотрѣть на шевелящаго губами Оедю, и вдругъ словно демоны съ цѣпи сорвались и разомъ осѣли ея прежнія мысли о томъ, сколько зла причиняетъ ей этотъ мальчикъ и какъ бы хорошо было, если бы его не было.

«А вѣдь что,—думалось Катеринѣ Львовнѣ,—вѣдь больной онъ; лѣкарство ему даютъ... мало ли что въ болѣзни... Только всего и скажу, что лѣкаръ не такое лѣкарство по-трафилъ».

— Пора тебѣ, Оедя, лѣкарства?

— Пожалуйте, тетенька,—отвѣчалъ мальчикъ и, хлебнувъ ложку, добавилъ:—очень занятно, тетенька, это о святыхъ описывается.

— Ну, читай,—проронила Катерина Львовна, и обведя холоднымъ взглядомъ комнату, остановила его на разрисованныхъ морозомъ окнахъ.

— Надо окна велѣть закрыть,—сказала она и вышла въ гостиную, а оттуда въ залу, а оттуда къ себѣ наверхъ и присѣла.

Минуть черезъ пять къ ней туда же наверхъ, молча, вошелъ Сергѣй въ романовскомъ полушубкѣ, отороченномъ пушистымъ котикомъ.

— Закрыли окна?—спросила его Катерина Львовна.

— Закрыли,—отрывисто отвѣчала Сергѣй. снялъ щипцами со свѣчи пагарь и сталъ у печки

Водворилось молчаніе.

— Нонче всенощная не скоро кончится?—спросила Катерина Львовна.

— Праздникъ большой завтра: долго будутъ служить,—отвѣчалъ Сергѣй.

Опять вышла пауза.

— Сходить къ Ѳедѣ: онъ тамъ одинъ.—произнесла, подымаясь Катерина Львовна.

— Одинъ?—спросилъ ее, глянувъ исподлобья, Сергѣй.

— Одинъ,—отвѣчала она ему шопотомъ:—а что?

И изъ глазъ въ глаза у нихъ замелькала словно какая събѣ молніеносная; но никто не сказалъ болѣе другъ другу ни слова.

Катерина Львовна сошла внизъ, прошла по пустымъ комнатамъ: вездѣ все тихо; лампы спокойно горятъ; по стѣнамъ разбѣгается ея собственная тѣнь; закрытыя ставнями окна начали оттаивать и заплакали. Ѳедя сидитъ и читаетъ. Увидя Катерину Львовну, онъ только сказалъ:

— Тетенька, положьте, пожалуйста, эту книжку, а мнѣ вонъ ту, съ образника, пожалуйста.

Катерина Львовна исполнила просьбу племянника и подала ему книгу.

— Ты не заснулъ ли бы, Ѳедя?

— Нѣтъ, тетенька, я буду бабушку дожидаться.

— Чего тебѣ ее ждать?

— Она мнѣ благословеннаго хлѣбца отъ всенощной обѣщалась.

Катерина Львовна вдругъ поблѣднѣла, собственный ребенокъ у нея впервые повернулся подъ сердцемъ и въ груди у нея протянуло холодомъ. Постояла она среди комнаты и вышла, потирая стынуція руки.

— Ну!—шешнула она, тихо взойдя въ свою спальню и снова заставая Сергѣя въ прежнемъ положеніи у печки.

— Что?—спросилъ едва слышно Сергѣй и поперхнулся.

— Онъ одинъ.

Сергѣй надвинулъ брови и сталъ тяжело дышать.

— Пойдемъ,—порывисто обернувшись къ двери, сказала Катерина Львовна.

Сергѣй быстро снялъ сапоги и спросилъ:

— Что жъ взять?

— Ничего, — однимъ придыханіемъ отвѣтила Катерина Львовна и тихо повела его за собою за руку.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Больной мальчикъ вздрогнулъ и опустилъ на колѣни книжку, когда къ нему въ третій разъ вошла Катерина Львовна.

— Что ты, Оедя?

— Охъ, я, тетенька, чего-то испугался, — отвѣчалъ онъ, тревожно улыбаясь и прижимаясь въ уголь постели.

— Чего жъ ты испугался?

— Да кто это съ вами шель, тетенька?

— Гдѣ? Никто со мной, миленькій, не шель.

— Никто?

Мальчикъ потянулся къ ногамъ кровати и, прищуривъ глаза, посмотрѣлъ по направленію къ дверямъ, черезъ которыя вошла тетка, и успокоился.

— Это мнѣ, вѣрно, такъ показалось, — сказалъ онъ.

Катерина Львовна остановилась, облокотясь на изголовную стѣнку племянниковой кровати.

Оедя посмотрѣлъ на тетку и замѣтилъ ей, что она отчего-то совсѣмъ блѣдная.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Катерина Львовна произвольно кашлянула и съ ожиданіемъ посмотрѣла на дверь гостиной. Тамъ только тихо треснула одна половица.

— Житіе моего ангела, святого Θεодора Стратилата, тетенька, читаю. Вотъ угождалъ Богу-то.

Катерина Львовна стояла молча.

— Хотите, тетенька, сядьте, а я вамъ опять прочитаю? — ласкался къ ней племянникъ.

— Постой, я сейчасъ, только вотъ лампаду въ залѣ поправлю, — отвѣтила Катерина Львовна и вышла торопливою походкой.

Въ гостиной послышался самый тихій шопотъ; но онъ дошелъ среди общаго безмолвія до чуткаго уха ребенка.

— Тетенька! да что жъ это? Съ кѣмъ же это вы тамъ шепчетесь? — вскрикнулъ, со слезами въ голосѣ, мальчикъ. — Идите сюда, тетенька: я боюсь, — еще слезливѣе позвалъ онъ черезъ секунду, и ему послышалось, что Катерина Львовна сказала въ гостиной «ну!», которое мальчикъ отнесъ къ себѣ.

— Чего боишься?—нѣсколько охрипшимъ голосомъ спросила его Катерина Львовна, входя смѣлымъ рѣшительнымъ шагомъ и становясь у его кровати такъ, что дверь изъ гостиной была закрыта отъ больного ея тѣломъ.—Лягъ,—сказала она ему вслѣдъ за этимъ.

— Я, тетенька, не хочу.

— Нѣтъ, ты, Одея, послушайся меня, лягъ... пора... лягъ,—повторила Катерина Львовна.

— Что это вы, тетенька! да я не хочу совсѣмъ.

— Нѣтъ, ты ложись, ложись,—проговорила Катерина Львовна опять измѣнившимся, нетвердымъ голосомъ и, схвативъ мальчика подъ мышку, положила его на изголовье.

Въ это мгновеніе Одея неистово вскрикнулъ: онъ увидалъ входящаго блѣднаго, босого Сергѣя.

Катерина Львовна захватила своею ладонью раскрытый въ ужасѣ ротъ испуганнаго ребенка и крикнула:

— А ну, скорѣе; держи ровно, чтобъ не бился!

Сергѣй взялъ Одея за руки и за ноги, а Катерина Львовна однимъ движеніемъ закрыла дѣтское личико страдальца большою пуховою подушкою и сама навалилась на нее своей крѣпкой, упругой грудью.

Минуты четыре въ комнатѣ было могильное молчаніе.

— Кончился,—прошептала Катерина Львовна, и только что привстала, чтобы привести все въ порядокъ, какъ стѣны тихаго дома, сокрывшаго столько преступленій, затряслись отъ оглушительныхъ ударовъ: окна дребезжали, полы качались, цѣпочки висячихъ лампадъ вздрагивали и блуждали по стѣнамъ фантастическими тѣнями.

Сергѣй задрожалъ и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать; Катерина Львовна кинулась за нимъ, а шумъ и гамъ за ними. Казалось, какія-то неземныя силы колыхали грѣшный домъ до основанія.

Катерина Львовна боялась, чтобы, гонимый страхомъ, Сергѣй не выбѣжалъ на дворъ и не выдалъ себя своимъ перепугомъ; но онъ кинулся прямо на вышку.

Взбѣжавши на лѣстницу, Сергѣй въ темнотѣ треснулся лбомъ о полупривторенную дверь и со стономъ полетѣлъ внизъ, совершенно обезумѣвъ отъ суетвѣрнаго страха.

— Зиновій Борисычъ, Зиновій Борисычъ! — бормоталъ онъ, летя внизъ головою по лѣстницѣ и увлекая за собою сбиту ю имъ съ ногъ Катерину Львовну.

— Гдѣ?—спросила она.

— Вотъ надъ нами съ желѣзнымъ листомъ пролетѣлъ. Вотъ, вотъ опять! ай. ай!—закричалъ Сергѣй: — гремитъ, опять гремитъ.

Теперь было очень ясно, что множество рукъ стучать во все окна съ улицы, а кто-то ломится въ двери.

— Дуракъ! вставай, дуракъ!—крикнула Катерина Львовна, и съ этими словами она сама порхнула къ Федѣ, уложила его мертвую голову въ самой естественной, спящей позѣ на подушкахъ и твердой рукой отперла дверь, въ которую ломилась куча народа.

Зрѣлище было страшное. Катерина Львовна глянула по-выше толпы, осаждающей крыльцо, а черезъ высокій заборъ цѣлыми рядами перелѣзаютъ на дворъ незнакомые люди и на улицѣ стонъ стонъ отъ людского говора.

Не успѣла Катерина Львовна ничего сообразить, какъ народъ, окружающій крыльцо, смялъ ее и бросилъ въ погон.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

А вся эта тревога произошла вотъ какимъ образомъ: народу на всеобщей подѣ двенадесятый праздникъ во всѣхъ церквахъ хоть и уѣздного, но довольно большого и промышленнаго города, гдѣ жила Катерина Львовна, бываетъ видимо-невидимо, а ужъ въ той церкви, гдѣ завтра престоль, даже и въ оградѣ яблоку упасть негдѣ. Тутъ обыкновенно поютъ пѣвчіе, собранные изъ купеческихъ молодыхъ и управляемые особымъ регентомъ тоже изъ любителей вокальнаго искусства.

Нашъ народъ набожный, къ церкви Божіей рачительный и по всему этому народъ въ свою мѣру художественный: благолѣпіе церковное и стройное «органистое» иѣніе составляютъ для него одно изъ самыхъ высокихъ и самыхъ чистыхъ его наслажденій. Гдѣ поютъ пѣвчіе, тамъ у насъ собирается чуть не половина города, особенно торговая молодежь: приказчики, мальчики, молодцы, мастеровые съ фабрикъ, съ заводовъ и сами хозяева съ своими половинами,—все собьются въ одну церковь; каждому хочется хоть на паперти постоять, хоть подъ окномъ на неклomъ жару или на трескучемъ морозѣ послушать, какъ органитъ октава, а заносистый теноръ отлиываетъ самыя капризные варшляки *).

*) Въ орловской губерніи пѣвчіе такъ называютъ форшляги.

Въ приходской церкви измайловскаго дома былъ престоль въ честь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, и потому вечеромъ подъ день этого праздника, въ самое время описаннаго происшествія съ Оседей, молодежь цѣлаго города была въ этой церкви и, расходясь шумною толпою, толковала о достоинствахъ извѣстнаго тенора и случайныхъ недюжкостяхъ столь же извѣстнаго баса.

Но не всѣхъ занимали эти вокальные вопросы: были въ толпѣ люди, интересовавшіеся и другими вопросами.

— А вотъ, ребята, чудно тоже про молодую Измайлиху сказываютъ, — заговорилъ, подходя къ дому Измайловыхъ, молодой машинистъ, привезенный однимъ купцомъ изъ Петербурга на свою паровую мельницу:—сказываютъ,—говорилъ онъ:—будто у нея съ ихнимъ приказчикомъ Сережкой по всякую минуту амурь идутъ...

— Это ужъ веѣмъ извѣстно, — отвѣчалъ тулупъ, крытый синей панкой.—Ее нонче и въ церкви, знать, не было.

— Что церкви? Столь скверная бабенка испоскудилась, что ужъ ни Бога, ни совѣсти, ни глазъ людскихъ не боится.

— А ишь, у нихъ вотъ свѣтится, — замѣтилъ машинистъ, указывая на свѣтлую полосу между ставнями.

— Глянь-ка въ щелочку, что тамъ дѣлають? — цикнули нѣсколько голосовъ.

Машинистъ оперся на двое товарищескихъ плечъ и только что приложилъ глазъ къ ставенному створу, какъ благимъ матомъ крикнулъ:

— Братцы мои, голубчики! душать кого-то здѣсь, душать!

И машинистъ отчаянно заколотилъ руками въ ставню. Человѣкъ десять послѣдовали его примѣру и, вскочивъ къ окнамъ, тоже заработали кулаками.

Толпа увеличивалась каждое мгновеніе, и произошла извѣстная намъ осада измайловскаго дома.

— Видѣлъ самъ, собственными моими глазами видѣлъ, — свидѣтельствовалъ надъ мертвымъ Оседей машинистъ:—младенецъ лежалъ поверженъ на ложѣ, а они вдвоемъ душили его.

Сергѣя взяли въ часть въ тотъ же вечеръ, а Катерину Львовну отвели въ ея верхнюю комнату и приставили къ ней двухъ часовыхъ.

Въ домѣ Измаиловыхъ былъ нестерпимый холодъ: печи не топились, дверь на пяди не стояла: одна густая толпа любопытнаго народа смѣняла другую. Всѣ ходили смотрѣть на лежанаго въ гробу Ѳедю и на другой большой гробъ, плотно закрытый по крышѣ широкою пеленою. На лбу у Ѳеди лежалъ бѣлый атласный вѣничекъ, которымъ былъ закрытъ красный рубецъ, оставшійся послѣ вскрытія черепа. Судебно-медицинскимъ вскрытіемъ было обнаружено, что Ѳедя умеръ отъ удушенія, и приведенный къ его трупу Сергѣй, при первыхъ же словахъ священника о страшномъ судѣ и наказаніи нераскаяннымъ, расплакался и чистосердечно сознался не токмо въ убійствѣ Ѳеди, но и попросилъ откопать зарытаго имъ безъ погребенія Зиновія Борнсыча. Трупъ мужа Катерины Львовны, зарытый въ сухомъ пескѣ, еще не совершенно разложился: его вынули и уложили въ большой гробъ. Своею участницею въ обоихъ этихъ преступленіяхъ Сергѣй называлъ къ всеобщему ужасу, молодую хозяйку. Катерина Львовна на всѣ вопросы отвѣчала только: «я ничего этого не знаю и не вѣдаю». Сергѣя заставили уличать ее на очной ставкѣ. Выслушавъ его признанія, Катерина Львовна посмотрѣла на него съ нѣмымъ изумленіемъ, но безъ гнѣва, и потомъ равнодушно сказала:

— Если ему охота была это сказывать, такъ мнѣ записаться нечего: я убила.

— Для чего же?—спрашивали ее.

— Для него, — отвѣчала она, показавъ на повѣсившаго голову Сергѣя.

Преступниковъ разсадили въ острогъ, и ужасное дѣло, обратившее на себя всеобщее вниманіе и негодованіе, было рѣшено очень скоро. Въ концѣ февраля Сергѣю и купеческой третьей гильдіи вдовѣ Катеринѣ Львовнѣ объявили въ уголовной палатѣ, что ихъ рѣшено наказать плетью на торговой площади своего города и сослать потомъ обоихъ въ каторжную работу. Въ началѣ марта, въ холодное морозное утро, палачъ отсчиталъ положенное число синьбагровыхъ рубцовъ на обнаженной бѣлой спинѣ Катерины Львовны, а потомъ отбилъ порцію и на плечахъ Сергѣя и заштемпелевалъ его красивое лицо тремя каторжными знаками.

Во все это время Сергѣй почему-то возбуждалъ гораздо

болѣе общаго сочувствія, тѣмъ Катерина Львовна. Измазанный и окровавленный, онъ падать, сходя съ чернаго эшафота, а Катерина Львовна сошла тихо, стараясь только, чтобы толстая рубаха и грубая арестантская свита не прилегли къ ея изорванной спинѣ.

Даже въ осторожной больницѣ, когда ей тамъ подали ея ребенка, она только сказала: «ну, его совсѣмъ!»—и, отвернувшись къ стѣнѣ, безъ всякаго стопа, безъ всякой жалобы, повалилась грудью на жесткую койку.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Партія, въ которую попали Сергій и Катерина Львовна, выступала, когда весна значилась только по календарю, а солнышко еще, по народной пословицѣ, «ярко свѣтило, да не тепло грѣло».

Ребенка Катерины Львовны отдали на воспитаніе старушкѣ, сестрѣ Бориса Тимоенча, такъ какъ, считаясь законнымъ сыномъ убитаго мужа преступницы, младенецъ оставался единственнымъ наслѣдникомъ всего теперь измайловскаго состоянія. Катерина Львовна была этимъ очень довольна и отдала дитя весьма равнодушно. Любовь ея къ отцу, какъ любовь многихъ слишкомъ страстныхъ женщинъ, не переходила никакою своею частію на ребенка.

Впрочемъ, для нея не существовало ни свѣта, ни тьмы, ни худа, ни добра, ни скуки, ни радостей; она ничего не понимала, никого не любила и себя не любила. Она ждала съ нетерпѣніемъ только выступленія партіи въ дорогу, гдѣ опять надѣялась видѣться съ своимъ Сережечкой, а о дитяти забыла и думать.

Надежды Катерины Львовны ее не обманули: тяжело окованный цѣпями, клейменный Сергій вышелъ въ одной съ нею кучкѣ за острожные ворота.

Ко всякому отвратительному положенію человѣкъ, по возможности, привыкаетъ и въ каждомъ положеніи онъ сохраняетъ, по возможности, способность преслѣдовать свои скудные радости; но Катеринѣ Львовнѣ не къ чему было и приспособливаться: она видитъ опять Сергѣя, а съ нимъ ей и каторжный путь цвѣтетъ счастіемъ.

Мало вынесла съ собою Катерина Львовна въ пестрядинномъ мѣшкѣ цѣнныхъ вещей, и еще того меньше наличныхъ денегъ. Но и это все, еще далеко не доходя до Ниж-

няго, раздала она эташнымъ ундерамъ за возможность идти съ Сергѣемъ рядышкомъ дорогой и постоять съ нимъ, обнявшись, часокъ темной ночью въ холодномъ закоулочкѣ узенькаго эташнаго коридора.

Только штемцелеванный дружокъ Катерины Львовны сталъ что-то до нея очень неласковъ: что ей ни скажетъ, какъ оторветъ; тайными свиданьями съ ней, за которыя та, не ѣвши и не пивши, отдаетъ самой ей нужный четвертачокъ изъ тощаго кошелька, дорожить не очень и даже не разъ говаривалъ:

— Ты, замѣсть того, чтобъ углы-то въ коридоръ выхлупить со мной обтирать, мнѣ бы эти деньги предоставила, что, ундеру отдала.

— Четвертачокъ всего, Сереженька, я дала. — оправдывалась Катерина Львовна.

— А четвертачокъ нѣшь не деньги? Много ты ихъ на дорогѣ-то поднимала, этихъ четвертачковъ, а разговала ужъ, чай, не мало.

— Зато же, Сережа, видалсь.

— Ну, легко ли, радость какая, послѣ этакой муки видаться-то! Жисть-то свою проклялъ бы, а не то что свиданіе.

— А мнѣ, Сережа, все равно: мнѣ лишь бы тебя видѣть.

— Глуposti все это. — отвѣчалъ Сергѣй.

Катерина Львовна иной разъ до крови губы кусала при такихъ отвѣтахъ, а иной разъ и на ея неплаксивыхъ глазахъ слезы злобы и досады навертывались въ темнотѣ ночныхъ свиданій; но все она терпѣла, все молчала и сама себя хотѣла обманывать.

Такимъ образомъ въ этихъ новыхъ другъ къ другу отношеніяхъ дошли они до Нижняго-Новгорода. Здѣсь партія ихъ соединилась съ партіею, слѣдовавшею въ Сибирь съ московскаго тракта.

Въ этой большой партіи въ числѣ множества всякаго народа, въ женскомъ отдѣленіи были два очень интересныя лица: одна — солдатка Фіона изъ Ярославля, такая чудесная, роскошная женщина, высокаго роста, съ густою черною косою и темными карими глазами, какъ таинственной фатой завѣшанными густыми рѣсницами; а другая — семнадцатилѣтняя востролиценькая блондиночка съ нѣжно-розовой кожей, крошечнымъ ротикомъ, ямочками на свѣжихъ

щечкахъ и золотисто-русыми кудрями, капризно выбѣгавшими на лобъ изъ-подъ арестантской престрядинной повязки. Дѣвочку эту въ партіи звали Сонеткой.

Красавица Фіона была права мягкаго и лѣниваго. Въ своей партіи ее все знали и никто изъ мужчинъ особенно не радовался, достигая у нея успѣха, и никто не огорчался, видя, какъ она тѣмъ же самымъ успѣхомъ дарила другого искателя.

— Тетка Фіона у насъ баба добръюшая, никому отъ нея обиды нѣтъ, — говорили шутя арестанты въ одинъ голосъ.

Но Сонетка была совсѣмъ въ другомъ родѣ.

Объ этой говорили:

— Выюнъ: около рукъ вьется, а въ руки не дается.

Сонетка имѣла вкусъ, блюла выборъ и даже, можетъ-быть, очень строгій выборъ; она хотѣла, чтобы страсть приносила ей не въ видѣ сыроѣжки, а подѣ пикантною, пряною приправою, съ страданіями и съ жертвами: а Фіона была русская простота, которой даже лѣнь сказать кому-нибудь: «прочь поди», и которая знаетъ только одно, что она баба. Такія женщины очень высоко цѣнятся въ разбойничьихъ шайкахъ, арестантскихъ партіяхъ и петербургскихъ социально-демократическихъ коммунахъ.

Появленіе этихъ двухъ женщинъ въ одной соединенной партіи съ Сергѣемъ и Катериной Львовной имѣло для послѣдней трагическое значеніе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Съ первыхъ же дней вмѣстнаго слѣдованія соединенной партіи отъ Нижняго къ Казани, Сергѣй сталъ видимымъ образомъ запкивать расположенія солдатики Фіопы и не пострадать безуспѣшно. Томная красавица Фіона не истомила Сергѣя, какъ не томилла она, по своей добротѣ, никого. На третьемъ или четвертомъ этапѣ Катерина Львовна съ раннихъ сумерекъ устроила себѣ, посредствомъ подкупа, свиданіе съ Сережечкой и лежитъ не спитъ: все ждетъ, что вотъ-вотъ взойдетъ дежурный ундерокъ, тихонько толкнетъ ее и шепнетъ: «бѣги скорѣй!» Отворилась дверь разъ, и какая-то женщина юркнула въ коридоръ; отворилась и еще разъ дверь, и еще съ наръ скоро вскочила и тоже исчезла за провожатымъ другая арестантка; наконецъ, дернули за свиту, которой была по-

крыта Катерина Львовна. Молодая женщина быстро поднялась съ облощенныхъ арестантскими боками наръ, накинула свиту на плечи и толкнула стоящаго передъ нею провожатаго.

Когда Катерина Львовна проходила по коридору, только въ одномъ мѣстѣ, слабо освѣщенномъ слѣпою плошкою, она наткнулась на двѣ или три пары, не давашія ничѣмъ себя замѣтить издали. При проходѣ Катерины Львовны мимо мужской арестантской, сквозь окошечко, прорѣзанное въ двери, ей послышался сдержанный хохоть.

— Ишь, жируютъ, — буркнулъ провожатый Катерины Львовны и, придерживавъ ее за плечи, ткнулъ въ уголочекъ и удалился.

Катерина Львовна нащупала рукой свиту и бороду; другая ея рука коснулась жаркаго женскаго лица.

— Кто это? — спросилъ вполголоса Сергѣй.

— А ты чего тутъ? съ кѣмъ ты это?

Катерина Львовна дернула впотьмахъ повязку съ своей соперницы. Та скользнула въ сторону, бросилась и, споткнувшись на кого-то въ коридорѣ, полетѣла.

Изъ мужской камеры раздался дружный хохоть.

— Злодѣй! — прошептала Катерина Львовна и ударила Сергѣя по лицу концами платка, сорваннаго съ головы его новой подруги.

Сергѣй поднять-было руку; но Катерина Львовна легко промелькнула по коридору и взялась за свои двери. Хохоть изъ мужской комнаты вслѣдъ ей повторился до того громко, что часовой, апатично стоявшій противъ плошки и плевавшій себѣ въ носокъ сапога, приподнялъ голову и рыкнулъ:

— Цыць!

Катерина Львовна улеглась молча и такъ пролежала до утра. Она хотѣла себѣ сказать: «не люблю жъ его», и чувствовала, что любила его еще горячѣе, еще больше. И вотъ въ глазахъ ея все рисуется, все рисуется, какъ ладонь его дрожала у той подъ ея головою, какъ другая рука его обнимала ея жаркія плечи.

Бѣдная женщина заплакала и звала мимовольно ту же ладонь, чтобы она была въ эту минуту подъ ея головою и чтобы другая его же рука обняла ея истерически дрожавшія плечи.

— Ну, одначе, дай же ты мнѣ мою повязку, — побудила ее утормъ солдатка Фіона.

— А, такъ это ты?..

— Отдай, пожалуйста!

— А ты зачѣмъ разлучаешь?

— Да чѣмъ же я васъ разлучаю? Ишь это какая любовь, или интересъ въ самомъ дѣлѣ, чтобъ сердиться?

Катерина Львовна секунду подумала, потомъ вынула изъ-подъ подушки сорванную ночью повязку и, бросивъ ее Фіонѣ, повернулась къ стѣнкѣ.

Ей стало легче.

— Тфу, — сказала она себѣ: — неужели жъ-таки къ этой лоханкѣ крашеной я ревновать стану? Сгинь она! Мнѣ и примѣнять-то себя къ ней скверно.

— А ты, Катерина Ильвовна, вотъ что, — говорилъ идучи на завтра дорогою Сергѣй: — ты, пожалуйста, разумѣй, что одинъ разъ я тебѣ не Зиновій Борисычъ, а другое, что и ты теперь не велика бупчиха: такъ ты не пынись, сдѣлай мплость. Козьи рога у насъ въ торгъ нейдуть.

Катерина Львовна ничего на это не отвѣчала, и съ недѣлю она шла съ Сергѣемъ ни словомъ, ни взглядомъ не обмѣнявшись. Какъ обиженная, она все-таки выдерживала характеръ и не хотѣла сдѣлать перваго шага къ примиренію въ этой первой ея ссорѣ съ Сергѣемъ.

Между тѣмъ, этой порою, какъ Катерина Львовна на Сергѣя сердилась, Сергѣй сталъ чепуриться и залгрывать съ бѣленькой Сонеткой. То расклаивается ей съ «нашимъ особеннымъ», то улыбается, то, какъ встрѣтится, норовить обнять да прижать ее. Катерина Львовна все это видитъ, и только пуще у нея сердце кипитъ.

— Ужъ помириться бы мнѣ съ нимъ, что ли? — разсуждаетъ, спотыкаясь и земли подъ собою не видя, Катерина Львовна.

Но подойти же первой помириться теперь еще болѣе, чѣмъ когда-либо, гордость не позволяетъ. А тѣмъ временемъ Сергѣй все неотступнѣе вижется за Сонеткой, и ужъ всѣмъ сдается, что недоступная Сонетка, которая все вьюномъ вилась, а въ руки не давалась, что-то вдругъ будто ручиѣ стала.

— Вотъ ты на меня плакалась, — сказала какъ-то Кате-

ринѣ Львовнѣ Фіона:—а я что тебѣ сдѣлала? Мой случай былъ, да и прошелъ, а ты вотъ за Сонеткой-то глядѣла бѣ.

«Пропади она, эта моя гордость: непременно понче же помирюсь», рѣшила Катерина Львовна, размышляя ужъ только объ одномъ, какъ бы только ловчѣй взяться за это примиреніе.

Изъ этого затруднительнаго положенія ее вывелъ самъ Сергѣй.

— Ильвовна! — позвалъ онъ ее на привалѣ. — Выдь ты понче ко мнѣ на минуточку ночью: дѣло есть.

Катерина Львовна промолчала.

— Что жъ, можетъ, сердилъ еще — не выйдешь?

Катерина Львовна опять ничего не отвѣтила.

Но Сергѣй, да и всѣ, кто наблюдали за Катериной Львовной, видѣли, что, подходя къ этапному дому, она все стала жаться къ старшему ундеру и сунула ему семнадцать копеекъ, собранныхъ отъ мірскаго подавнія.

— Какъ только соберу, я вамъ додамъ гривну. — упрививала Катерина Львовна.

Ундеръ спряталъ за обшлагъ деньги и сказалъ:

— Ладно.

Сергѣй, когда кончились эти переговоры, крякнулъ и подмигнулъ Сонеткѣ.

— Ахъ, ты, Катерина Ильвовна!—говорилъ онъ, обнимая ее при входѣ на ступени этапнаго дома. — Супротивъ этой женщины, ребята, въ цѣломъ свѣтѣ другой такой нѣтъ.

Катерина Львовна и краснѣла, и задышалась отъ счастья.

Чуть ночью тихонько пріотворилась дверь, она такъ и выскочила: дрожитъ и шипитъ руками Сергѣя по темному коридору.

— Катя моя!—произнесъ, обнявъ ее, Сергѣй.

— Ахъ ты, злодѣй ты мой!—сквозь слезы отвѣчала Катерина Львовна и прильнула къ нему губами.

Часовой ходилъ по коридору и останавливаясь плевалъ на свои сапоги и ходилъ снова, за дверями усталые арестанты храпѣли, мышь грызла перо, подъ печью, взапуски другъ передъ другомъ, заливались сверчки, а Катерина Львовна все еще блаженствовала.

Но устали восторги и слышна неизбѣжная проза.

— Смерть больно: отъ самой отъ шиколотки до самаго

козѣна кости такъ и гудуть,—жаловался Сергѣй, сидя съ Катериной Львовной на полу въ углу коридора.

— Что же дѣлать-то, Сережечка? — спрашивала она, ютясь подъ полу его свиты.

— Неншто только въ лазаретъ въ Казани попрошусь?

— Охъ, что-й-то ты, Сережа?

— А что жъ, когда, смерть моя, больно.

— Какъ же ты останешься, а меня погоняютъ?

— А что-жъ дѣлать? третъ, такъ, я тебѣ говорю, третъ, что какъ въ кость вся цѣпь не въѣдается. Развѣ когда бъ шерстяные чулки, что ли, поддѣть еще,—проговорилъ Сергѣй спустя минутку.

— Чулки? у меня еще есть, Сережа, новые чулки.

— Ну, на что!—отвѣчалъ Сергѣй.

Катерина Львовна, ни слова не говоря болѣе, юркнула въ камеру, растормошила на нарахъ свою сумочку и опять торопливо выскочила къ Сергѣю съ парюю толстыхъ синихъ болховскихъ шерстяныхъ чулокъ съ яркими стрѣлками сбоку.

— Этакъ теперь ничего будетъ,—произнесъ Сергѣй, прощаясь съ Катериной Львовной и принимая ея послѣдніе чулки.

Катерина Львовна, счастливая, вернулась на свои нары и крѣпко заснула.

Она не слыхала, какъ послѣ ея прихода въ коридоръ выходила Сонетка и какъ тихо она возвратилась оттуда уже передъ самымъ утромъ.

Это случилось всего за два перехода до Казани.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Холодный, ненастный день съ порывистымъ вѣтромъ и дождемъ, переѣшаннымъ со снѣгомъ, непривѣтно встрѣтилъ партію, выступавшую за ворота душнаго этала. Катерина Львовна вышла довольно бодро, но только-что стала въ рядъ, какъ вся затряслась и позелѣѣла. Въ глазахъ у нея стало темно; всѣ суставы ея заняли и разслабѣли. Передъ Катериной Львовной стояла Сонетка въ хорошо знакомыхъ той синихъ шерстяныхъ чулкахъ съ яркими стрѣлками.

Катерина Львовна двинулась въ путь совсѣмъ неживая: только глаза ея страшно смотрѣли на Сергѣя и съ него не смаргивали.

На первомъ привалѣ она спокойно подошла къ Сергѣю, прошептала «подлецъ» и неожиданно плюнула ему прямо въ глаза.

Сергѣй хотѣлъ на нее броситься; но его удержали.

— Погоди жъ ты!—произнесъ онъ и обтерся.

— Ничего, однако, отважно она съ тобой поступаетъ,— трунили надъ Сергѣемъ арестанты, и особенно веселымъ хохотомъ заливалась Сонетка.

Эта интрижка, на которую сдалась Сонетка, шла совсѣмъ въ ея вкусѣ.

— Ну это жъ тебѣ такъ не пройдетъ,—грозился Катеринѣ Львовнѣ Сергѣй.

Умаявшись непогодю и переходомъ, Катерина Львовна съ разбитою душою тревожно спала ночью на нарахъ въ очередномъ этапномъ домѣ и не слыхала, какъ въ женскую казарму вошли два человѣка.

Съ приходомъ ихъ, съ нарѣ приподнялась Сонетка, молча показала она вошедшимъ рукою на Катерину Львовну, опять легла и закуталась своею свитою.

Въ это же мгновеніе свита Катерины Львовны взлетѣла ей на голову, и по ея спицѣ, закрытой одною суровою рубашкою, загулялъ во всю мужичью мочь толстый конецъ вдвое свитой веревки.

Катерина Львовна вскрикнула; но голоса ея не было слышно изъ-подъ свиты, окутывающей ея голову. Она рванулась, но тоже безъ успѣха: на плечахъ ея сидѣлъ здоровый арестантъ и крѣпко держалъ ея руки.

— Пятьдесятъ, — сосчиталъ, наконецъ, одинъ голосъ, въ которомъ никому не трудно было узнать голосъ Сергѣя, и ночные посѣтители разомъ исчезли за дверью.

Катерина Львовна раскутала голову и вскочила: никого не было; только невдалекѣ кто-то злорадно хихикалъ подъ свитою. Катерина Львовна узнала хохоть Сонетки.

Обидѣ этой уже не было мѣры; не было мѣры и чувству злобы, закипѣвшей въ это мгновеніе въ душѣ Катерины Львовны. Она безъ памяти ринулась впередъ и безъ памяти унала на грудь подхватившей ее Фіоны.

На этой полной груди, еще такъ недавно тѣшившей сластью разврата невѣрнаго любовника Катерины Львовны, она теперь выплакивала нестерпимое свое горе и, какъ дитя къ матери, прижималась къ своей глупой и рыхлой

соперницѣ. Онѣ были теперь равны: онѣ обѣ были сравнены въ цѣнѣ и обѣ брошены.

Онѣ равны!.. подвластная первому случаю Фіона и совершающая драму любви Катерина Львовна!

Катеринѣ Львовнѣ, впрочемъ, было уже ничто не обидно. Выплакавъ свои слезы, она окаменѣла и съ деревяннымъ снокошествомъ собиралась выходить на переключку.

Барабанъ бьетъ: тахъ-тарарахъ-тахъ; на дворъ вываливаютъ скованные и нескованные арестантики, и Сергѣй, и Фіона, и Сонетка, и Катерина Львовна, и раскольникъ, скованный съ жидомъ, и полякъ на одной цѣпи съ татаринномъ.

Всѣ скучились, потомъ выровнялись кое въ какой порядокъ и пошли.

Безотраднѣйшая картина: горсть людей, оторванныхъ отъ свѣта и лишенныхъ всякой тѣни надеждъ на лучшее будущее, тонетъ въ холодной черной грязи грунтовой дороги. Кругомъ все до ужаса безобразно: безконечная грязь, сѣрое небо, обезлиственный, мокрая ракиты и въ растопыренныхъ ихъ сучьяхъ нахохлившаяся ворона. Вѣтеръ то стонетъ, то злится, то воеетъ и реветъ.

Въ этихъ адскихъ, душу раздражающихъ звукахъ, которые довершаютъ весь ужасъ картины, звучатъ совѣты жены библейскаго Юва: «Прокляни день твоего рожденія и умри».

Кто не хочетъ вслушиваться въ эти слова, кого мысль о смерти и въ этомъ печальномъ положеніи не льститъ, а пугаетъ, тому надо стараться заглушить эти воющіе голоса чѣмъ-нибудь еще болѣе ихъ безобразнымъ. Это прекрасно понимаетъ простой человѣкъ: онъ спускаетъ тогда на волю всю свою звѣршную простоту, начинаетъ глушить, издѣваться надъ собою, надъ людьми, надъ чувствомъ. Не особенно нѣжный и безъ того, онъ становится золь сугубо.

— Чтò, купчиха? Все ли, ваше степенство, въ добромъ здоровьѣ? — нагло спросилъ Катерину Львовну Сергѣй, чуть только партія потеряла за мокрымъ пригоркомъ деревню, гдѣ ночевала.

Съ этими словами, онъ, сейчасъ же обратясь къ Сонеткѣ, покрылъ ее своею полою и залѣлъ высокимъ фальцетомъ:

За окномъ въ тѣни мелькаетъ русая головка.
Ты не спишь, мое мученье, ты не спишь, плутовка.
Я полою тебя прикрою, такъ что не замѣтить.

При этихъ словахъ Сергѣй обнялъ Сонетку и громко поцѣловалъ ее при всей партіи...

Катерина Львовна все это видѣла и не видала: она шла совсѣмъ ужъ неживымъ человѣкомъ. Ее стали поталкивать и показывать ей, какъ Сергѣй безобразничаетъ съ Сонеткой. Она стала предметомъ насмѣшекъ.

— Не троньте ее, — заступалась Фіона, когда кто-нибудь изъ партіи пробовалъ подсмѣяться надъ спотыкающеюся Катериной Львовною. — Нешто не видите, черти, что женщина больна совсѣмъ?

— Должно ножки промочила, — острилъ молодой арестантъ.

— Извѣстно, купеческаго роду: воспитанья нѣжнаго, — отозвался Сергѣй.

— Разумѣется, если бы имъ хотя чулочки бы теплые: оно бы ничего еще, — продолжалъ онъ.

Катерина Львовна словно проснулась.

— Змѣй подлый! — произнесла она, не стерпѣвъ: — насмѣхайся, подлець, насмѣхайся!

— Нѣтъ, я это совсѣмъ, купчиха, не въ насмѣшку, а что вотъ Сонетка чулки больно гожіе продаетъ, такъ я только думалъ: не купить ли, молъ, наша купчиха.

Многіе засмѣялись. Катерина Львовна шагала, какъ заведенный автоматъ.

Погода все разыгрывалась. Изъ сѣрыхъ облаковъ, покрывавшихъ небо, стали падать мокрыми хлопьями снѣгъ, который, едва касаясь земли, таялъ и увеличивалъ невылазную грязь. Наконецъ, показывается темная свинцовая полоса; другого края ея не размотришь. Эта полоса — Волга. Надъ Волгой ходитъ крѣпковатый вѣтеръ и водить взадъ и впередъ медленно приподнимающіяся широкопастыя темныя волны.

Партія промокшихъ и продрогнувшихъ арестантовъ медленно подошла къ перевозу и остановилась, ожидая парома.

Подошелъ весь мокрый, темный паромъ; команда начала размѣщать арестантовъ.

— На этомъ паромѣ, сказываютъ, кто-то водку держитъ, — замѣтилъ какой-то арестантъ, когда, осыпаемый хлопьями

мокраго свѣга, паромъ отчалилъ отъ берега и закачался на галазахъ расходившейся рѣки.

— Да, теперь бы точно, бездѣлицу пропустить ничего, — отзывался Сергѣй и, преслѣдуя для Сонеткиной потѣхи Катерину Львовну, произнесъ: — кучиха, а ну-ко, по старой дружбѣ угости водочкой. Не скупись. Вспомни, моя разлюбезная, нашу прежнюю любовь, какъ мы съ тобой, моя радость, погуливали, осеннія долги ночи просиживали, твоихъ рюмкахъ безъ поповъ и безъ дыковъ на вѣчный споконъ сироваживали.

Катерина Львовна вся дрожала отъ холода. Кромѣ холода, пронизывающаго ее подъ измокшимъ плащомъ до самыхъ костей, въ организмъ Катерины Львовны происходило еще нѣчто другое. Голова ея горѣла какъ въ огнѣ; зрачки глазъ были расширены, оживлены блудящимъ, острымъ блескомъ и неподвижно вперены въ ходящія волны.

— Ну, а водочки и я бѣ ужъ выпила: мочи нѣтъ ходно, — прозвенѣла Сонетка.

— Кучиха, да угости, что-ль! — моголилъ Сергѣй.

— Эхъ ты, совѣсты! — выговорила Фіона, качая съ упрямкомъ головою.

— Не къ чести твоей совѣсть это, — поддержаль солдатку арестантикъ Гордюшка.

— Хушь бы ты не противъ самой ея, такъ противъ другихъ за нее посоветился.

— Ну, ты, мірекая табакерка! — крикнулъ на Фіону Сергѣй. — Тоже — совѣститься! Чтѣ мнѣ тутъ еще совѣститься! я ее можетъ и никогда не любить, а теперь... да мнѣ вотъ стоптавннй Сонеткинъ башмакъ милѣе ея рожи, конки такой ободральной: такъ что жъ ты мнѣ противъ этого говорить можешь? Пусть вопъ Гордюшку косоротата любить; а то... (онъ оглянулся на ѣдущаго верхомъ сморчка въ буркѣ и въ военной фуражкѣ съ кокардой и добавилъ) а то вопъ еще лучше къ этанному пусть полаетится: у него подъ буркой по крайности дождемъ не пробираеть.

— И все бѣ офицерней звать стали, — прозвенѣла Сонетка.

— Да какъ же!.. и на чулочки-то бѣ шути бы достала, — поддержаль Сергѣй.

Катерина Львовна за себя не заступалась: она все пристальнѣе смотрѣла въ волны и шевелила губами. Промежду

глухихъ рѣчей Сергѣя гулъ и стонъ слышались ей изъ раскрывающихся и хлопающихъ валовъ. И вотъ вдругъ изъ одного нереломившагося бала показывается ей синяя голова Бориса Тимоѣевича, изъ другого выглянуть и закачался мужъ, обнявшійся съ новичкомъ головкой Ѳедей. Катерина Львовна хочетъ припомнить молитву и шевелитъ губами, а губы ея шепчутъ: «какъ мы съ тобой погуливали, осеннія долги ночи просиживали, лютой смертью съ бѣла-свѣта людей сироваживали».

Катерина Львовна дрожала. Влудящій взоръ ея сосредоточивался и становился дикимъ. Руки разъ и два невѣдомо куда протянулись въ пространство и снова упали. Еще минута — и она вдругъ вся закачалась, не сводя глазъ съ темной волны, нагнулась, схватила Сонетку за поги и однимъ махомъ перекинулась съ нею за бортъ парома.

Всѣ окаменѣли отъ изумления.

Катерина Львовна показала на верху волны и опять нырнула, другая волна вынесла Сонетку.

— Багоръ! бросай багоръ! — закричали на паромѣ.

Тяжелый багоръ на длинной веревкѣ взвился и упалъ въ воду. Сонетки опять не стало видно. Черезъ двѣ секунды, быстро уносимая теченіемъ отъ парома, она снова вскинула руками; но въ это же время изъ другой волны почти по-ноясъ поднялась надъ водою Катерина Львовна, бросилась на Сонетку, какъ сильная щука на мягкопѣрую плотницу, и обѣ болѣе уже не показались.

ГРАБЕЖЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Шель разговоръ о воровствѣ въ орловскомъ банкѣ, дѣла котораго разбирались въ 1887 году по осени.

Говорили: и тотъ быть хорошій человѣкъ, и другой казался хорошимъ, но, однако, всё проворовались.

А случившійся въ компаніи старый орловскій купецъ говорить:

— Ахъ, господа, какъ надоѣдетъ воровской частъ, то и честные люди грабятъ.

— Ну, это вы шутите.

— Нимало. А зачѣмъ же сказано: «со избранными избрать будешь, а со строптивыми развратишься»? Я знаю случаи, когда честный человѣкъ, на улицѣ, другого чело-вѣка ограбилъ.

— Быть этого не можетъ.

— Честное слово даю — ограбилъ, и если хотите, могу это рассказать.

— Сдѣлайте ваше одолженіе.

Купецъ и рассказалъ намъ слѣдующую исторію, извѣ-щую мѣсто лѣтъ за пятьдесятъ передъ этимъ въ томъ же самомъ городѣ Орлѣ, незадолго передъ знаменитыми орловскими истребительными пожарами. Дѣло происходило при покойномъ орловскомъ губернаторѣ князѣ Петрѣ Швановичѣ Трубецкомъ.

Вотъ какъ это было рассказано.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я орловскій старожиль. Весь панъ родъ—все были не послѣдніе люди. Мы имѣли свой домъ на Нижней улицѣ, у Плаутина колодца, и свои сѣнные амбары, и свои барки; держали артель трекачей, торговали пенькой и вели хлѣбную сѣпку. Отчаяннаго большаго состоянія не имѣли, но рубля на полтину никогда не ломали и слыли за людей честныхъ.

Отецъ мой скончался, когда мнѣ пошелъ всего шестнадцатый годъ. Дѣломъ всѣмъ правила матушка Арина Леонтьевна при старомъ приказчикѣ, а я тогда только присматривался. Во всемъ я, по волѣ родительской, былъ у матушки въ полномъ повиновеніи. Баловства и озорства за мною никакаго не было, и къ храму Господню я имѣлъ усердіе и страхъ. Еще же жила при насъ маменькина сестра, и моя тетенька, почтенная вдова Катерина Леонтьевна. Это—ужь совсѣмъ была святая богомолка. Мы были, по батюшкѣ, церковной вѣры и къ Покрову, къ препочтенному отцу Ефиму приходомъ числились, а тетюшка Катерина Леонтьевна прилежала древности: изъ своего особливаго стакана пила и ходила молиться въ Рыбные ряды, къ старовѣрамъ. Матушка и тетенька были изъ Ельца, и тамъ, въ Ельцѣ и въ Ливнахъ, очень хорошее родство имѣли, но рѣдко съ своими видѣлись, потому что слѣдкіе куницы любятъ передъ орловскими гордиться и въ компаніи часто бываютъ вонтелл.

Домикъ у насъ у Плаутина колодца былъ небольшою, но очень хорошею, по-купечески, обряженъ, и житье мы вели самое строгое. Десять лѣтъ проживши на свѣтѣ, я только и ходу зналъ, что въ сѣнные амбары, или къ баркамъ, на набережную, когда идетъ грузка, а въ праздникъ къ ранней обѣднѣ, въ Покровъ,—и отъ обѣдни опять сейчасть же домой, и чтобы въ доказательство рассказать маменькѣ, о чемъ Евангеліе читали, или не говорилъ ли отецъ Ефимъ какую проповѣдь; а отецъ Ефимъ былъ изъ духовныхъ магистровъ, и, бывало, если проповѣдь постарается, то никакъ се не постигнешь. Театръ тогда у насъ Турчаниновъ содержалъ послѣ Каменскаго, а потомъ Молотковскій, но мнѣ ни въ театрѣ, ни даже въ трактирѣ «Вѣну» чай нить матушка ни за что не дозволяла. «Ш-

чего, дескать, тамъ въ «Вѣнкѣ», хорошаго не услышишь, а лучше дома сиди и финь моченныя яблоки». Только одно полное удовольствіе мнѣ разъ или два въ зиму позволилось,—прогуляться и посмотрѣть, какъ квартальный Богдановъ, съ протодьякономъ, бойцовыхъ гусей спускаютъ, или какъ мѣщане и семинаристы на кулачки бьются.

Бойцовыхъ гусей у насъ въ то время много держали и спускали ихъ на Кромеской площади; но самый первый гусь былъ квартальнаго Богданова: у другого бойца, у живого крыло отрывалъ; и чтобы этого гуся кто-нибудь не накормилъ моченымъ горохомъ, или иначе какъ не повредилъ,—квартальный его, бывало, на себѣ въ плетушкѣ за спиною носилъ: такъ любилъ его. У протодьякона же гусь былъ глинистый, и когда дрался—страшно гоготалъ и шипѣлъ. Публики собиралось множество. А на кулачки биться мѣщане съ семинаристами собирались или на ледъ, на Окѣ, подъ мужскимъ монастыремъ, или къ Павугорской заставѣ, тутъ сходились и шлы, стѣна на стѣну, во всю улицу. Бывались часто на отчаянность. Правило такое только было, чтобы бить въ подвздохъ, а не по лицу, и не класть въ рукавицы мѣдныхъ большихъ гривенъ. Но, однако, это правило не соблюдалось. Часто случалось, что стаянутъ домой челоуѣка на рукахъ и отысповѣдывать не успеютъ, какъ ужъ и преставился. А многіе оставались, но чахли. Мнѣ же отъ маменьки позволеніе было только смотрѣть, но самому въ стѣну чтобы не становиться. Однако, я грѣшнъ былъ, и въ этомъ покойной родительницѣ являлся непослушенъ: сила моя и удаля пудили меши, и если, бывало, мѣщанская стѣна дрогнетъ, а семинарская стѣна на нее очень наваливается и гнать начнетъ,—то я, бывало, ве вытерплю и становился. Сила у меня съ рапникъ поръ такая состояла, что, бывало, чуть и въ гонимую стѣну векочу, крикну: «Господи благослови! бей, ребята, духовенныхъ!» да какъ почну противъ себя семинаристовъ подавать, такъ веѣ и посыплется. Но славы себѣ я не искалъ, и даже, бывало, веѣхъ объ одномъ только прошу: «Братцы! пожалуйте, сдѣлайте милость, чтобы по имени меня не называть»—потому что боялся, чтобы маменька не узнала.

Такъ я прожилъ до девятнадцати лѣтъ и былъ здоровъ столь ужасно, что со мною стали обмороки, и кровь посомъшла. Тогда маменька стали подумывать меня женить, чтобы

не началъ на Сибиренскій заводъ ходить, или не сталъ съ перекрещенками баловаться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Начали къ намъ по этому случаю приходять въ сало-нахъ свахи, и съ Нижнихъ улицъ, и съ Кромской, и съ Карачевской, и разныхъ матушекъ для меня невѣсть предлагали. Отъ меня это все велось въ секретъ, такъ что всеъ звали больше, чѣмъ я. Триначи паши подъ сараемъ и тѣ бывало говорятъ:

— Тебя, Михайло Михайлычъ, маменька женить соби-рается. Какъ же ты самъ на это, сколько согласишь? Ты смотри—знай, что жена тебя послѣ вѣнца текогаты будетъ, по ты не робѣй,—ты ее самъ какъ можно щекочи въ бока, а то она тебя защекочетъ.

Я, бывало, только краснѣю. Догадывался, разумѣется, что что-то до меня касается, но самъ никогда не слыхалъ, про какихъ невѣсть у маменьки съ свахами идутъ разговоры. Какъ придетъ одна сваха, или другая,—маменька съ нею запрется въ образной, сидуть ко крестамъ, самоваръ спро-сятъ и все наединѣ говорятъ, а потомъ сваха выйдетъ, по-гладить меня по головѣ, и обнадеживаетъ:

— Не тужи, молодчикъ Мишенька: вотъ ужъ скоро не будешь одинъ свучать, скоро мы тебя обрадуемъ.

А маменька даже, бывало, и за это сердятся и гово-рятъ:

— Ему это совсѣмъ не надо знать; чѣдъ я надъ его го-ловой рѣшу, то съ нимъ и быть должно. Это какъ въ писанин.

Я и не тужилъ; мнѣ было все равно: жечьется такъ же-жечьется, а придетъ дѣло до щекотки, тогда увидимъ еще кто кого.

Тетушка же Катерина Леонтьевна шла противъ мамень-кинаго желанія и меня противъ ихъ научала.

— Не женись, говорила,—Миша, на орловской,—ви за что не женись. Ты смотри: здѣшнія орловскія все какъ переверчены—не то онѣ кучихи, не то благородныя. За офицеровъ выходить. А ты прости мать, чтобы она взяла тебѣ жену изъ Ельца. откуда мы сами съ ней родомъ. Тамъ въ кучечествѣ мужчины гуляки, но невѣсты есть пастоящія дѣвицы: не щеголицы, а скромныя,—на офи-

церовъ не смотрятъ, а въ платочкѣ молиться ходятъ, и старымъ русскимъ крестомъ крестятся. На такой какъ женишься, то и благодать въ домъ приведеши, и самъ съ женой по-старому молиться начнешь, а я тебѣ тогда все свое добро откажу, а ей отдамъ свое Божіе благословеніе и жемчугъ окатный, и серебрѣ, и пропизи, и парчевые пуган, и тѣлогрѣи, и все болховское вызаніе.

И было у тетеньки съ маменькой на этотъ счетъ тихое между нихъ неудовольствіе, потому что маменька уже со-всѣмъ были отъ старой вѣры отставили и по новымъ святцамъ Варварѣ великомученицѣ акакисть читали. Они жену мнѣ хотѣли взять изъ орловскихъ для того, чтобы у насъ было обновленіе родства.

— По крайней мѣрѣ, говорили, чтобы на прощепые дни, передъ постомъ, было намъ къ кому на прощанье съ хлѣбами ѣздить и къ намъ чтобы было кому завитье хлѣбы привозить.

Маменька любили потому эти хлѣбы на сухари рѣзать и въ посту въ чай съ медомъ обмакивать, а у тетеньки надо всѣмъ выше стояло ихъ древнее благочестіе.

Спорили онѣ спорили, а все дѣло сдѣзалось иначе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Подвернулся вдругъ самый неожиданный случай.

Сидимъ мы разъ съ тегушкой, на святкахъ, послѣ обѣда у окошечка, толкуемъ что-то отъ божества и ѣдимъ въ носѣ моченые яблоки, и вдругъ замѣчаемъ—у нашихъ воротъ на улицѣ, на снѣгу, стоитъ тройка ямскихъ коней. Смотримъ—изъ-подъ кибитки изъ-за копы вытѣзаетъ высокій человекъ въ калмыцкомъ тулунѣ, темнымъ сукномъ крытъ, алымъ кушакомъ подносанъ, зеленымъ гаруснымъ шарфомъ во весь поднятый воротникъ оберченъ, и длинныя концы на груди жгутомъ свиты и за пазуху сунуты, на головѣ яломокъ, а на ногахъ телячьи саногн мѣхомъ еверхъ.

Всталъ этотъ человекъ и вытряхивается, какъ пудель, отъ снѣга, а потомъ, вмѣстѣ съ ямщикомъ, зацѣпиль изъ кибитки изъ-подъ копы другого человека въ боброемъ картузѣ и въ волчьей шубѣ и держать его подъ руки, чтобы онъ могъ на ногахъ устояться, потому что емускользко на подшивныхъ валенкахъ.

Тетенька Катерина Леонтьевна очень обезножилась, что это за люди и зачѣмъ у нашихъ воротъ высаживаются, а какъ волчью шубу увидала, такъ и благословилася:

— Господи Иисусе Христе, помилуй насъ, аминь! говорить.—Вѣдь это братецъ Иванъ Леонтьичъ, твой дядя, изъ Ельца прѣхалъ. Что это съ нимъ случилось? Съ самыхъ отцовыхъ похоронъ три года здѣсь не былъ, а тутъ вдругъ привалилъ на святкахъ. Скорѣе бери ключъ отъ воротъ, бѣжи ему встрѣчу.

Я бросился искать маменьку, а маменька стали ключъ искать и насилу его нашли въ образчикѣ, да пока я выбѣжалъ къ воротамъ, да замокъ отпирать стали, да засовъ вытаскивать, тройка уже и отѣхала, и тотъ, что въ калмыцкомъ тулупѣ былъ, уѣхалъ въ кибиткѣ, а дядя одинъ стоитъ, за скобку держится и сердится.

— Что это, говорить,—вы, какъ тетери, днемъ закупились.

Маменька съ нимъ здравствуютъ и отвѣчаютъ:

— Развѣ вы, говорить,—братецъ, не знаете, какое у насъ орловское положеніе? Постоянно съ ворами, и день, и ночь отъ полиціи запираемся.

Дядя отвѣчаетъ, что это у всѣхъ одно положеніе: Орелъ да Кромы—первые вору, а Карачевъ на придачу, а Глець всѣмъ ворами отецъ.—И мы, говорить,—тоже отъ своей полиціи запираемся, но только на ночь, а на что же днемъ? Мнѣ то и неприятно, что вы меня днемъ на улицѣ у воротъ оставили; у меня валенки кожей обшиты—идти нельзя, скользко,—а я прѣхалъ по церковной надобности не съ пустыми руками. Помилуй Богъ, какой орловчанинъ съ шен рванеть и убѣжить, а мнѣ догоять нельзя.

ГЛАВА ПЯТАЯ. •

Мы всѣ извинились передъ дяденькой, отвели его въ комнату изъ дорожнаго платья переодѣваться. Переобулся Иванъ Леонтьичъ изъ валенковъ въ сапоги, одѣлъ сюртукъ и сѣлъ къ самовару, а матушка стала его спрашивать: по какому онъ такому церковному дѣлу прѣхалъ, что даже на праздничныхъ дняхъ обезножилъ, и куда его поутликъ отъ нашихъ воротъ дѣлся?

А Иванъ Леонтьевичъ отвѣчаетъ:

— Дѣло большое. Развѣ ты не понимаешь, что я иныче

киторь, а у насъ на самый первый день праздника дьяконъ оборвался.

Маменька говоритъ:—Но слышали.

— Да вѣдь у васъ когда же о чемъ-нибудь интересномъ слышаты! Такой ужъ у насъ городъ глухой.

— Но какими же это манеромъ у васъ дьяконъ оборвался?

— Ахъ, это опъ, мать моя, пострадалъ черезъ свое усердіе. Сталъ служить хорошо по случаю освобожденія отъ галловъ, и все громче, да громче, да еще громче, и вдругъ какъ возгласилъ о «спасеніи» — такъ ему жила и лопнула. Подступили его съ амвона сводить, а у него уже полая саногъ крови патекло.

— Умеръ?

— Цѣтъ. Купцы не допустили: лѣкари напали. Наши кунцы развѣ такъ бросягъ? Лѣкаръ говоритъ: можетъ еще на поправку пойти, но только голоса уже не будетъ. Вотъ мы и пріѣхали сюда, съ нашимъ съ первымъ прихожаниномъ, хлопотать, чтобы нашего дьякона отъ насъ куда-нибудь въ женскій монастырь монашкамъ свели, а себѣ здѣсь должны выбрать у васъ промежду всѣхъ одного самаго лучшаго.

— А это кто же вашъ первый прихожанинъ и куда онъ отѣхалъ?

— Нашъ первый прихожанинъ называется Павелъ Миронычъ Мукомоль. На московской богачихъ женатъ. Цѣлую недѣлю свадьбу праздновали. Очень ко храму приверженъ и службу всякую церковную лучше протодьякона знаетъ. Затѣмъ его всѣ и упросили: поѣзжай, посмотри и выбери; чѣ тебѣ полюбится — то и намъ будетъ любо. Его всякъ старъ и малъ почитаетъ. И онъ при огромномъ своемъ капиталѣ, что три дома имѣетъ и свѣчвой заводъ, и крупчатку, а сейчасъ послушался и для церковной надобности все оставилъ и полетѣлъ. Онъ пока въ Рѣвинской гостиницѣ померъ возьметъ. Шалить у васъ тамъ, или честно?

Маменька отвѣчаютъ:—Не знаю.

— То-то вотъ и есть, что вы знаете и ничего не знаете.

— Мы гостиницъ боимся.

— Ну, да ничего; Павла Мироныча тоже не легко обидѣть: сильнѣй его ни въ Ельцѣ, ни въ Ливнахъ кулачина

пѣть. Что ни бой—то два да три кулачника отъ его руки падаютъ. Онъ въ прошломъ году, постомъ, нарочно въ Тулу ѣздилъ, и даромъ, что мукомель, а тамъ двухъ самыхъ первыхъ самоваршиговъ такъ сразу съ грижей и сдѣлалъ.

Маменька и тетенька перекрестились.

— Господи! говорятъ: — зачѣмъ же ты такого къ намъ съ собой на святые вечера привезъ!

А дяденька смѣется:

— Чего, говорить, — вы, бабы, испугались! Нашъ приходивъ хорошій человекъ, и по церковному дѣлу миѣ безъ него обойтись невозможно: мы съ нимъ пріѣхали на живую минуту, чтобы обоорать въ свою пользу что намъ годится, и уѣхать.

Матушка съ тетей опять ахнули.

— Что ты это, братецъ, зачѣмъ такое страшное шутишь!

Дядя еще веселѣе разсмѣялся.

— Эхъ вы, говорить,—вороны-сударыни, кунчихи орловскія! У васъ и городъ-то не то городъ, не то пожарище,—ни на что не похожъ, и сами-то вы въ немъ все какъ капчужки въ коробкѣ заглохли! Нѣтъ, далеко вамъ до нашего Ельца, даромъ что вы губернскіе. Нашъ Елецъ хоть уѣздъ-городокъ, да Москвы уголокъ; а у васъ что и есть хорошаго, такъ вы и то цѣнить не можете. Вотъ мы это-то самое у васъ и отберемъ.

— Что же это такое?

— Дьякопъ намъ хорошій въ приходъ пужень, а у васъ, говорятъ, есть два дьякона съ голосами: одинъ у Богоявленья, въ Рядахъ, а другой на Дьячковской части, у Инагтія. Выслушаемъ ихъ во всѣхъ манерахъ, какъ Павелъ Мироничъ покажетъ, что къ нашему, къ елецкому вкусу подходящее, и котораго изберемъ, того къ себѣ сманимъ и уговоръ сдѣлаемъ; а который намъ не годится — тому во второй номеръ: за безпокойство получай на рису деньгами. Павелъ Мироничъ теперь уже поѣхалъ собирать ихъ на пробу, а миѣ сейчасъ надо идти къ Борисоглѣбскому собору; тамъ, говорятъ, у васъ есть гостинникъ, у котораго всегда пустая гостиница. Вотъ въ этой, въ пустой гостиницѣ, возьмемъ три номера насквозь и будемъ пробу дѣлать. Долженъ ты, братъ Мишутка, сейчасъ меня туда вести въ провокатыхъ.

Я спрашиваю:

— Это вы, дяденька, мнѣ говорите?

Онъ отвѣчаетъ:

— Известно, тебѣ. Кто же еще, кромѣ тебя, Минутка? Ну, а если обнижаешься, такъ, пожалуй, назову тебя Михайло Михайловичъ: окажи родственный услугу — проводи, сдѣлай милость, на чужой сторонѣ дядю родного.

Я откашлянулся и вѣжливо отвѣчаю:

— Это, дяденька, состоитъ не въ томъ расчисленіи: я вичѣмъ не обнижаюсь и готовъ со всей моею радостью, но я самъ собою не владю, а какъ маменька прикажетъ.

Маменькѣ же это совершенно не понравилось:

— Зачѣмъ, говоритъ,—вамъ, братецъ, въ такую компанію съ собою Миню брать? Можно сдѣлать, что васъ другой кто-нибудь проводить.

— Мнѣ съ племянникомъ-то приличнѣй ходить.

— Ну, что онъ еще знаетъ!

— Да, небось, все знаетъ. Минутка, знаешь все?

Я застыдился.

— Нѣтъ, говорю,—я всего знать не могу.

— Почему же такъ?

— Маменька не позволяютъ.

— Вотъ такъ дѣло! А какъ ты думаешь: родной дядя всегда можетъ во всемъ племянникомъ руководствовать, или нѣтъ? Разумѣется, можетъ. Одѣвайся же сейчасъ и пойдемъ во всѣ слѣды, пока дойдемъ до бѣды.

Я то тронусь, то стою какъ пень: и его слушаю, и вижу, что маменька ни за что не хочетъ меня отпустить.

— У насъ, говорятъ,—Миня еще младъ, и со двора онъ въ вечернее время викада выходить не обыкъ. Зачѣмъ же тебѣ его непременно? Теперь не огляннешься, какъ и сумерки, и воровской часъ будетъ.

Но тутъ дядя на нихъ даже и покричалъ:

— Да полно вамъ, въ самомъ дѣлѣ, дурачиться! Что вы это пария въ бабьемъ рукавѣ парите! Малый выросъ такой, что вола убить можетъ, а вы его все въ дѣткахъ бережете. Это одна ваша женская глупость, а онъ у васъ отъ этого хуже будетъ. Ему надо развитіе силъ жизни имѣть и утвержденіе характера, а мнѣ онъ нуженъ потому, что, помилуй Богъ, на меня, въ самомъ дѣлѣ, въ темнотѣ или гдѣ-нибудь въ закоулкѣ ваши орловскіе воры нападуть, или полиція обходомъ встрѣтится — такъ, вѣдь,

со мной всё наши деньги на хлопоты... Вѣдь сумма есть, чтобы и оборваннаго дьякона монашкамъ сбывать, и себѣ смапить сильнаго... Неужели же вы, родныя сестры, столь безродственны, что хотите, чтобы меня, брата вашего, по головѣ огрѣли, или въ полицію бы забрали, а тамъ бы я послѣ безо всего оказался?

Матушка говоритъ:

— Боже отъ этого сохрани — не въ одномъ Ельцѣ уважаютъ родственичесты! Но ты возьми съ собой приказчика или даже хоть двухъ молодцовъ изъ треначей. У насъ треначи изъ кромчанъ, страсть, очень сильныя, фунтовъ по восьми въ день одного хлѣба ѣдятъ безъ присарка.

Дядя не захотѣлъ.

— На что, говоритъ, — мнѣ годятся наемныя люди. Это вамъ, сестрамъ, даже стыдно и говорить, а мнѣ съ ними идти стыдно и страшно. Кромчане! Хороши тоже люди называются! Они пойдутъ провожать, да сами же первые и убьютъ, а Миша мнѣ племянникъ, — мнѣ съ нимъ, но крайней мѣрѣ, смѣло и прилично.

Стать на своемъ и не уступать.

— Вы, говоритъ, — мнѣ въ этомъ никакъ отказать не можете. — иначе я родства отрекаюсь.

Этого матушка съ тетенькой испугались и переглидываются другъ на дружку: дескать, что намъ дѣлать — какъ быть?

Иванъ Леонтычъ настаиваетъ:

— И то, говоритъ, — поймите: можете ли вы еще отказать для одного родства? Помните, что я его беру не для какой-нибудь своей забавы или для удовольствія, а по церковной надобности. Посоветуйтесь-ка, можно ли въ этомъ отказать? Это отказать — все равно, что для Бога отказать. А онъ, вѣдь, рабъ Божій и Богъ съ нимъ воленъ: вы его при себѣ хотите оставить, а Богъ возьметъ да и не оставитъ.

Ужасно какой быть на словахъ убѣдительный.

Маменька испугались.

— Полно тебѣ, пожалуйста, говорить такія страсти.

А дядя опять весело расхохотался.

— Ахъ, вороны-сударыни! Вы и словъ-то силы не понимаете! Кто же не рабъ Божій? А я вотъ вижу, что вамъ самимъ ни на что не рѣшился, и я самъ его у васъ изъподъ крыла вышибу...

И съ этимъ хватъ меня за плечо и говоритъ:

— Поднимайся сейчасъ, Миша, и одѣвай гостиное платье,—я тебѣ дядя, и старикъ, съдыхъ дѣтъ доживишь. У меня внуки есть, и я тебя съ собою беру на свое попеченіе и велю ео мной слѣдовать.

Я смотрю на мать и на тетеньку, а самому миѣ такъ на путрѣ весело, и эта дяденькина елегантная развязка очень миѣ правится.

— Кого же, говорю,—я долженъ слушать?

Дядя отвѣчаетъ:

— Самаго старшаго надо слушать — меня и слушай. Я тебя не на вѣкъ, а всего на одинъ часъ беру.

— Маменька! вопію.—Что же вы миѣ прикажете?

Маменька отвѣчаютъ:

— Что же... если всего на одинъ часъ, такъ ничего — одѣвай гостиное платье и иди, проводи дядю; но больше одного часу ни одной минуты не оставайся. Минуту промедлишь—умру со страху!

— Ну, вотъ еще, говорю,—приключеніе! Какъ это я могу въ такой точности знать, что часъ уже прошелъ и что новая минута начинается, — а вы межъ тѣмъ станете безжюконтъся...

Дядя хохочетъ.

— На часы, говоритъ,—на свои посмотришь и время узнаешь.

— У меня, отвѣчаю,—своихъ часовъ нѣтъ.

— Ахъ, у тебя еще до сей поры даже и часовъ своихъ нѣтъ! Плохо же твое дѣло!

А маменька отзываются:

— На что ему часы?

— Чтобы время знать.

— Ну... онъ еще младъ... ихъ заводитъ не сумѣетъ... На улицѣ слышно, какъ на Богоявленіи и на дѣвичьемъ монастырѣ часы бьютъ.

Я отвѣчаю:

— Вы развѣ не знаете, что на богоявленскихъ часахъ вчера гиря сорвалась, и они не бьютъ.

— Ну, такъ дѣвичьи.

— А дѣвичьихъ никогда не слышно.

Дядя вмѣшался и говоритъ:

— Ничего, ничего: одѣвайся скорѣй и не бойся про-

срочить. Мы съ тобою зайдемъ къ часовщику, и я тебѣ въ подарокъ часы куплю. Пусть у тебя за провожанье дядина память будетъ.

Я какъ прѣ часы услыхалъ — весь возгорѣлся: скорѣе у дяди руку чмокъ, надѣлъ на себя гостинное платье и готовъ.

Маменька благословила и еще нѣсколько разъ сказала:
— Только на одинъ часъ!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дяденька былъ своего слова баринъ. Какъ только мы вышли, онъ говоритъ: — Свисти скорѣе живейнаго извозчика — поѣдемъ къ часовщику.

А у насъ тогда, въ Орлѣ, путные люди на извозчикахъ по городу еще не ѣздили. Ѣздили только какіе-нибудь гуляки, а больше извозчики стояли для наемщиковъ, которые въ Орлѣ за другихъ во всѣ мѣста въ солдаты нанялись.

Я говорю:

— Я, дяденька, свистать умѣю, но не могу, потому что у насъ на живейникахъ наемщики ѣздятъ.

Онъ говоритъ: «Дуракъ!» — и самъ засвисталъ. А какъ подѣхали, опять говоритъ:

— Садись безъ разговора! Пѣшкомъ въ часъ оборотить къ твоимъ бабамъ не посидѣмъ, а я имъ слово далъ и мое слово олово.

Но я отъ стыда себя не помню и съ извозчика свѣшиваюсь.

— Что ты, говоритъ, — ерзаешь?

— Помилуйте, говорю, — подумаютъ, что я наемщикъ.

— Съ дядей-то?

— Васъ здѣсь не знаютъ; скажутъ: вотъ оно его уже катаетъ, по веѣмъ мѣстамъ обвезетъ, а потомъ закороводитъ. Маменьку стыдить будутъ.

Дядя ругаться началъ.

Какъ я ни упирался, а долженъ былъ съ нимъ рядомъ сидѣть, чтобы скандала не заводить. Ѣду, а самъ не знаю, куда мнѣ глаза дѣть, — не смотрю, а вижу и слышу, будто всѣ кругомъ говорятъ: «Вопъ оно какъ! Арины Леонтьевны Миша-то ужъ на живейномъ ѣдетъ — вѣрно въ хорощее мѣсто!» Не могу вытерпѣть!

— Какъ, говорю,—вамъ, дяденька, угодно, а только я долой соскочу.

А онъ меня прихватилъ и смѣется.

— Неужели, говорить,—у васъ въ Орлѣ уже все подь рядъ дураки, что будутъ думать, будто старый дядя станетъ тебя куда-нибудь по дурнымъ мѣстамъ возить? Гдѣ у васъ тутъ самый лучший часовщикъ?

— Самый лучший часовщикъ у насъ нѣмецъ Керль почитается; у него на окнахъ армъ съ часами на головѣ во все стороны глазами мигаетъ. Но только къ нему черезъ Орлицкій мостъ надо на Болховскую ѣхать, а тамъ въ магазинахъ знакомые куницы изъ оконъ смотрятъ; я мимо ихъ ни за что на живейномъ не поѣду.

Дядя все равно не слушаетъ.

— Пошелъ, говорить,—извозчикъ, на Болховскую, къ Керну.

Пріѣхали. Я его упробилъ, чтобы онъ хоть здѣсь отпустилъ извозчика,—что я назадъ ни за что въ другой разъ по тѣмъ же улицамъ не поѣду. На это онъ согласился. Меня назвалъ еще разъ дуракомъ, а извозчику далъ пятиалтынный и часы мнѣ купилъ серебряные съ золотымъ ободочкомъ и съ цѣпочкой.

— Такіе, говорить,—часы у насъ, въ Ельцѣ, теперь самые модные; а когда ты ихъ заводилъ приучишься, а я другой разъ пріѣду—я тебѣ тогда золотые куплю и съ золотой цѣпочкой.

Я его поблагодарилъ и часамъ очень радъ, но только прощусь, чтобы все-таки онъ болыле на извозникахъ со мною не ѣздилъ.

— Хорошо, хорошо, говорить,—веди меня скорѣе въ Борисоглѣбскую гостиницу; намъ надо тамъ сквозной номеръ нанять.

Я говорю:

— Это отсюда рукой подать.

— Ну, и поидемъ. Намъ здѣсь у васъ въ Орлѣ прохлаждаться некогда. Мы зачѣмъ пріѣхали? Себѣ голосистаго дьякона выбрать сейчасъ;—это и дѣлать. Время терять некогда. Проведи меня до гостиницы и самъ ступай домой къ матери.

Я его проводилъ, а самъ поскорѣе домой.

Прибѣжалъ такъ скоро, что всего часа еще не прошло, какъ вышелъ, и своимъ дяднѣ подарокъ, часы, показываю. Маменька посмотрѣла и говоритъ:

— Что жъ... очень хороши, — повѣсь ихъ у себя надъ кроватью на стѣнку, а то ты ихъ потеряешь.

А тетенька отнеслась еще съ критикой:

— Зачѣмъ же это, говорить, — часы серебряные, а ободокъ желтый?

— Это, отвѣчаю, — самое модное въ Ельцѣ.

— Пустилки какіе, говорить, — у нихъ въ Ельцѣ выдумываютъ. Старики умѣе въ Ельцѣ жили — все носили одного званія: серебряные часы такъ серебряные, а золотые такъ золотые; а это на что едно съ другимъ совокулело настолько, что Богъ разпо по землѣ разбѣялъ.

Но маменька помирила, что даровому коню въ зубы не смотреть, и опять сказали:

— Поди въ свою комнату и повѣсь надъ кроватью. Я тебѣ, въ воскресенье, подѣ ихъ монашкамъ заказу вышить подушечку съ бисеромъ и съ рыбьими чешуйками, а то ты какъ-нибудь въ кармапѣ стекло раздавишь.

И весело говорю:

— Починить можно.

— Какъ чинить понадобится. тогда часовникъ сейчасъ магнитную стрѣлку на камень въ серединѣ перемѣнить, и часы пропали. Лучше поди скорѣе повѣсь.

И, чтобы не спорить, вбилъ надъ кроватью гвоздикъ и повѣсилъ часы, а самъ прилежъ на подушку и гляжу на нихъ, любяся. Очевь мнѣ пріятно, что у меня такая благородная вещь. И какъ они хорошо, тихо тикаютъ: тикъ-тикъ-тикъ-тикъ... Я слушалъ, слушалъ да и заснулъ. Пробуждаюсь отъ громкаго разговора въ залѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Раздастся за стѣною и дяднѣ голосъ, и еще чей-то другой, незнакомый голосъ; а тоже слышно, что и маменька съ тетенькой тутъ находятся.

Незнакомый рассказываетъ, что онъ былъ уже у Богоявленія и тамъ дьякона слушалъ, и у Шикитя тоже былъ, но «надо, говорить, — ихъ вровняхъ ровно поставить и подѣ свой камергонъ слушать».

Дядя отвѣчаетъ:

— Что же, дѣйствуй; я въ Борисоглѣбской гостинницѣ все приготовилъ. Сквозь все комнаты открыты будутъ. Приблизкихъ никого нѣтъ, — кричите сколько хотите, обижаться будетъ никому. Отличная гостиница: туда только одни приказные изъ палатъ ходятъ съ челобитчиками, пока присутствіе; а вечеромъ совершенно никого нѣтъ, и даже передъ окнами какъ лѣсъ стоятъ оглобли да лубки на Подѣшской площади.

Познакомый отвѣчаетъ:

— Это намъ и нужно, а то у нихъ тоже нахальные любители есть и непремѣнно соберутся мой голосъ слушать и пересмѣивать.

— А ты развѣ боишься?

— Я не боюсь, а за нахальство разсержусь и поюю.

А у самого у него голосъ какъ труба.

— Я ихъ, говоритъ,—на свободѣ все примѣры объясню, какъ въ нашемъ городѣ любятъ. Послунаемъ, какъ они подведутъ и покажутъ себя на все лады: какъ ворчкомъ при облаченіи, какъ середину, какъ многолѣтній верхъ, какъ «во блаженномъ усепеніи» вошь пустить и памятную завоіку сдѣлать. Вотъ и вся недолга.

И дядя согласился:

— Да, говоритъ,—надо ихъ сравнять и тогда для всехъ безобидное рѣшеніе сдѣлать. Который къ нашему елецкому фасону больше потрафитъ, — о томъ станемъ хлопотать и къ себѣ его сманимъ, а который слабже выйдетъ, — тому дадимъ на рясу за безпокойство.

— Бери деньги съ собою,—а то у нихъ крадутъ.

— Да и ты тоже свои съ собой бери.

— Хорошо.

— Ну, а теперь ты иди уставляй угощеніе, а я за дяконами поѣду. Они просили, чтобъ въ сумерки, — потому что нашъ народъ, говорятъ, шельма: все пронохаеетъ.

Дядя и на это отвѣчаетъ согласно, но только говорить:

— Я вотъ этихъ сумерекъ-то у нихъ въ Орлѣ боюсь, а теперь скоро всеѣмъ стемнѣетъ.

— Ну, я, отвѣчаетъ незнакомый,—ничего не боюсь.

— А какъ ихній орловскій подлѣтъ съ тебя шубу стаптитъ? *)

*) Подлѣтъ—по стар. орловски то же, что въ Москвѣ «жуликъ», или въ Петербургѣ «мазурикъ» (см. «Историч. оч. г. Орла» Пясецкаго, 1874 г.).

— Ну, какъ же. Такъ-то онъ съ меня и стащитъ! Лучше пусть не попадается, а то я, пожалуй, и самъ съ него все стащу.

— Хорошо, что ты такъ силенъ.

— А ты съ племянникомъ ступай. Парнище такой, что кулакомъ вола ушибить можетъ.

Маменька отзывается:

— Миша слабъ,—гдѣ ему защищаться!

— Ну, пусть мѣдныхъ пятаконъ въ шершавку возьметъ, тогда и крѣпокъ сдѣлается.

Тетенька отзывается:

— Ишь, что выдумаетъ.

— Ну, а чѣмъ я худо сказала?

— На все у васъ въ Ельцѣ, видно, свое правило.

— А то какъ же? У васъ губернаторъ правила устанавливаетъ, а у насъ губернатора нѣтъ,—вотъ мы зато и сами себѣ даемъ правило.

— Какъ бить человѣка?

— Да, и какъ бить человѣка есть правила.

— А вы лучше до воровскаго часу не оставайтесь, такъ ничего съ вами и не приключится.

— А у васъ въ Орлѣ въ которомъ часу настаетъ воровской часъ?

Тетюшка отвѣчаетъ изъ какой-то книги:

— «Егда люди потранезуютъ и помоляся уснуть, въ той часъ встаютъ татѣ и исходя грабятъ».

Дядя съ незнакомымъ разсмѣялись. Имъ это все, что маменька съ тетенькой говорили, казалось будто невѣроятно или неразсудительно.

— Чего же, говорить,—у васъ въ такомъ случаѣ полицмейстеръ смотреть?

— Тетенька опять отвѣчаютъ отъ Писалия:

— «Аще не Господь хранить домъ — всеу бдитъ стретий». Полицмейстеръ у насъ есть съ названіемъ Цыганокъ. Онъ свое дѣло и смотритъ, хочетъ имѣнье купить. А если кого ограбятъ, онъ говоритъ: «Зачѣмъ дома не спалъ? И не ограбили бъ».

— Онъ бы лучше чаще обходы посылалъ.

— Ужъ посылалъ.

— Ну, и что же?

— Еще хуже стали грабить

— Отчего же такъ?

— Неизвѣстно. Обходъ пройдетъ, а подлѣты за нимъ вслѣдъ—и грабятъ.

— А можетъ-быть не подлѣты, а сами обходные и грабили.

— Можетъ-быть и они грабили.

— Надо съ кварталнымъ.

— А съ кварталнымъ еще того хуже, — на него, если пожалуешься, такъ ему же и за безчестье заплатишь.

— Экий городъ несуразимый! — вскричалъ Павелъ Миронычъ (я догадался, что это былъ онъ), и простился и вышелъ, а дядя пошевеливается и еще разсуждаетъ:

— Нѣтъ, и вправду, говорить, — у насъ въ Ельцѣ лучше. Я на живейномъ поѣду.

— Не ѣзди на живейникѣ! Живейный тебя обереть, да и съ санокъ долой скинетъ.

— Ну, такъ какъ хотите, а я опять племянника Мишу съ собой возьму. Насъ съ нимъ вдвоемъ никто не обидитъ.

Маменька сначала и слышать не хотѣла, чтобы меня отпустить, но дядя сталъ обижаться и говорить:

— Что же это такое: я же ему часы съ ободкомъ подарилъ, а онъ неужели будетъ ко мнѣ неблагодарный и пустой родственной услуги не окажетъ? Не могу же я теперь все дѣло разстроить. Павелъ Миронычъ вышелъ при моемъ полномъ обѣщаніи, что я съ ними буду и все приготовлю, а теперь вмѣсто того что же, я долженъ, наслушавшись валихъ страховъ, дома, что ли, остаться, или одинъ на вѣрную гибель идти?

Тетенька съ маменькой притихли и молчатъ.

А дядя настаиваетъ:

— Ежели бъ, говорить, — моя прежняя молодость, когда мнѣ было хоть сорокъ лѣтъ, — такъ я бы не боялся подлѣтовъ, а я мѣжь въ лѣтахъ, мнѣ шестьдесятъ пятый годъ, и если съ меня далеко отъ дому шубу долой стащутъ, то я пока безъ шубы приду, непременно воспаленіе плечъ пелучу, и тогда мнѣ надо молодую роженицу кровь оттянуть, или я тутъ у васъ и околю. Хороните меня тогда здѣсь на свой счетъ у Ивана Крестителя, и пусть надъ моимъ гробомъ вспомнятъ, что твой Мишка своего дядю родного, въ своемъ отечественномъ городѣ, безъ родственной услуги оставилъ, и одинъ разъ въ жизни проводить не пошелъ...

Тутъ мнѣ стало такъ его жалко и такъ совѣстно, что я сразу же выскочилъ и говорю:

— Нѣтъ, маменька, какъ вамъ угодно, но я дяденьку безъ родственной услуги не оставлю. Неужели я буду неблагодарный, какъ Альфредъ, котораго ряженые солдаты по домамъ представляютъ? Я вамъ въ ножки кланяюсь и прошу позволенія, не заставьте меня быть неблагодарнымъ, дозвоьте мнѣ дядюшку проводить, потому что они мнѣ родной и часы мнѣ подарили, и мнѣ будетъ отъ всѣхъ людей совѣстно ихъ безъ своей услуги оставить.

Маменька, какъ ни смущалась, должны были меня отпустить, но только ужъ зато строго-престрого наказывали, чтобы и не шлѣть, и по сторонамъ не смотрѣль, и никуда не заходить, и поздно не запаздывался.

Я ее всячески успокоиваю.

— Что вы, говорю, — маменька: зачѣмъ по сторонамъ, когда есть прямая дорога. Я при дядѣ.

— Все-таки, говорятъ, — хоть и при дядѣ, а до воровского часу не оставайся. Я спать не буду, пока вы домой обратите.

А потомъ стала меня за дверью крестить и шепчетъ:

— Ты на своего дяденьку Ивана Леонтьевича не очень смотри: они въ Ельцѣ всѣ колобродники. Къ нимъ даже и въ дома-то ихъ ходить страшно: чиновниковъ зазываютъ угощать, а потомъ въ ротъ силой льютъ, или выливаютъ за воротъ, и шубы спрячутъ, и ворота запрутъ, и запоютъ: «Кто не хочетъ пить—того будемъ бить». Я своего брата на этотъ счетъ знаю.

— Хорошо-съ, отвѣчаю,—маменька; хорошо, хорошо! Во всемъ за меня будьте покойны.

А маменька все свое:

— Сердце мое, говорятъ, — чувствуетъ, что это у васъ добромъ не кончится.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Наконецъ, вышли мы съ дяденькой наружу за ворота и пошли. Что такое съ нами подлѣты двумя могутъ сдѣлать? Маменька съ тетенькой, извѣстно, домосѣдки и не знаютъ того, что я одинъ по десяти человѣкъ на одинъ кулакъ колотилъ въ бою. Да и дяденька еще, хоть и пожилой человѣкъ, а тоже за себя постоять могутъ.

Побѣжали мы туда-сюда, въ рыбныя лавки и въ ренсковыя погреба, всего накупили и все посылаемъ въ Борисоглѣбскую, въ номера, съ большими кульками. Сейчас самовары грѣть заказали, закуски раскрыли, вино и ромъ разставили и хозяйина, борисоглѣбскаго гостинника, въ компанію пригласили и просимъ.

— Мы ничего дехорошаго дѣлать не будемъ, но только желаніе наше и просьба,—чтобы никто чужой не слыхалъ и не видалъ.

— Это, говоритъ,—сдѣлайте милость; клонѣ одинъ развѣ въ стѣнѣ услышитъ, а больше никому.

А самъ такой сося—все со спа ротъ крестить.

Вскорѣ же и Павелъ Миронычъ пріѣхалъ и обонхъ дьяконовъ съ собою привезъ: и богоявленскаго, и отъ Никитія. Закусили сначала кое-какъ, на черно, балычка да икорки, и сейчасъ поблагословились за дѣло, чтобы пробовать.

Три верхніе номера все сквозь въ одно были отворены. Въ одномъ, на кроватяхъ, одежду склали, въ другомъ, крайнемъ, закуску оставили, а въ среднемъ—голоса пробовать.

Прежде Павелъ Миронычъ посредниѣ комнаты сталъ и показать, что главное у нихъ въ Ельцѣ купечество отъ дьяконовъ любить. Голосъ у него, я вамъ говорилъ, престранный, даже какъ будто по лицу бѣсть и въ окнахъ на стеклахъ трещить.

Даже гостинникъ очулся и говоритъ:

— Вамъ бы самому и первымъ дьякономъ быть.

— Мало ли что! отвѣчаетъ Павелъ Миронычъ:—миѣ, при моемъ капиталѣ, и такъ жить можно, а я только люблю въ священномъ служеніи громкость слушать.

— Этого кто же не любить!

И сейчасъ послѣ того, какъ Павелъ Миронычъ прокричалъ, начали себя показывать дьякона: сначала одинъ, а потомъ другой одно и то же самое возглашать. Богоявленскій дьяконъ былъ черный и мягкій, весь какъ на ватѣ стеганъ, а никитскій рыжій, сухой, что есть хрѣмовый корень, и бородка маленькая, смычкомъ; а какъ понли кричать, выбрать невозможно, который лучше. Въ одномъ родѣ у одного лучше выходитъ, а въ другомъ у другого пріятнѣе. Сначала Павелъ Миронычъ представилъ, какъ у нихъ въ Ельцѣ любятъ, чтобы издали ворчанье раздавалось. Проворчалъ «Достойно есть», и потомъ «Прободи владыко» и

«Пожри владыко», а потомъ это же самое сдѣлали оба дьякона. У рыжого ворчокъ вышелъ лучше. Въ чтеніи Павелъ Мироничъ съ такого съ низа взялъ, что ниже самаго низкаго, какъ будто издалека вѣтромъ наноситъ: «Во время онно». А потомъ пачалъ выходить все выше да выше и, наконецъ, сдѣлалъ такое восклицовеніе, что стекла зазвенѣли. И дьяконѣ въ-ровняхъ съ нимъ не отставали.

Ну, потомъ, такимъ же манеромъ, и все прочее, какъ икательно вести и какъ ее надо ибвчимъ въ топъ подводить, потомъ радостное многолѣтіе «и о спасеніи»; потомъ заунывное—«вѣчный покой». Сухой никитскій дьякопъ завойкою такъ всѣмъ понравился, что и дядя, и Павелъ Мироничъ начали плакать и его цѣловать и еще уирашивать, нельзя ли развести отъ всего своего естества еще поужаснѣе.

Дьякопъ отвѣчаетъ:

— Отчего же ибтъ: мнѣ это религія допускаетъ, но надо бы чистымъ ямайскимъ ромомъ подкрѣпиться — отъ него раскатъ въ грудяхъ шире идетъ.

— Сдѣлай твое одолженіе — ромъ па то изготовленъ: хочешь изъ рюмки пей, хочешь изъ стакана хлепци, а еще лучше обороти бутылку да и перелей все сразу изъ горлышка.

Дьякопъ говоритъ:

— Нѣтъ, я больше стакана за разъ не обожаю.

Подкрѣпились—дьякопъ и пачалъ снизу «во блаженномъ усненіи вѣчный покой» и пошелъ все поднимать вверхъ и все съ густымъ подвоемъ «всѣмъ усопшимъ владыкамъ орловскимъ и сѣвскимъ, Аполлосу же и Досифею, Іонѣ же и Гавриилу, Никодиму же и Иннокентію», и какъ дошелъ до «с-о-т-т-в-о-о-р-р-и имъ», такъ даже весь кадыкъ клубкомъ въ горлѣ выпятить и такую завойку взвить, что укасъ сталъ нападать, и дяденька началъ креститься и подъ каровать ноги подсовывать, и я за нимъ то же самое. А изъ-подъ каровати, вдругъ, что-то бацъ насъ по будажкамъ,—мы оба вскрикнули и вразъ на середину комнаты выскочили и трисемся...

Дяденька въ испугѣ говоритъ:

— Ну васъ совсѣмъ! Оставьте ихъ... не зовите гхъ больше... они ужъ и такъ здѣсь подъ кроватью толкаются.

Павелъ Мироничъ спрашиваетъ:

— Кто подъ кроватью может толкаться?

Дядя отвѣчаетъ:

— Покойнички.

Павель Миронычъ, однако, не оробѣлъ: схватилъ свѣчку съ огнемъ, да подъ кровать, а на свѣчку что-то дунуло и подсвѣчникъ изъ рукъ вышибло, и лѣзетъ оттуда въ видѣ какъ будто нашъ кунецъ отъ Николы, изъ Мясныхъ рядовъ.

Всѣ мы, кромѣ гостинника, въ разныя стороны кинулись и твердимъ одно слово:

— Чуръ насъ! чуръ!

А за этимъ, изъ-подъ другой кровати, еще другой кунецъ выползаетъ. И мнѣ кажется, что и этотъ будто тоже изъ Мясныхъ рядовъ.

— Что же это значить?

А эти кунцы оба говорятъ:

— Пожалуйста, это ничего не значить... Мы просто любимъ басы слушать.

А первый кунецъ, который насъ съ дядей по ногамъ ударилъ и у Павла Мироныча свѣчу вышибъ, извиняется, что мы его сами сапогами зашибли, а Павель Миронычъ свѣчою чуть лицо не подпалилъ.

Но Павель Миронычъ разсердился на гостинника и сталъ его обвинять, что если за помера деньги заплочены, такъ не надо было стороннихъ людей безъ спроса подъ кровать накладывать.

А гостинникъ будто все спалъ, но оказался сильно выпивши.

— Эти хозяева, говоритъ,— мнѣ оба родственники: я имъ хотѣлъ рождественную услугу сдѣлать. Я въ своемъ домѣ, что хочу—все могу.

— Нѣтъ, не можешь.

— Нѣтъ, могу.

— А если тебѣ заплочено?

— Такъ что же, что заплочено? Это домъ мой, а мнѣ мой родные всякой платы дорожке. Ты побылъ здѣсь и уѣдешь, а они здѣсь всегдашніе: вы ихъ не пятками ткать, ни глаза имъ жечь огнемъ не смѣете.

— Не нарочно мы ихъ пятками ткали, а только ноги свои подвели,—говоритъ дядя.

— А вы ногъ бы не подводили, а прямо сидѣли.

— Мы подвели съ ужаса.

— Ну, такъ, что за бѣда. А они къ еретіи привержены и желамши слушать...

Павелъ Миронычъ вскинулъ.

— Да это нешто, говорить, — еретія? Это одинъ примѣръ для образованія, а еретія въ церкви.

— Все равно, — говорить гостинникъ: — это все къ одному и тому же касается.

— Ахъ, вы, поджигатели!

— А вы бунтовщики.

— Какіе?

— Дохлымъ мясомъ у себя торговали. Засѣдателя на ключъ заперли!

И пошли въ этомъ родѣ безконечныя глупости. И вдругъ все возмутилось, и уже гостинникъ кричить:

— Ступайте вы, мукомолы, вонъ изъ моего заведенія, и съ своими мясниками самъ продолжать буду.

Павелъ Миронычъ ему и погрозилъ.

А гостинникъ отвѣчаетъ:

— А если грозиться, такъ я, сейчасъ, такихъ орловскихъ молодцовъ кликну, что вы ни одного не переломленнаго ребра домой въ Елецъ не привезете.

Павелъ Миронычъ, какъ первый селецкій вилачъ, обидѣлся.

— Ну, что дѣлать, говорить, — зови, если съ мѣста встанешь, а я вонъ изъ номера не пойду; у насъ за вино деньги вложены.

Мясники захотѣли уйти, — вѣрно вздумали людей кликнуть.

Павелъ Миронычъ ихъ въ кучу, и кричить:

— Гдѣ ключъ? Я ихъ всѣхъ запру.

Я говорю дядѣ:

— Дяденька! Бога ради! Вотъ мы до чего досидѣлись! Тутъ можетъ убійство выйти! А дома теперь маменька и тетенька ждуть... Что онѣ думаютъ!.. Какъ беспокоятся!

Дядя и самъ устранился.

— Хватай шубу, говорить, — нока отнерто, и уйдемъ.

Выскочили мы въ другую комнату. захватили шубы, и рады, что на вольный воздухъ выкатились; но только тьма вокругъ такая густая, что и зги не видно, и снѣгъ мокрый-премокрый цѣлыми хлопками такъ въ лицо и лѣпится, такъ глаза и застилаетъ.

— Веди, — говоритъ дядя:—я что-то вдругъ все забылъ.—
гдѣ мы, и ничего разсмотрѣть не могу.

— Вы, говорю, — ужъ только скорѣй ноги унесите.

— Павла Мироньча не хорошо что оставили.

— Да, вѣдь, что же съ нимъ дѣлать?

— Такъ-го оно такъ... но первый прихаживай.

— Онъ силачъ; его не обидятъ.

А снѣгъ такъ и слѣпнётъ, и какъ мы изъ духоты выско-
чили, то ни вѣсть что кажется, будто кто-то со всѣхъ сто-
ронъ вылѣзаетъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Я, разумеется, дорогу отлично знаю, потому что го-
родъ нашъ небольшою и я въ немъ родился и выросъ, по
эта темнота и мокрый снѣгъ прямо изъ комнатнаго жара,
да изъ свѣта, точно у меня память отуманили.

— Позвольте, говорю, — дяденька, сообразить, гдѣ мы
находимся.

— Неужели же ты въ своемъ городѣ примѣть не знаешь?

— Итъ, знаю, молъ;—первая примѣта у насъ два со-
бора! одинъ новый, большой, а другой старый, маленькій,
и намъ надо промежду ихъ взять направо, а я теперь за
этимъ снѣгомъ не вижу ни большого собора, ни малаго.

— Вотъ тебѣ и раз! Этакъ и въ самомъ дѣлѣ съ насъ
шубы снимутъ или даже совсѣмъ раздѣнутъ, и нельзя
знать будетъ, куда бѣжать голымъ. На-смерть просту-
дѣться можно.

— Авось, Богъ дастъ, не раздѣнутъ.

— А ты знаешь этихъ купцовъ, которые изъ-подъ по-
стелей вылѣзли?

— Знаю.

— Обоихъ знаешь?

— Обоихъ знаю, одинъ называется Ефросинъ Ивановъ,
а другой Агафонъ Петровъ.

— И что же—они въ самдѣлѣ купцы?

— Купцы.

— У одного рожа-то мнѣ совсѣмъ не понравилась.

— Чѣмъ?

— Язовитское въ немъ ображеніе.

— Это Ефросинъ: онъ и меня разъ испугалъ.

— Чѣмъ?

— Мечтаніемъ. Я одинъ разъ виѣлъ, вечеромъ, ото всепочной мимо ихъ лавокъ и сталъ противъ Николы помолиться, чтобы пронесъ Богъ, — потому что у нихъ въ рядахъ злыя собаки; а у этого купца Ефросина Иваныча въ лавкѣ соловей свищетъ и сквозь заборныя доски лампада передъ иконой свѣтится... Я прилежъ къ щелкѣ подглядѣть и вижу: онъ стоитъ съ пожомъ въ рукахъ надъ бычкомъ, — бычокъ у его ногъ зарѣзанъ и связанными ногами брыгается, головой вскидываетъ; голова мотается на перерѣзанномъ горлѣ и кровь такъ и хлещетъ; а другой телокъ въ темномъ углѣ ножа ждетъ, не то мычить, не то дрожить, а надъ парной кровью соловей въ клѣткѣ яростно свищетъ, и вдали за Окою громъ погромыхиваетъ. Страшно мнѣ стало. Я испугался и крикнулъ: Ефросинъ Иванычъ! Хотѣлъ его просить меня до лавъ проводить, но онъ какъ вздрогнетъ весь... Я и убѣжалъ. И сейчасъ это въ памяти.

— Забѣлъ же ты теперь такую страшность рассказываешь?

— А что же такое? развѣ вы боитесь?

— Не боюсь, да не надо про странное.

— Вѣдь это хорошо кончилось. Я ему на другой день говорю: такъ и такъ, — я тебя испугался. А онъ отвѣчаетъ: а ты меня испугалъ, потому что я стоялъ, соловья заслушавшись, а ты вдругъ крикнулъ.

Я говорю: зачѣмъ же ты такъ чувствительно слушаешь?

— Не могу, отвѣчаетъ, — у меня часто сердце заходитъ.

— Да ты силенъ или нѣтъ? — вдругъ перебилъ дядя.

— Хвалиться, говорю, — особенной силой не стану, а если нятака три-четыре старинныхъ въ кулакъ зажму, то могу какого хотите подлѣта треснуть прямо на поминъ души.

— Да хорошо, говорить, — если онъ будетъ одинъ.

— Кто?

— Ну, кто, подлѣтъ-то! А если они двое или въ цѣлой компаніи?..

— Ничего, молъ: — если и двое, такъ справимся — вы поможете. А въ большой компаніи подлѣты не ходятъ.

— Ну, ты на меня не много надѣйся: я, братъ, старъ сталъ. Прежде, точно, я бивалъ во славу Божию такъ, что по Ельду знали и въ Ливпахъ...

Но не успѣлъ онъ это проговорить, какъ вдругъ, слышимъ, сзади насъ будто кто-то идетъ и еще поспѣваетъ.

— Позвольте, говорю,—миѣ кажется, какъ будто кто-то идетъ.

— А что? И я слышу, что идетъ,—отвѣчаетъ дядя.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Я молчу, дядя миѣ шепчетъ:

— Остановимся и вперёдъ его мимо себя пропустимъ.

А было это уже какъ разъ на спускѣ съ горы, гдѣ лѣтомъ къ Балашевскому мосту ходятъ, а зимой черезъ ледъ между барками.

Тутъ изстаря мѣсто самое глухое. На горѣ мало было домовъ и тѣ заперты, а внизу, вправо, на Орликѣ, дрянныя бани да пустая мельница, а сверху сюда обрывъ, какъ стѣна, а съ правой садъ, гдѣ всегда воры прятались. А полицмейстеръ Цыганокъ здѣсь будку построилъ, и народъ сталъ говорить, что будочникъ ворами помогаетъ... Думаю: кто это ни подходитъ—подлѣтъ или цѣтъ, а въ самомъ дѣлѣ лучше его мимо себя пропустимъ.

Мы съ дядей остановились... И что же вы думаете: тотъ человѣкъ, который сзади шелъ, тоже, должно-быть, сталъ, — шаговъ его сдѣлалось не слышно.

— Не ошиблись ли мы,—говоритъ дядя: — можетъ-быть никто не шелъ.

— Нѣтъ, отвѣчаю,—я явственно слышалъ шаги и очень близко.

Постояли еще,—ничего не слышно; но только-что дальнѣе пошли,—слышимъ онъ опять за нами поспѣваетъ... Слышно даже, какъ спѣваютъ и тяжело дышатъ.

Мы убавили шаги и идемъ тише,—и онъ тише; мы опять прибавимъ шагу — и онъ опять шибче подходитъ и вотъ-вотъ въ самый нашъ слѣдъ врѣзается.

Толковать болѣе печего: мы явственно поняли, что это подлѣтъ насъ слѣдить и слѣдить какъ есть съ самой гостиницы; значитъ, онъ насъ поджидать, и когда я на обходѣ запутался въ снѣгу между большимъ соборомъ и малымъ — онъ насъ и взялъ на примѣтъ. Теперь, значитъ, не миновать чему-нибудь случиться. Онъ одинъ не будетъ.

А снѣгъ, какъ на зю, еще сильнѣй повалилъ; идеши,

точно будто въ горшкѣ съ простоквашей мѣшаешь: бѣло и мокро,—всѣ облиши.

А впереди теперь у насъ Ока надо на ледъ сходить; а на льду пустыя барки, и чтобы къ намъ домой на ту сторону перейти, надо сквозь эти барки тѣсными проходцами пробираться. А у подлѣта, который за нами слѣдитъ, вѣрно тутъ-то гдѣ-нибудь и его воровскіе товарищи спрятаны. Имъ всего способнѣе на льду между барокъ грабить—и убить, и подъ воду спустить. Тутъ ихъ притонъ, и днемъ всегда можно видѣть ихъ мѣста. Логовица у нихъ налажена съ подстилкою изъ костры и изъ соломы, въ которыхъ они лежатъ, покуриваютъ и дожидаются. И особія женки кабацкія съ ними тутъ тоже привитали. Лихія бабенки. Бывало, выкажутъ себя, мужчину подманятъ и заведутъ, а ужъ тѣ грабятъ, а эти опять на караулѣ караулятъ.

Больше всего напали на тѣхъ, кто изъ мужского монастыря отъ всенощной возвращался, потому что наши ивъчихъ любили, и былъ тогда удивительный басъ Струковъ, ужаснаго обличья: черный, три хохла на головѣ и нижняя губа какъ будто откидной передокъ въ фазтонѣ отваливалась. Пока онъ реветъ—она все откинута, а потомъ захлопнется. Если же кто хотѣлъ цѣль отъ всенощной воротиться, то приглашали съ собою провожатыми приказныхъ Рябыкина или Корсунскаго. Оба силачи были и ихъ подлѣты боялись. Особливо Рябыкина, который былъ съ бѣльмомъ и по тому дѣлу находился, когда приказнаго Соломку въ Щекатихинской роцѣ на майскомъ гуляньѣ убили...

Я рассказываю все это дядѣ для того, чтобы ему о себѣ не думалось, а онъ перебиваетъ:

— Постой, ты меня совсѣмъ уморилъ. Все у васъ убиваютъ: отдохнемъ, по крайней мѣрѣ, передъ тѣмъ, какъ на ледъ сходить. Вотъ у меня еще есть при себѣ три мѣдныхъ пятака. Бери-ка ихъ тоже къ себѣ въ перчагу.

— Пожалуй, давайте, — у меня рукавичка съ варежкой свободная, три пятака еще могу захватить.

И только-что хочу у него взять эти пятаки, какъ, вдругъ, кто-то прямо мимо насъ изъ темноты выросъ и говоритъ:

— Что, добрые молодцы, кого ограбили?

Я думалъ: такъ и есть—подлѣтъ, но узналъ по голосу, что это тотъ мясникъ, о которомъ я сказывалъ.

— Это ты, говорю, — Ефросинъ Ивановичъ? Пойдемъ, братъ, съ нами вмѣстѣ заодно.

А онъ второпяхъ проходить, какъ будто съ снѣгомъ смѣшался, и на ходу отвѣчаетъ:

— Итъ, братцы, гусь свиный не товарищъ: вы себѣ свой дуванъ дувайте, а Ефросина не трогайте. Ефросинъ теперь голосовъ слышался, и въ немъ сердце въ груди зашевелилось... Щелкану — и живъ не останешься...

— Нельзя, говорю, — его остановить; — видите, онъ на шагъ счетъ въ ошибкѣ: онъ насъ за воровъ почитаетъ.

Дядя отвѣчаетъ:

— Да и Богъ съ нимъ, съ его товариществомъ. Отъ него тоже не знаешь, живъ ли останешься. Пойдемъ лучше, что Богъ дастъ, съ одною съ Божьей помощью. Богъ не выдастъ — свиныя не съѣстъ. Да теперь, когда онъ прошелъ, такъ стало и смѣло... Господи помилуй! Пинкола, мценскій заступникъ, Митрофаній воронежскій, Тихонъ и Юсафъ... Брысь! Что это такое?

— Что?

— Ты не видалъ?

— Что же тутъ можно видѣть?

— Вродѣ какъ будто кошка подъ ноги.

— Это вамъ показалось.

— Совсѣмъ какъ арбузъ покатился.

— Можетъ быть съ кого-нибудь шанку сорвало.

— Ой!

— Что вы?

— Я про шанку.

— А что такое?

— Да вѣдь ты же самъ говоришь: «сорвали»... Вѣрно тамъ, на горѣ, кого-нибудь тормошатъ.

— Итъ, вѣрно просто вѣтеръ сорвалъ.

И мы съ этими словами стали оба спускаться къ баркамъ на ледъ.

А барки, повторяю вамъ, тогда ставили просто, безъ всякаго порядка, одна около другой, какъ остановятся. Нагромождено, бывало, такъ странно тѣсно, что только между ними самыя узкіе коридорчики, гдѣ насилу можно пролѣзть и все туда да сюда загогулями заворачивать надо.

— Ну, тутъ, говорю, — дяденька, я отъ васъ скрывать не хочу, — здѣсь и есть самая опасность.

Дядя замерь,—ужь и святымъ не молится.

— Идите, говорю,—теперь вы, диденка, впередь.

— Затѣмъ же, шепчетъ,—впередь?

— Впереди безопаснѣе.

— А отчего безопаснѣе?

— Оттого, что если подлѣтъ на васъ палити, то вы сейчасъ на меня взадъ подадитесь, а я васъ тогда подержу, а его съѣзжу. А сзади мнѣ васъ не видно: подлѣтъ вамъ можетъ рукою или скользкою мочалкою ротъ захватить,—а я и не услышу... идти буду.

— Нѣтъ, ты не иди... А какія же у нихъ есть мочалки?

— Скользкія такія. Женки ихъ изъ-подъ бань собираютъ и имъ приносятъ рты затыкать, чтобы голосу не было.

Вижу, дядя все это разговариваетъ, потому что впереди идти бонется.

— Я, говорить,—впереди идти опасаясь, потому что онъ можетъ меня по лбу гирей стукнуть, а ты тогда и заступиться не успѣешь.

— Ну, а позади вамъ еще страннѣе, потому что онъ можетъ васъ въ затылокъ свайкой свистнуть.

— Какой свайкой?

— Что же это вы спрашиваете: развѣ вамъ неизвѣстно, что такое свайка?

— Нѣтъ, я знаю: свайка для игры дѣлается,—желѣзная, острая...

— Да, острая.

— Съ круглой головкой?

— Да, фунта въ три, въ четыре, головка шарикомъ.

— У насъ въ Ельцѣ на это носятъ кистени; но чтобы свайкой,—я это въ первый разъ слышу.

— А у насъ въ Орлѣ первая самая любимая мода — по головѣ свайкой. Такъ черепъ и треснетъ.

— Однако, пойдемъ лучше рядомъ подь-ручки.

— Тѣсно вдвоемъ между барками.

— А какъ это... свайкой-то, въ самомъ дѣлѣ.. Лучше какъ-нибудь тискаться будемъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Но только мы взялись подь-локотки и по этимъ коридорчикамъ, между барокъ, тискаться начали,—слышимъ, и тотъ,

задній опять отъ насъ не отсталъ, опять онъ сзади за нами лѣзетъ.

— Скажи, пожалуйста, говорить дядя:—вѣдь это, значить, не мясникъ былъ?

Я только плечами двинулъ и прислушиваюсь.

Шуршитъ, слышно какъ боками лѣзетъ и вотъ-вотъ сейчасъ меня рукою сзади схватить... А съ горы, слышно, еще другой бѣжитъ... Ну, видимо дѣло, подлѣты.—надо уходить. Рванулись мы впередъ, да нельзя скоро идти, потому что и темно, и тѣсно, и ледышки торчкомъ стоятъ, а этотъ ближній подлѣтъ совсѣмъ ужъ за моими плечами... дышитъ.

Я говорю дядѣ:

— Все равно, нельзя миновать—оборотимся.

Думалъ такъ, что-либо пусть онъ мимо насъ пройдетъ, либо ужъ лучше его самому кулакомъ съ пятаками въ лицо встрѣтить, чѣмъ онъ сзади стукнетъ. Но только-что мы къ нему передомъ оборотились, — онъ какъ пригнется, бездѣльникъ, да какъ котъ между насъ шаркнетъ!..

Мы оба съ дядей такъ съ ногъ долой и срѣзались.

Дядя кричитъ мнѣ:

— Лови, лови, Минутка! Онъ съ меня бобрый картузъ сорвалъ.

А я ничего не вижу, но про часы вспомнилъ, и хватъ себя за часы. А вообразите, моихъ часовъ уже нѣтъ... Сорвалъ, бестія!

— Съ меня съ самого, отвѣчаю,—часы спяты!

И я, себя позабывши, кинулся за этимъ подлѣтомъ изо всей мочи и на свое счастье впотьмахъ тутъ же его за баркою изловилъ, ударилъ его изо всей силы по головѣ пятаками, сбилъ съ ногъ и сѣлъ на него:

— Отдавай часы!

Онъ хоть бы слово въ отвѣтъ; но зубами меня, подлецъ, за руку тянулъ.

— Ахъ ты, собака! говорю. Нишь какъ кусается! — И треснулъ его хорошенько во-усыеъ, да обшлагомъ рукава ему ротъ заткнулъ, а другою рукою прямо къ нему за пазуху и сразу часы нашелъ и вытащилъ.

Тутъ же, сейчасъ, и дядя подскочилъ:

— Держи его, держи, говорить:—я его разутюжу.

И начали мы его утюжить и по-слецки, и по-орловски. Жестоко его отколошматили, до того, что онъ только вы-

рвался отъ насъ, такъ и не вскрикнулъ, а словно заяцъ ударился; и только ужъ когда за Плаутинъ колодець за-бѣжалъ, такъ оттуда закричалъ «карауль»; и сейчасъ же опять кто-то другой по ту сторону, на горѣ, закричалъ «карауль».

— Каковы разбойники!—говорить дядя. —Сами людей грабить и сами еще на обѣ стороны карауль кричать!.. Ты часы у него отнял?

— Отпялъ.

— А что жъ ты мой картузь не отнял?

— У меня, отвѣчаю, — про ваиъ картузь совсѣмъ изъ головы вышло.

— А вотъ мнѣ теперь холодно. У меня плѣшь.

— Надѣньте мою шапку.

— Не хочу я твоей. Мой картузь у Фалеева пятьдесятъ рублей данъ.

— Все равно, говорю, теперь не видно.

— А ты же какъ?

— Я такъ, въ простыхъ волосахъ дойду. Да ужъ и близко,—сейчасъ за уголь завернуть и нашъ домъ будетъ. Моя шапка, однако, вышла дядѣ мала. Онъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ и платкомъ повязался.

Такъ домой и прибѣжали.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Маменька съ тетенькой еще не ложились спать: обѣ чулки визали —насъ дожидались. И какъ увидали, что дядя вошелъ весь въ снѣгу вываленъ и по-бабьему носовымъ платкомъ на головѣ повязанъ, такъ обѣ разомъ ахнули и заговорили:

— Господи! что это такое!.. Гдѣ же зимній картузь, который на васъ былъ?

— Пропдай, братъ, мой зимній картузь!.. Изъте его,—отвѣчасть дядя.

— Владычица наша Пресвятая Богородица! Гдѣ же онъ дѣлся?

— Ваши орловскіе подлѣты на льду спяли.

— То-то мы слышали, какъ вы «карауль» кричали. Я и говорила сестрицѣ: вышли трепачей — я будто невпный Мининъ голосъ слышу.

— Да! Пока бы твои трепачи проснулись да вышли —

отъ насъ и званія не осталось... Нѣтъ, это не мы «карауль» кричали, а воры; а мы сами себя оборонили.

Маменька съ тетенькой вскипѣли.

— Какъ? Неужели и Миша силой усиливался?

— Да Миша-то и все главное дѣло сдѣлалъ,—онъ только вотъ мою шанку упустилъ, а зато часы отнялъ.

Маменька, вижу, и рады, что я такъ поправился, но говорятъ:

— Ахъ, Миша, Миша! А я же, вѣдь, тебя какъ просила: не пей ничего и не сиди до поздняго, воровского часу. Зачѣмъ ты меня не слушалъ?

— Простите, говорю,—маменька,—я пить ничего не пилъ, а никакъ не смѣлъ одного дяденьку тамъ оставить. Сами видите, если бы они одни возвращались, то съ ними какая могла быть большая неприятность.

— Да все равно, и теперь картузь сняли.

— Ну, теперь еще что!.. Картузь дѣло наживное.

— Разумѣется,—слава Богу, что ты часы снялъ.

— Да-съ, маменька, снялъ. И ахъ какъ снялъ! — сшибъ его въ одну минуту съ ногъ, ротъ рукавомъ заткнулъ, чтобы онъ не кричалъ, а другою рукою за пазухой обвелъ и часы вынулъ и тогда его вмѣстѣ съ дяденькой колотить начали.

— Ну, ужъ это напрасно.

— А нѣтъ-съ! Пусть, шельма, помнить.

— Часы-то не испортились?

— Нѣтъ-съ, не должно быть,—только, кажется, цѣпочку оборвалъ...

И съ этимъ словомъ вынимаю изъ кармана часы и разсматриваю цѣпочку, а тетенька всматриваются и спрашиваютъ:

— Да это чьи же такіе часы?

— Какъ чьи? Разумѣется, мои.

— А вѣдь твои были съ ободочкомъ.

— Ну, такъ что же?

А самъ смотрю — и вдругъ вижу: въ самомъ дѣлѣ, на этихъ часахъ золотого ободочка нѣтъ, а вмѣсто того на серебряной дощечкѣ пастушка съ пастушкомъ, и у нихъ ногъ—овечка...

Я весь затрясся.

— Что же это такое??! Это не мои часы!

И всё стоять, не понимают.

Тетенька говорит:

— Вот так штука!

А дяденька успокаивает:

— Пойдите, говорит, — не пугайтесь; верно они Минуткины часы съ собой захватили, а эти съ кого-нибудь съ другого еще раньше сняли.

Но я швырнул эти вынутые часы на стол, и чтобы их не видѣть, бросился въ свою комнату. А тамъ, слышу, на стѣнкѣ, надъ кроватью, мои часы потюкиваютъ: тикъ-такъ, тикъ-такъ, тикъ-такъ.

Я подскочилъ со свѣчой и вижу—они самые, мои часы съ ободочкомъ... Висятъ, какъ святые, на своемъ мѣстѣ!

Тутъ я треснулъ себя со всей силы ладонью въ лобъ и уже не заплакалъ, а завылъ...

— Господи! да кого же это я ограбилъ?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Маменька, тетенька, дядя — всё испугались, прибѣжали, трясутъ меня.

— Что ты, что ты? Успокойся!

— Отстаньте, говорю, — пожалуйста! Какъ мнѣ можно успокоиться, когда я человѣка ограбилъ!

Маменька заплакали.

— Онь, говорятъ, — полюбился, — онъ увидалъ, что ли, что-нибудь страшное!

— Разумѣется, увидалъ, маменька!.. Что тутъ дѣлать!

— Что же такое ты увидалъ?

— А вотъ это самое, посмотрите сами.

— Да что? гдѣ?

— Да вотъ, вотъ это! Смотрите! Или вы не видите, что это такое?

Они поглядѣли на стѣнку, куда я имъ показалъ, и видятъ: на стѣнкѣ висятъ и преспокойно тикаютъ подаренные мнѣ дядей серебряные часы съ золотымъ ободочкомъ...

Дядя первый образумился.

— Святъ, святъ, святъ! говоритъ:—вѣдь это твои часы?

— Ну да, конечно, мои!

— Ты ихъ, значитъ, вѣрно, и не надѣвалъ, а здѣсь оставилъ?

— Да ужъ видите, что здѣсь оставилъ.

— А тѣ-то... тѣ-то... Чьи же это, которые ты снялъ?

А я почему знаю, чьи они!

— Что же это! Сестрицы мои, голубушки! Вѣдь это мы съ Мишей кого-то ограбили!

Маменька такъ съ ногъ долой и срѣзалась: какъ стояла, такъ вскрикнула и на томъ же мѣстѣ на полъ сѣла.

Я къ ней, чтобы поднять, а она гнѣвно:

— Прочь, грабитель!

Тетенька же только крестить во все стороны и приговариваетъ:

— Святъ, святъ, святъ!

А маменька схватилась за голову и шепчуть:

— Избили кого-то, ограбили и сами не знаютъ кого!

Дядя ее поднимать и успокаиваетъ:

— Я да ужъ успокойся, не путнаго же кого-нибудь избил.

— Почему вы знаете? Можетъ-быть и путнаго; можетъ-быть кто-нибудь отъ больного посланъ за лѣкаремъ.

Дядя говоритъ:

— А какъ же мой картузь? Зачѣмъ онъ картузь со-реаль?

— Богъ знаетъ, что такое вашъ картузь и гдѣ вы его оставили.

Дядя обидѣлся, но матушка его оставила безъ вниманія, и опять ко мнѣ.

— Берегла сына столько лѣтъ въ страхѣ Божиемъ, а онъ вотъ къ чему уготовался: тать не тать, а на ту же стать... Теперь за тебя послѣ этого во всемъ Орлѣ ни одна путная дѣвушка и замужъ не пойдетъ, потому что теперь все, все узнаютъ, что ты самъ подлѣтъ.

Я не вытерпѣлъ и громко сказалъ:

— Помилуйте, маменька! Какой же я подлѣтъ, когда это все по ошибкѣ!

Но она не хочетъ и слушать, а все ткнетъ меня косточками перстовъ въ голову, да причитываетъ причтою по горю-злосчастію:

— Учила: живи, чадо, въ незлобіи, не ходи въ игры и въ братчины, не пей двѣ чары за единый вздохъ, не ложись въ мѣсто заточное, да не сняли бъ съ тебя драгіе порты, не досишь бы тебѣ стыда-срама великаго, и черезъ тебя племени укору и поносу бездѣльнаго. Учила: не ходи,

чадо, къ корыстямъ и къ корчемникамъ, не думай какъ бы украсти-ограбити, но не захотѣлъ ты матери покориться; снимай теперь съ себя платье гостинное и накинъ на себя гуньку кабацкую *) и дожидайся, какъ сейчасъ будошники застучать въ ворота, и самъ Цыганокъ въ нашъ честный домъ ввалится.

И все сама причитаеть, а сама меня костяшкой пристукиваетъ въ голову.

А тетенька, какъ услыхала про Цыганка, такъ и вскрикнула: — Господи! Избавь насъ отъ мужа кровей и отъ Арида! Боже мой! То-есть это настоящій адъ въ домѣ сдѣлался. Обнялись тетенька обѣ съ маменькой и, обнявшись, обѣ плачучи удалились. Остались только мы вдвоемъ съ дядей.

Я сѣлъ, облокотился обѣ столъ и не помню, сколько часовъ просидѣлъ, все думалъ: кого же это я ограбилъ? Можетъ-быть это французъ Сенвенсанъ съ урока ишелъ, или у предводителя Страхова въ домѣ опекунскій секретарь жилъ... Каждаго жалко. А вдругъ, если это мой крестный Кулабуховъ съ той стороны отъ палатскаго секретаря шелъ!.. Хотѣлъ — потихоньку, чтобы не видали съ кулѣчкомъ, а я его тутъ и обработалъ... Крестники!.. своего крестнаго!

— Пойду на чердакъ и повѣшусь. Больше мнѣ ничего не остается.

А дядя только ожесточенно чай пилъ, а потомъ какъ-то—я даже и не видагъ, какъ — подходить ко мнѣ и говорить:

— Полно сидѣть, повѣся носъ, надо дѣйствовать.

— Да что же, отвѣчаю, — разумѣется, если бы можно узнать, съ кого я часы снялъ...

— Ничего; вставай поскорѣе и пойдемъ вмѣстѣ, сами во всемъ объявимся.

— Кому же будемъ объявляться?

— Разумѣется, самому вашему Цыганку и объявимся.

— Срамъ какой сознаваться!

— А что же дѣлать? Ты думаешь мнѣ охота къ Цыганку?.. А все-таки лучше самимъ повиниться, чѣмъ онъ насъ разыскивать станетъ: бери обои часы и пойдемъ.

Я согласился.

Взялъ и свои часы, которые мнѣ дядя подарилъ, и тѣ,

*) Гуня — старинное слово; значить: обпосокъ, рублище. Въ Орлѣ 50 лѣтъ назадъ еще говорили «гуня».

которые почью съ собою принесли и, не здоровавшись съ маменькою, пошли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Пришли въ полицію, а Цыганокъ сидитъ уже въ присутствіи передъ зеркаломъ, а у его дверей стоитъ молодой квартальный, князь Солнцевъ-Засѣкинъ. Роду былъ знаменитаго, а таланту неважнаго.

Дядя увидалъ, что я съ этимъ княземъ поклонился и говорить:

— Неужели онъ правду князь?

— Ей-Богу, констинѣ.

— Поблести ему чѣмъ-нибудь между пальцевъ, чтобы онъ выскочилъ на минутку на лѣстницу.

Такъ и сдѣлалось: я повергълъ полуолтинникъ — князь на лѣстницу и выскочилъ.

Дядя далъ ему полуолтинникъ въ руку и проситъ, чтобы насъ какъ можно скорѣе въ присутствіе пустить.

Квартальный сталъ сказывать, что нонче, говорятъ, ночью у насъ въ городѣ произошло очень много происшествіевъ.

— И съ нами тоже происшествіе случилось.

— Ну, да вѣдь какое? Вы вотъ оба въ своемъ видѣ, а тамъ на рѣкѣ одного человѣка подъ ледъ спустили; два кунца на Полѣнской площади всѣ оглобли, слези и лубки поваляли; одинъ человѣкъ безъ памяти подъ корытомъ найденъ, да съ двохъ часы сняли. Я одинъ и остаюсь при дежурствѣ, а всѣ прочіе бѣгаютъ, подлѣтовъ ищутъ...

— Вотъ, вотъ, вотъ, ты и доложи, что мы пришли дѣло объяснить.

— Вы подравнись, или по родственной непріятности?

— Нѣтъ, ты только доложи, что мы по секретному дѣлу; намъ объ этомъ дѣлѣ при людяхъ объяснять совѣстно. Получи еще полмонетки.

Князь спряталъ полтинникъ въ карманъ и черезъ пять минутъ кличетъ насъ:

— Пожалуйте.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Цыганокъ такой былъ хохоль приземистый — совсѣмъ какъ черный тараканъ; усы торчкомъ, а разговоръ самый грубый, хохлацкій.

Дядя по-своему, по-елецки, захотѣль-было къ нему близко, но онъ закричалъ:

— Говорите здалеча.

Мы остановились.

— Что у васъ за дѣло?

Дядя говоритъ:

— Перво-на-перво—вотъ.

И положилъ на столъ баранка въ бумажкѣ. Цыганокъ прикрылъ.

Тогда дядя сталъ рассказывать.

— Я елецкій купецъ и церковный староста, приѣхалъ сюда вчерашній день по духовной надобности; присталъ у родственницъ за Плаутинымъ колодеземъ...

— Такъ это васъ, что ли, нонче ночью ограбили?

— Точно такъ; мы возвращались съ племянникомъ въ одиннадцать часовъ и за нами слѣдовалъ неизвѣстный человекъ; а какъ мы стали переходить черезъ ледъ между барокъ, онъ...

— Постоите... А кто же съ вами былъ третій?

— Третьяго съ нами никого не было, окромѣ этого вора, который бросился...

— Но кого же тамъ почью утопили?

— Утопили?

— Да!

— Мы объ этомъ ничего неизвѣстны.

Полицмейстеръ позвонилъ и говоритъ квартальному:

— Взять ихъ за клинъ!

Дядя взмолился.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе! Да за что же насъ!.. Мы сами пришли рассказать...

— Это вы человекъ утопили?

— Да мы даже ничего и не слышали, ни о какомъ утопленіи. Кто утонулъ?

— Неизвѣстно. Бобровый картузь изгаженный у проруби найденъ, а кто его носилъ—неизвѣстно.

— Бобровый картузь!?

— Да; покажите-ка ему картузь, что онъ скажетъ:

Квартальный досталъ изъ шкафа дядинъ картузь.

Дядя говоритъ:

— Это мой картузь. Его вчера съ меня на льду воръ сорвалъ.

Цыганокъ глазами захопалъ.

— Какъ воръ? Что ты врешь! Воръ не шанку снять, а горъ часы укралъ.

— Часы? Съ кого, ваше высокоблагородіе?

— Съ никитскаго дьякона.

— Съ никитскаго дьякона!

— Да; и его очень избіли, этого никитскаго дьякона.

Мы, знаете, такъ и обомлѣли.

Такъ вотъ это кого мы обработали!

Цыганокъ говорить:

— Вы должны знать этихъ мошенниковъ.

— Да, отвѣчасть дяди:—это мы сами и есть.

И рассказалъ все, какъ дѣло было.

— Гдѣ же теперь эти часы?

— Извольте вотъ одни часы, а вотъ другіе.

— И только?

Дядя пустилъ еще баранка и говорить:

— Вотъ это еще къ сему.

Прикрылъ и говорить:

— Привести сюда дьякона!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Входитъ сухощавый дьяконъ, весь избитъ и голова перевязана.

Цыганокъ на меня смотритъ и говорить:

— Видишь?!

Кланяюсь и говорю:

— Ваше высокоблагородіе, я все претерпѣть достоинъ, только отъ дальняго мѣста помилуйте. Я одинъ сынъ у матери.

— Да нѣтъ, ты христіанинъ или нѣтъ? Есть въ тебѣ чувство?

Я вижу такаій разговоръ несоотвѣтственный и говорю:

— Дяденька, дайте за меня баранка, вамъ дома отдадутъ.

Дядя подаль.

— Какъ это у васъ происходило?

Дьяконъ сталъ рассказывать, что были, говорить, мы цѣлой компаніей въ борисоглебской гостиницѣ и очень все было хорошо и благородно, по потомъ гостинникъ постороннихъ слушателей подъ кровать положить за ма-

рычь, а одинъ елецкій купецъ обидѣлся и вышла коло-товка. Я тихо одѣлся и самъ вышелъ, но какъ обогнули присутственныя мѣста, вижу, впереди меня два человѣка подкарауливаютъ. Я останавлюсь, чтобы они ушли дальше, и они остановятся; я пойду — и они идутъ. А вдругъ между тѣмъ издали слышу еще меня кто-то сзади настигаетъ... Я совсѣмъ испугался, бросился, а тѣ два обернулись ко мнѣ въ узкомъ проходѣ, между барокъ, и дорогу мнѣ загородили... А задній съ горы совсѣмъ нагоняетъ. Я поблагословился въ умъ: Господи благослови! да пригнулся, чтобы сквозь этихъ двухъ проскочить, и проскочилъ, но они меня нагнали, съ ногъ свалили, избили и часы сорвали... Вотъ и цѣпочки обрывокъ.

— Покажите цѣпочку.

Сложилъ обрывочекъ цѣпочки съ тѣмъ, что при часахъ остался, и говорить:

— Это такъ и есть. Смотрите, ваши эти часы?

Дьяконъ отвѣчаетъ:

— Это самые мои, и я ихъ желаю въ-обратъ получить.

— Этого нельзя, они должны остаться до разсмотрѣнія.

— А какъ же, говорить, — за что я избить?

— А вотъ это вы у нихъ спросите.

Тутъ дядя вступился.

— Ваше высокородіе! Что же насъ спрашивать пона-прасну. Это въ дѣйствительности наша вина, это мы отца дьякона били, мы и исправимся. Вѣдь мы его къ себѣ въ Елецъ беремъ.

А дьяконъ такъ обидѣлся, что совсѣмъ и не въ ту сторону.

— Нѣтъ, говорить, — позвольте еще, чтобы я въ Елецъ согласился. Богъ съ вами совсѣмъ: только упросили и сей-часъ же на первый случай такое надо мной обхожденіе.

Дядя говоритъ:

— Отецъ дьяконъ, да вѣдь это въ ошибкѣ все дѣло.

— Хороша ошибка, когда мнѣ шею нельзя повернуть.

— Мы тебя вылѣчимъ.

— Нѣтъ, я, говорить, — вашего лѣченія не хочу, меня всегда у Финогенича банщикъ лѣчитъ, а вы мнѣ заплатите тысячу рублей на отстройку дома.

— Ну и заплатимъ.

— Я вѣдь это не въ шутку; меня бить нельзя... на мнѣ сань.

— И сань удовлетворимъ.

И Цыганокъ тоже дядѣ помогать сталъ:

— Елецкіе, говоритъ, — куницы удовлетворятъ... Кто тамъ еще за клиномъ есть?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Вводятъ борисоглѣбскаго гостинника и Павла Мироныча. На Павлѣ Миронычѣ сюртукъ изодранъ и на гостинникѣ тоже.

— За что дрались? — спрашиваетъ Цыганокъ.

А они оба кладутъ ему по барашку на столъ и отвѣчаютъ:

— Ничего, говорятъ, — ваше высокоблагородіе не было, мы опять въ полной пріязни.

— Ну, прекрасно, если за побой не сердитесь — это ваше дѣло; а какъ же вы смѣли сдѣлать безпорядокъ въ городѣ? Зачѣмъ вы на Польшской площади все корыты и лубья, и оглобли поваляли?

Гостинникъ говоритъ, что по нечаянности.

— Я, говоритъ, — его хотѣлъ вести ночью въ полицію, а онъ — меня; другъ дружку тянули за руки, а мясникъ Агафонъ мнѣ поддерживалъ; въ снѣгу сбились, на площадь попали — никакъ не пролѣзть... все валяться пошло... Со страху кричать начали... Обходъ взяли... часы пропали...

— У кого?

— У меня.

Павель Миронычъ говоритъ:

— И у меня тоже.

— Какія же доказательства?

— Для чего же доказательства? Мы ихъ не ищемъ.

— А мясника Агафона кто подъ корыто подсунулъ?

— Этого знать не можемъ, — отвѣчаетъ гостинникъ: — не иначе какъ корыто на него повалилось и его прихлопнуло, а онъ заснулъ подъ нимъ хмельной. Отпустите насъ, ваше высокоблагородіе, мы ничего не ищемъ.

— Хорошо, — говоритъ Цыганокъ: — только надо другихъ кончить. Введите сюда другого дьякона.

Пришелъ черный дьяконъ.

Цыганокъ ему говоритъ:

— Вы это зачѣмъ же ночью будку разбили?

Дьяконъ отвѣчаетъ:

— Я, говоритъ, — ваше высокоблагородіе, былъ очень испугавшись.

— Чего вы могли испугаться?

— На льду какіе-то люди стали громко «карауль» кричать; я назадъ бросился и прошусь къ будошнику, чтобы онъ меня отъ подлѣтовъ спрятать, а онъ гонитъ: я, говоритъ, не встану, я подметки подъ сапоги отдать подкинуть. Тогда я съ перепуга на дверь понаперъ, дверь сломалась. Я виноватъ — спломъ вскочилъ въ будку и заснулъ, а утромъ всталъ, смотрю: ни часовъ, ни денегъ нѣтъ.

Цыганокъ говоритъ:

-- Что же, елецкіе? Видите, и этотъ дьяконъ черезъ васъ пострадалъ, и у него часы пропали.

Павель Миронычъ и дядя отвѣчаютъ:

— Ну, ваше высокоблагородіе, намъ надо домой сходить занять у знакомцевъ, здѣсь при насъ больше нѣту.

Такъ и вышли все, а часы тамъ остались. И скоро въ этомъ во всемъ утѣшились, и много еще было смѣху и потѣхи, и нанялся я тогда съ ними въ первый разъ въ жизни пьянъ въ борисоглѣбской и ѣхать по улицѣ на извозчикѣ, платкомъ махалъ. Потомъ они денегъ въ Орлѣ заняли и уѣхали, а дьякона съ собой не увезли, потому что онъ ихъ очень забоялся. Какъ ни просили — не поѣхалъ.

— Я, говоритъ, — очень радъ, что мнѣ Господь даровалъ съ васъ за мою обиду тыщу рублей получить. Я теперь домикъ обстрою и здѣсь хорошее мѣсто у секретаря выхлопочу, а вы, елецкіе, какъ я вижу, очень дерзки.

Для меня же настало испытанье ужасное. Маменька отъ гнѣва на меня такъ занемогла, что стали близко гробу. Унылость во всемъ домѣ стала повсемѣстная. Лѣкаря Деппина не хотѣли: боялись, что онъ будетъ обо всемъ состояньи здоровья спрашивать. Обратились къ религін: въ дѣвичьемъ монастырѣ тогда жила мать Евникия, у которой была іорданская простыня, какъ Евникия въ Іорданѣ рѣкѣ омочилась, такъ ею потомъ отерлась. Этой простыней маменьку окрывали. Не помогло. Каждый день въ семи церквахъ съ семи крестовъ воду спускали. Не помогло. Мужикъ — леженка былъ, Есафейка, — все лежнемъ лежалъ, ничего не работалъ, — ему картузь яблочной рѣзани по-

стали, чтобы молился. То же самое и отъ этого помощи не было. Только, наконецъ, когда онъ вмѣстѣ съ сестрой въ Фишогеевичевы бани пошли и тамъ имъ рожечница крови сколота, только тогда она чѣмъ-нибудь распорядиться стала. Иорданскую простыню Кванкеѣ велѣла отдать назадъ, а собоѣ стала нескать взять въ домъ сиротку воспитывать.

Это свахино было паученіе. Своихъ дѣтей у нея много было, но она еще до сиротъ была очень милая — все ихъ приучала и маменькѣ стала говорить:

— Возьми въ домъ чужое дитя изъ бѣдности. Сейчасъ все у тебя въ своемъ домѣ перемѣнится: воздухъ другой сдѣлается. Господа для воздуха разставляютъ цвѣты, конечно, худа нѣтъ; но главное, для воздуха это, чтобы были дѣти. Отъ нихъ который духъ идетъ и тотъ ангеловъ радуешь, а сатана — скрежещеть... Особенно въ Шупкарной теперь одна дѣвка: такъ она съ дитемъ бьется, что даже подь орлицкую мельницу уже топить пошла.

Маменька проговорила:

— Скажи, чтобы не топила, а мнѣ подкинула.

Въ тотъ же день у насъ дѣвочка Маврутка и зашпала, и пошла кулачокъ сосать. Маменька ею занялась и перемѣна въ нихъ началась. Стали мнѣ оказывать язвительность.

— Тебѣ, говорятъ, — къ велику-дню вѣдь обноты не паде: ты теперь пьющій, тебѣ довольно гуньку кабацкую.

Я уже все терпѣлъ дома, но и на улицу мнѣ тоже нельзя было глаза показать, потому что рядовичи какъ увидятъ, дразнятся:

— Съ дьякона часы сиятъ.

Ни дома не жить, ни со двора пройтись.

Одна только сирота Маврутка мнѣ улыбалась.

Но сваха Матрена Терентьевна меня спасла и выручила. Простая была баба, а такая душевная.

— Хочешь, говорить, — молодецъ, чтобы тебѣ голову на плечи поставить? Я такъ поставлю, что если кто надъ тобой и смѣяться будетъ — ты и не почувствуешь.

Я говорю:

— Сдѣлайте милость, мнѣ жить противно.

— Ну, такъ ты, говорить, — меня одну и слушай. Поѣдемъ мы съ тобою во Мценскъ — Пшкоть угодинку усердно

помолимся и ослопную свѣчу поставимъ; и женю я тебя па кралѣ написанной, съ которой ты будешь вѣкъ-вѣковать, Бога благодарить, да меня вспоминать, и сиротъ бѣдныхъ жаловать, потому я къ сиротамъ милосердная.

Я отвѣчаю, что я сиротъ и самъ сожалью, а замужъ за меня теперь которая же хорошая дѣвушка пойдетъ.

— Отчего же? Это ничего не значить. Она умная. Ты вѣдь не со двора вынесь, а къ себѣ принеси. Это надо различать. Я ей прикажу понять, такъ она все въявь пойметъ и очень за тебя выйдетъ. А мы създимъ какъ хорошо къ Николѣ во все свое удовольствіе: лошадка въ телѣжкѣ идти будетъ съ клажею, съ самоваромъ, съ провизіей, а мы втроемъ иѣшкомъ пойдёмъ по протуварчику, для угодинка потрудимся: ты, да я, да она, да я себѣ для компаніи сиротку возьму. И она, моя лебедка, Алёнушка, тоже сиротъ сожальеть. Ее со мной во Мценскъ отускають. И вы тутъ съ ней пойдете-пойдете, да сядете, а посидите-посидите, да опять по дорожкѣ пойдете, и разговоритесь, а разговоритесь да слюбитесь, и какъ вкуснии любви, такъ увидишь ты, что въ ней вся наша и жизнь, и радость, и желаніе прожить въ семейной тихости. А на всѣ людскія рѣчи тебѣ тогда будетъ плевать, да и лица не взвораживать. Такъ все добро и пойдётъ, и бывшая шалость забудется.

Я и отирсился у маменьки къ Николѣ, чтобы душу свою исцѣлить, а остальное все стало какъ сваха Терентьевна сказывала. Подружился я съ дѣвицей Алёнушкой и позабылъ я про всѣ про исторіи; и какъ я па ней женился и пошелъ у насъ въ домъ дѣтскій духъ, такъ и маменька успокоилась, а я и о сю пору живу и все говорю: Благословенъ еси, Господи!

АНТУКА.

(РАЗСКАЗЪ).

«En-tout-cas» — зонтикъ на всякую погоду.
(Изъ моднаго прейсъ-куранти).

На скоромъ поѣздѣ между чешской Прагой и Вѣной я очутился vis-à-vis съ неизвѣстнымъ мнѣ славянскимъ братомъ, съ которымъ мы вступили по дорогѣ въ бесѣду. Предметомъ нашихъ сужденій былъ «нашъ вѣкъ и современный человѣкъ». И я, и мой собесѣдникъ находили много страннаго и въ вѣкѣ, и въ человѣкѣ; но чтобы не впадать въ отчаяніе, я привелъ на память слово Льва Толстого и сказалъ:

— Образуется!

Собесѣдникъ понялъ значеніе этого слова и продолжалъ:

— Это вѣрно; но только *что* образуется-то! Было преобладающее впечатлѣніе свирѣпства, злости, бездушія или слабости и распущенности, и все-таки можно было предвидѣть, какъ жизнь перетолчетъ это въ своей ступѣ и что изъ этого образуется. А теперь преобладаетъ во всемъ какой-то фасонъ «антука» — что-то готовое на всякій случай и годное для всякой погоды: отъ дождя и отъ солнца. Меня поражаетъ эта удивительная приспособительность, которую я замѣчаю во всѣхъ слояхъ общества и повсюду. Недѣля тому назадъ какъ я видѣлъ такой экземпляръ въ этомъ родѣ, что прямо въ печать просится.

Я его попросилъ рассказать, и онъ мнѣ рассказалъ слѣдующее.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Недавно мнѣ привелось побывать въ соляныхъ копяхъ въ Галиціи. Оттуда, когда выйдешь на землю, представляются два мѣста для отдыха и подкрѣпленія: можно идти позавтракать при буфетѣ на желѣзнодорожной станціи, а можно то же самое сдѣлать и въ ближайшей «старой корчмѣ». Въ корчмѣ укроешь, проще и теплѣе, чѣмъ на станціи. Здѣсь въ сырое время можно и обсушиться, и обогрѣться, потому что тутъ есть огромный кирпичный каминъ, и чуть холодновато — всегда тлѣетъ толстый обрубокъ дерева, а вкруга него весело потрескиваетъ и издаетъ здоровый, смолистый запахъ зеленый верескъ.

Тамъ, на «бангофѣ» — Европа, а здѣсь, въ корчмѣ — еще «stara Polska».

Я бываю въ той мѣстности раза два въ годъ и знаю тамошнюю корчму много лѣтъ назадъ. Когда тутъ не было желѣзнодорожнаго «бангофа», корчма была единственнымъ пріютомъ для путниковъ, а теперь она занимаетъ второе мѣсто, но я ей все-таки вѣренъ.

Лѣта мало измѣнили корчму. Тотъ же низенькій, старопольскій фасадъ и тотъ же грязноватый ходъ черезъ сѣни съ вытоптаннѣмъ кирпичнымъ поломъ, большая зала съ навѣшнымъ потолкомъ и съ тяжелыми столами, покрытыми не совсѣмъ чистыми ширинками грубой ткани. Въ огромномъ каминѣ и теперь пылаетъ огонь, въ сторонѣ перегородка, и въ ней квадратное оконце, за которымъ находится главное мѣсто хозяйина. Передъ оконцемъ полка и на ней неизысканная выставка закусокъ: жареный гусь, обложенный кисло-сладкой капустой; бигосъ изъ колбасъ и капусты; зразы съ кашей, съ хлѣбомъ и капустой; капустнякъ съ фаршемъ; жареная серпа и мелкая дичь, прошипованная саломъ, и, вдобавокъ, шука по-жидовски съ шафраномъ. Въ графинахъ водка, наливки разныхъ цвѣтовъ, боченокъ съ пивомъ и нашъ добрый красный гольдекъ въ полубутылкахъ. Впрочемъ, надъ прилавкомъ есть надпись, что здѣсь еще можно имѣть старый медъ, и тутъ же иллюстрированный прейсъ-курантъ, въ которомъ значится нѣсколько названій венгерскихъ винъ, между которыми подчеркнуть «маслачъ». Патронъ большой краковской корчмы это вино особенно рекомендуетъ.

Но самое замѣчательное здѣсь собственно въ самомъ патронѣ, и съ него начинается дѣло. И корчма, и медь, и бигосъ—это все стараго типа, а въ патронѣ есть обновленіе во вкусѣ «антука». Пынѣшній патронъ здѣсь съ пропалаго года и опъ миѣ не знакомъ, но предѣстникъ его инуналь миѣ большій симпатіи. Это былъ пожилой, сухощавый и очень медлительный въ своихъ движеніяхъ полякъ. Его звали панъ Игнацій. Опъ былъ человекъ задумчивый, точно опъ несъ на себѣ судьбы міра и по дорогѣ зашелъ въ корчму, присѣлъ у прилавка, пригорюнился и началъ хозяйствовать, но совсѣмъ безъ удовольствія, такъ какъ это не его дѣло. Въ такомъ грустномъ, но благородномъ настроеніи опъ здѣсь состарѣлся и умеръ, все размышляя о Польшѣ и о «ракушанскихъ швабахъ». Теперь вмѣсто почтеннаго Игнація за буфетомъ не сидитъ, а мотается новый арендаторъ—человекъ болѣе молодой и несравненно болѣе подвижный, даже черезчуръ подвижный и говорливый. Зовутъ его панъ Мориць или «геръ Мориць»,—кому какъ угодно,—опъ на все откликается. (Игнацій никогда на «гера» не откликался).

Между паномъ Игнаціемъ и Морицемъ во всемъ огромная и страшная разница: они и по характеру, и по темпераменту, и по воспитанію совсѣмъ разные типы.

Игнацій представлялъ изъ себя ичѣто поэтическое и вдохновительное, — особенно для нашего брата-славинна: это былъ матерой, чистокровный полякъ,—«иляхтичъ на огородѣ равный воеводѣ». Опъ ходилъ въ темной чепаркѣ изъ довольно грубаго, но зато настоящаго, «хозяйственнаго», польскаго сугна, въ панталонахъ, заправленныхъ въ сапоги, которые называются «бутами», и въ поясѣ съ бляхой. Лицо опъ имѣлъ красивое, смуглое, съ таинственнымъ и мрачнымъ выраженіемъ. Высокій лобъ его осѣнялъ высокій же съ просѣдью чернѣйшій чубъ, а надъ устами его простирались огромные черные съ просѣдью усы. Въ глубокихъ карихъ глазахъ Игнація жила какая-то поэтическая, съ нимъ навѣки умершая тайна. Опъ миѣ очень нравился, и я остаюсь въ томъ убѣжденіи, что снѣдавшая его тайна была въ своемъ родѣ что-то благородное и грустное.

Теперешній принципаль корчмы, панъ Мориць, съ перваго взгляда производитъ совсѣмъ иное, какъ будто легкомысленное впечатлѣніе. Опъ средняго роста, проворенъ,

вертлявъ, съ тонкими чертами лица, голубыми глазами и точно выточеннымъ тонкимъ носомъ, на которомъ у него ловко сидитъ маленькое стальное *pinse-nez* безъ шнура. Въ лицѣ и фигурѣ Морица не отпечатлѣлся никакой національный типъ. Онъ съ одинаковымъ удобствомъ можетъ быть принятъ за поляка, какъ и за чеха или за вѣнскаго нѣмца. Повидимому, национальность даже нисколько и не занимаетъ Морица: онъ даже, можетъ-быть, нарочно устроилъ себѣ такой туалетъ, чтобы въ немъ не было никакой цѣльности. Онъ весь человѣкъ сборный. Во-первыхъ, у него на головѣ, покрытой густыми русыми волосами, красуется французская бархатная ермолка, расшитая шелками и бисеромъ (бархатъ довольно просаленъ, а шитье мѣстами осыпалось), потомъ *pinse-nez* въ дрянной стальной оправѣ, надѣтое безъ шуручка. Это *pinse-nez* у него соскакиваетъ съ переносицы отъ одного движенія бровями и всегда непременно падаетъ къ нему прямо въ руки. Потомъ на Морицѣ сѣрая пражская куртка съ зелеными выпушками и съ пуговицами неполированного оленьяго рога, а подъ нею поддѣтъ длинный коричневый жилетъ, сшитый камзоломъ, въ стилѣ Фридриха II. Изъ кармана свѣшивается часовая цѣпочка изъ фальшиваго золота и торчатъ два огромные желѣзные ключа.

Нижній этажъ фигуры Морица напоминаетъ такдмейстера. На немъ легонькія панталонцы изъ самаго тонкаго свѣтленькаго трико, а изъ-подъ нихъ внизу видны красные шерстяные носки и туфли изъ моржовой кожи шерстью на-верхъ.

Что содержится на умѣ у Морица и какое у него прошлое—это на его лицѣ ничѣмъ не выражено.

Морицъ говоритъ съ одинаковою бойкостью и свободою какъ по-польски, такъ и по-нѣмецки, и притомъ не выказываетъ ни къ одному изъ этихъ языковъ никакого предпочтенія. Повидимому, ему то и другое совершенно все равно. Съ удовольствіемъ и улыбкою онъ только произноситъ нѣкоторыя фразы по-французски.

Фразы эти Морицъ, по собственной его откровенности, усвоилъ въ Парижѣ, гдѣ онъ побывалъ, состоя барабаникомъ при одномъ изъ «побѣдоносныхъ региментовъ», повергшихъ Францію въ лапы прусскаго орла, черезъ «неожиданный оборотъ милостію Божіей».

Мориць—познанскій полякъ; онъ затесался къ австріякамъ какъ-то случайно, а можетъ быть и умышленно — тоже, чтобы сдѣлать «оборотъ милостію Божіею».

Человѣкъ, одаренный особенно счастливо прощательностью и внимательно всматриваясь въ его лицо, можетъ быть, подумалъ бы, что Мориць изрядный плутъ, способный вести довольно сложную и отвѣтственную игру, но въ немъ тоже бездна болтливости и легкомыслія, съ которыми плутни вести неудобно. Прежній задумчивый патріотъ Игнацій непремѣнно вспоминается и въ сравненіи съ Морицомъ представляетъ какое-то поэтическое олицетвореніе «оныхъ минувшихъ рыцарскихъ вѣковъ». Мориць — выскла, но зато онъ ни надъ чѣмъ не задумается и нигдѣ не потерится.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Когда я взомель въ корчму, въ ней было всего только три человѣка: охотникъ съ ружьемъ, сидѣвшій въ углу за газетой и за кружкой пива, да очень старый еврей въ шелковомъ капотѣ. Этотъ помѣщался у маленькаго столика, на которомъ передъ нимъ стояла горячая вода, маленькій флакончикъ гольдека и корзинка съ поджареннымъ бѣлымъ хлѣбомъ. Онъ представлялъ изъ себя застывающую жизнь и отогрѣвался теплымъ виномъ съ водою. Въ окнѣ стоялъ и въ упоръ смотрѣлъ на меня въ *rinse-nez* панъ Мориць. Онъ стоялъ неподвижно всего одну минуту, но зато такъ стойко, какъ будто это былъ портретъ, вставленный въ раму.

Я сейчасъ же замѣтилъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ новаго духа.

Игнацій никогда не находился въ такой бойкой и прощающей позиціи. Тотъ, бывало, всегда сидѣлъ на особливомъ этаклиманѣ, обитомъ черною кожею, и ни за что не обезпечивалъ себя, чтобы смотрѣть на входящаго посетителя и опредѣлять себѣ, каго духа входящій? Это было бы слишкомъ много чести для всякаго. Игнацій держалъ свою задумчивую голову опустивъ лицо на грудь, или положивъ щеку на руку.

Входящій гость—кто бы онъ ни былъ, все равно, чортъ его возьми,—самъ прежде долженъ былъ сказать Игнаціо первое привѣтствіе, и только тогда онъ могъ ожидать къ

собѣ отвѣтнаго вниманія. Но теперь, едва я переступилъ порогъ, какъ Мориць уже заленеталъ мнѣ навстрѣчу:

— Bonjour monsieur! Mettez vous à table!

И главное: «мете!» Отъ кого онъ это слышалъ въ Парижѣ? Вѣрно это ему такъ перешибло за барабаннымъ боемъ.

Но еще я не собрался ему ни слова отвѣтить, какъ онъ уже дальше зачастилъ:

— Comment ça va? Кѣ девице вы?

Съ этимъ онъ выскочилъ изъ-за перегородки, шаркнулъ своими туфлями и, подвинувъ мнѣ стулъ къ одному изъ столовъ, проговорилъ:

— Асѣ вы. Ну завонъ кельке шозъ а вотръ сервизъ.

Вмѣсто отвѣта я вручилъ ему карточку моего краковскаго знакома, которымъ былъ сюда адресованъ и котораго я долженъ былъ здѣсь дожидаться.

Мориць взглянулъ, сказалъ: «тре бьенъ» и сдѣлалъ такое движеніе бровями, отъ котораго пенснэ спало и моментально прямо съ носа слетѣло въ открытую лѣвую руку. И замѣчательная вещь: какъ пенснэ соскочило съ лица Морица, такъ словно спалъ съ него и весь его прежній шельмоватый видъ; онъ точно нашелъ, что меня не стоить разсматривать съ особенно серьезной точки зрѣнія, и началъ пошаливать: во-первыхъ, онъ сразу упростился въ выраженіи и заговорилъ по-польски.

— Чѣмъ же смѣю потчивать, пока придетъ валъ пріятель? Есть у меня, пане добродѣю, гусь, и самый прекрасный гусь, кормленный чистымъ хлѣбомъ. Въ буфетъ на бангофъ берутъ гусей у мазуровъ, но я не беру. Важныхъ пановъ, которые кушаютъ на бангофъ, можно начинять чѣмъ угодно, лишь бы былъ соусъ съ казенной, но у меня собирается почтенная шляхта, — люди хозяйственные, которые знаютъ, что такое мазурская домашняя птица. Ихъ гуси, откровенно сказать, всегда пахнутъ травою. Есть утка свѣтская и утка дикая. Дикая—свѣжохонькая, вчера только застрѣленная, и самъ стрѣлокъ здѣсь налицо: вотъ онъ, панъ Целестинъ, который читаетъ газеты и проникаетъ во всѣ тайныя соображенія Бисмарка. Я ни у кого не покупаю утокъ, кромѣ пана Целестина. Есть также бигось съ канустою до услугъ панскихъ; есть зразы, есть воловья печень, или, чѣмъ уже могу похвалитья, есть добрая полендвица; но есть также и шинка, — настоящая польская, а не нѣ-

мецкая ишика—и жидовскій шукакъ съ шафраномъ... Что? Какъ вамъ это нравится? Шукакъ отлично приготовленъ. Знаете—шuka въ своей кожѣ. Я вамъ особенно рекомендую эту штуку. Вотъ ребѣ Фола,—израэлитъ, а и онъ сейчасъ бы скушалъ при благословеніи Божіемъ, но не смѣеть, потому что боится своихъ почтеннѣйшихъ израэлитовъ. Онъ еще наблюдаетъ «кошеръ»

Старый еврей, услышавъ свое имя, посмотрѣлъ и глухо повторилъ:

— Кошеръ.

— Кожа съ этой шuki снята безъ одной дырочки, какъ чулокъ съ нежки красивой паняки, и вы лучшей шuki не найдете даже въ самой чешской Прагѣ на жидовскомъ базарѣ.

Я попросилъ дать мнѣ кусочекъ жареной дичи.

Морицъ одобрилъ.

— Да, — сказалъ онъ. — Это я понимаю! Я говорю насчетъ дичи. Шuka и вообще всякая рыба — это тоже хорошо, но не то... Отъ рыбы всегда есть что-то... отдаетъ сыростью; но пернатая, легкая дичь благороднѣй, и притомъ она легко варится въ желудкѣ. А я вамъ услугу такую дичью, какой вы, можетъ-быть, еще и не ѣдали, да даже и навѣрно не ѣдали. Если только вы не бывали въ забраномъ краѣ за Гродномъ, въ Бѣловѣжской пушчѣ, то и не могли ѣсть. Дичь для меня стрѣляетъ Целестинъ,—человѣкъ съ философскимъ настроеніемъ и добрый патриотъ. Это чего-нибудь стѣить.

Морицъ просыпалъ все это скоро, словно дробь на барабанѣ, и, повернувшись на каблучкѣ, опять очутился на своемъ мѣстѣ, въ окнѣ за перегородкою. Тутъ онъ наступалъ черенкомъ ножа на выставочной доскѣ и на этотъ знакъ за его спиною тотчасъ же, какъ изъ земли, выросли молодой чумазый хлопецъ въ курткѣ и баба въ очипкѣ.

Морицъ мановеніемъ чела отослалъ бабу назадъ, откуда она пришла, а хлопцу велѣлъ подать мнѣ приборъ и порцію дичины.

Дичина оказалась сухою и безвкусною.

Морицъ это замѣтилъ и посоветовалъ мнѣ смочить ее гольдекомъ, что я и принялъ къ исполненію.

Вино оказалось нѣсколько лучше кушанья и послужило темою для разговора о разныхъ винахъ: рейскихъ, вейгерскихъ и французскихъ.

Морицъ имѣлъ обо всемъ этомъ достаточныя понятія и особенно одобрялъ французскія вина, которыхъ онъ, по его словамъ, выпилъ «чертовски много».

Морицъ сказалъ мнѣ, что тотъ, кого я ожидаю, придетъ черезъ часъ и я еще успѣю у него отдохнуть и хорошенько пообѣдать, причѣмъ обѣщаль дать мнѣ отличный борщъ съ уткой «изъ двѣнадцати элементовъ». Такое обиліе «элементовъ» меня удивило; Морицъ, чтобы убѣдить меня, началъ было ихъ перечислять, какъ вдругъ былъ прерванъ раздавшимся изъ-подъ стола неожиданнымъ и злобнымъ рычаніемъ охотничьей собаки.

Морицъ сейчасъ же обратилъ на это вниманіе и проговорилъ:

— Ага! Это ничего... Это идетъ нашъ панъ бель-басъ! Бутько всегда его удивительно слышитъ.

Въ отвѣтъ на это охотникъ молча кивнулъ головою и толкнулъ ногою свою собаку.

— Вы, панъ Целестинъ, напрасно съ Бутько взыскиваете,—замѣтилъ Морицъ.—Бутько добрый и даже почтенный песь: повѣрьте, что онъ знаетъ, какой духъ въ человѣкѣ.—И, обратившись ко мнѣ, добавилъ:—Собака никогда не смѣшаетъ честнаго человѣка съ мерзавцемъ, и вотъ этотъ Бутько ни за что не пропуститъ, чтобы не зарычать на пана Гонората.

— А кто это панъ Гоноратъ?

— А это... вотъ вы его сейчасъ увидите: шельма ужасная, но преннтересный собесѣдникъ. Я его умѣю заводить и сейчасъ заведу.

— Еще что!—пробурчалъ Целестинъ.

— Нѣтъ, отчего же... Правда, что онъ, шельма, вретъ часто...

— Не часто, а всегда.

— Эхъ, пане Целестинъ, да гдѣ нынче взять людей, которые не врутъ! А въ компаніи Гоноратъ—соловей, у него есть анекдотъ на всякій случай и... знаете... иногда есть любопытное и поучительное.

— Чтобы чортъ побралъ его душу, — тихо прошипѣлъ Целестинъ и снова углубился въ газеты.

Въ сѣняхъ послышались тяжелые шаги и раздался сильный толчокъ въ дверь.

Отворявшаяся внутрь дверь широко распахнулась и въ просвѣтъ ея, какъ въ рамѣ, показалась интересная фигура.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пришедшій былъ тучный человекъ среднихъ лѣтъ съ коротко остриженною красно-рыжею головою и съ совершенно краснымъ лицомъ, на которомъ виднѣе всего выступала большой вынуклый лобъ съ сильно развитыми глазными пазухами. Вся физіономія гостя была круглая, носъ картошкой, пухлыя чувствительныя губы и крошечные сѣрые глазки съ веселымъ, задорнымъ и въ одно и то же время глуноватымъ, но хитрымъ выраженіемъ. Незнакомецъ былъ одѣтъ въ красивое и очень удобное форменное платье, состоявшее изъ коричневой суконной блузы, подпоясанной кожаными поясомъ съ бляхою; на головѣ высокая тирольская шляпа съ чернымъ перомъ. За плечами у него была виштовка, а въ лѣвомъ ухѣ серьга съ бирюзой. Серьга сидѣла точно заклепка и бросалась въ глаза съ перваго взгляда.

Словомъ, по лицу и по всѣмъ приемамъ это былъ Фальстафъ, а по мундиру—австрійскій жандармъ.

Для довершенія сходства съ Фальстафомъ, онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа и сразу началъ шутки. Онъ не переступалъ порога, а, отворивъ дверь, остановился, заложивъ руки за поясъ, и покотился со смѣху, показывая глазами на охотника.

Морицу не нравилось, что въ открытыя двери уходитъ тепло, и онъ просилъ жандарма войти.

— Просимъ, просимъ васъ, пане капитане, пожалуйте, не студите бѣдной шляхетской хаты.

Жандармъ принималъ величаніе, но продолжалъ смѣяться, глядя на охотника.

Морицъ всыхнулъ.

— Входите сейчасъ въ комнату, почтенный капитанъ, или я выйду и захлопну мою дверь передъ самымъ вашимъ высокопочтеннымъ краснымъ носомъ.

— А ты, высокопочтенный прусскій барабанщикъ, если боишься замерзнуть, то все-таки постарайся говорить съ уваженіемъ о моемъ носѣ, — отвѣчалъ хриплымъ голосомъ жандармъ.—Я остановился и стою потому, что хочу издали налюбоваться великимъ дипломатомъ, нашимъ тонкимъ политикомъ, наномъ Целестиномъ, котораго я видѣлъ сегодня на зарѣ, какъ онъ сидѣлъ, глядя на конецъ королевы Бонн.

— Чортъ возьми вашу милость, вы все отлично видите,

по вы можете налюбоваться папомъ Целестиномъ подождя къ нему ближе!—воскликнулъ Морицъ и въ одно мгновеніе выскочилъ изъ-за своей перегородки, впихнулъ жандарма въ корчму и заперъ за нимъ дверь, а потомъ, оборотясь ко мнѣ, возгласилъ комически важнымъ тономъ:—Имѣю честь представить вамъ, мосье, высокопочтеннаго папа Гонората. Самый храбрый волка и добрый товарищъ за бутылкою чужого вина; до сихъ поръ чиномъ не вышелъ, но первый кандидатъ въ капитаны жандармеріи его пресвѣтлаго величества нашего наияснѣйшаго цезаря.

— Болтай, болтай, прусскій барабанщикъ и первый кандидатъ на висѣлицу,—отшутился Гоноратъ и, снявъ съ себя перевязь и винтовку, началъ располагаться въ креслѣ передъ каминомъ.

Усѣвшись, онъ вытянулъ къ огню ноги и сейчасъ же задать насмѣшливый вопросъ Целестину: что пишутъ про политику и что думаетъ Бисмаркъ въ Берлинѣ и генераль Милорадовичъ въ Петербургѣ?

Охотникъ сдѣлалъ гримасу и сквозь зубы отвѣтилъ, что онъ на умѣ у Бисмарка не бывалъ, а Милорадовича никакого не знаетъ.

— Какъ же не знаешь?.. Милорадовичъ—русскій фельд-маршалъ?

— Нѣтъ такого фельдмаршала.

— Ну, Суварова!

— Перестаньте говорить глупости. Нѣтъ Суворова.

— Кто же у нихъ вмѣсто Суварова?

Целестинъ не отвѣчалъ, а Морицъ замѣтилъ:

— Вамъ, какъ жандарму, стыдно не знать, кто вмѣсто Суварова.

— Ага! И ты опять меня хочешь стыдить! Лучше молчи!

— Передъ вами?

— Да, именно передо мною.

Морицъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Ага!

— Я васъ не боюсь, господинъ капитанъ.

— А не хочешь ли ты, я тебѣ расскажу кое-что постыднѣе, чѣмъ не знать про Суварова?

— Очень радъ послушать, что вы соврете.

— Совру! Нѣтъ, мой милѣйшій! Я не совру: ты увидишь, что твои укоризны напрасны, и что я, какъ жандармъ, кое-что знаю.

Морицъ приложилъ руки къ виску и субординаціонно отвѣтилъ:

— Извините, господинъ капитанъ!

— То-то и есть, пріятель! Я знаю даже очень незначительныя мелочи, и если хочешь, я сейчасъ же представлю тебѣ на это доказательство.

— Очень желаю! Какъ же... очень желаю, господинъ капитанъ.

— Третьяго дня, вотъ въ такой же счастливый часъ свободы между двумя дорожными поѣздами, я пошелъ въ проходку, и когда проходилъ мимо дома одного здѣшняго обывателя, то, какъ ты думаешь, на что и наткнулся?

— Чортъ васъ знаетъ, на что вы наткнулись.

— Я увидаль, какъ его сынника рѣзалъ звѣздочками морковь для супа и пѣлъ преглуную пѣсенку: «Намъ шаповный бапъ налилъ воды въ жбанъ». Ты знаешь эту пѣсенку?

— Не знаю, но слыхаль.

— Да; но вѣдь это у тебя, если не ошибаюсь, третьяго дня въ сумѣ плавали морковныя звѣздочки?

— Вы все знаете и ни въ чемъ не ошибаетесь, капитане.

— Такъ, мой милый Морицъ, я все знаю, а за то, что ты знаешь, что я все знаю,—я совѣтую тебѣ сейчасъ же пойти въ свои комнаты и хорошенько вычюротъ твоего Яську.

— О, капитане, я это уже сдѣлалъ.

— Вотъ это прекрасно! Теперь ты можешь надѣяться, что это будетъ извѣстно въ Вѣнѣ.

Морицъ щелкнулъ туфлями и поклонился.

— И что же?.. Ты, надѣюсь, стегаль и причитываль, и можетъ-быть добился отъ Яски: кто его этой пѣснѣ выучилъ?

— Узналь все, какъ на ладонѣ.

— Кто же его научилъ?

— Ванъ Стаська, мой добрый капитанъ.

Гоноратъ оборотился въ сторону Морица, посмотрѣлъ на него и, расхохотавшись, воскликнулъ:

— Ты шельма!

— Покорно васъ благодарю.

— Нѣтъ, ей-Богу!.. Ты, мой любезный Морицъ, не обижайся... Я тебѣ это откровенно говорю, что ты шельма! И ты знаешь...

— Что еще позволите знать, капитане?

— Ты, конечно, знаешь, что «шельма» это не значитъ то, что... шельма, а это значитъ, что ты *молодецъ*.

— О, я молодецъ! Мнѣ это еще раньше васъ говорили, капитане.

— Я тебя за это такъ и люблю. Я не люблю рохлей.

— Фуи! И я ихъ терпѣть не могу, пане капитане.

— Я больше всего уважаю въ человѣкѣ находчивость, чтобы человѣкъ всегда и вездѣ былъ умень и находчивъ. И я для находчиваго человѣка все готовъ сдѣлать.

— Но случилось ли такъ, чтобы вы что-нибудь для кого-нибудь дѣлавали?

— А ты развѣ въ этомъ сомнѣваешься?

— Признаюсь вамъ, что даже вовсе не вѣрю.

— Онъ не вѣрять! Ахъ ты, прусскій барабанщикъ! Да! Я дѣлалъ, и много, Морицъ, дѣлалъ. Въ моей жизни бывали самые ужасные, такіе ужасные случаи, когда ты бы павѣрное совсѣмъ не сумѣлъ найтись, а я нашелся.

— Ей-Богу не знаю, какъ вамъ и сказать, высокомощный капитане, вы знаете, что всѣмъ любопытно и прелюбопытно васъ слушать.

— Я тебѣ, пожалуй, и расскажу одну исторію. Это страшно, но зато это совершенно справедливо, а ты, вѣдь, любишь въ странномъ родѣ?

— Какъ вамъ сказать?—молвить Морицъ и сдѣлалъ гримасу:—я люблю и страшное, но...

— Говори откровенно.

— Больше я люблю *гемютлихъ!*

— Ахъ, гемютлихъ! Ну, тутъ будетъ и гемютлихъ.

— Вмѣстѣ?

— Да,—и страшное, и гемютлихъ.

— Клянусь, что это что-нибудь изъ вашей повстанской службы.

— Непремѣнно такъ! Ты отгадалъ! Но ты мнѣ за это прежде всѣмишь большую кружку пива и велишь подать кусокъ брынзы.

— Съ восторгомъ, мой капитане!

Кружка съ пивомъ была подана, и Морицъ объявилъ:

— Господа! вниманье! Панъ Гоноратъ будетъ рассказывать страшное пополамъ съ гемютлихъ. Онъ всегда такъ откровененъ, что даже за это помилованъ: грѣхи его прощены, но онъ много видѣлъ страшнаго... Да-съ, онъ даже самъ вѣшалъ людей своими собственными руками.

— Да; я вѣшалъ людей, — отвѣчалъ Гоноратъ: — и вотъ

объ этомъ-то самомъ я и буду рассказывать, потому что при этомъ и съ ихъ стороны, и съ нашей было выказано много ума.

— А всего больше, я думаю, подлости, — прошишьтъ Целестинъ.

— Морницъ! Попроси этого господина замолчать.

— Помолчите, Целестинъ! Чтò вамъ за охота все сокрушаться о подлостяхъ! У Гонората, навѣрно, есть очень занимательная исторія, а ваши газеты, по правдѣ сказать, очень скучны.

— Скучны!

Целестинъ махнулъ головою и уткнулъ носъ въ газету, — дескать: «Пусть вретъ, я не буду слушать».

И вотъ наступило не то вранье, не то правда, — какъ хотите, такъ и думайте.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гонорать началъ съ того, какъ онъ былъ въ повстаньѣ, въ отдѣлѣ у какого-то папа Цезарія, и очень его хвалилъ. Молодой, говоритъ, былъ воляка, по страсть какой храбрый. Учился воевать по-настоящему въ Парижѣ, у французовъ въ академіи, и могъ всякаго побѣдить по всеѣмъ правиламъ; но безъ правилъ сражаться не могъ и потому у насъ не годился. Разныя вещи съ собой привезъ въ чемоданѣ: и бусоли, и планы, и даже молоденькаго адъютанта французской природы, а только все это не пошло впрокъ. Все эти вещи адъютантъ растерялъ, и самъ заболѣлъ, потому что совсѣмъ былъ слабый, какъ барышня, даже и груденка впередъ коробочкомъ выперлась, будто какъ зобъ у птички. Говорили, что это такъ и есть, — что это барышня-французенка. Онъ все съ ней сидѣлъ и ѣлъ курку съ масломъ въ палаткѣ, а всеѣмъ провіантъ отпускала ксендзь Флоріанъ. И стали они оба въ лицѣ мѣняться: Цезарій сталъ отходить, а ксендзь Флоріанъ усилился. Началась деморализація... Ты, барабанщикъ, понимаешь, чтò называется деморализаціей?

— Понимаю, капитанъ; только у насъ въ Пруссакъ ея не было.

— Ты правъ, у васъ не было. У васъ вѣдь гороховой колбасой кормили, — и то не жирно. А мы тогда сначала пришли съ охоты, и стали скучать, что Цезарій въ палаткѣ цѣлуется, и многіе тоже начали подумывать: какъ бы

и себѣ улизнуть домой, да тоже бы курку съ масломъ ѣсть, да цѣловаться.

Ксендзь Флоріанъ это замѣтилъ и говоритъ:

— Я долженъ командовать отрядомъ, а не Цезарій.

Ему говорятъ:

— Цезарій отъ высшей власти назначенъ.

А ксендзь Флоріанъ отвѣчаетъ:

— Это ничего не мѣшаетъ: его высшая власть назначила, а я видѣлъ Остробрамскую Божію Матеръ, она мнѣ приказываетъ. Соберитесь-ка, говоритъ, — все на берегъ рѣки, когда солнце сядетъ, и вы сами увидите за рѣкою, какъ она меня благословляетъ. Со мною непременно будетъ побѣда. Только, чтобы видѣть это, вы должны весь этотъ день попуститься и съ утра ничего не ѣсть.

И приказалъ намъ ничего не давать.

Мы говоримъ:

— Хоть хлѣба!

— Нѣтъ, говоритъ, — ничего не надо: чтобы чудесное увидеть надо быть совсѣмъ не ѣвши.

Мы очень проголодались и собрались, чуть стало смеркаться. Стоимъ и смотримъ за рѣку, а Флоріанъ пришелъ послѣ насъ и сѣлъ на скамейку.

Спрашиваетъ:

— Что, хлопцы, видите?

Мы отвѣчаемъ:

— Нѣтъ, отче, ничего не видимъ.

— Какъ ничего не видите!—А туманъ?

— Только и видимъ одинъ туманъ.

— А въ туманѣ Матеръ Божія въ огненномъ сіяніи вся свѣтится и васъ благословляетъ. Видите?

— Нѣтъ, не видимъ.

— Ну, такъ это оттого, что вы еще со вчерашнаго дня очень наѣвшиесь. Вы недостойны. Не ѣшьте еще сегодня на ночь и завтра не ѣшьте до вечера, тогда вы увидите, а теперь ступайте спать—вы недостойны.

Не велѣлъ опять давать никому ни водки, ни хлѣба и прогналъ спать; а на другой день опять привелъ на берегъ и спрашиваетъ:

— Видите?

Мы то же самое ничего не видѣли, и такъ и отвѣчали.

А онъ говоритъ:

— Ну, такъ еще одинъ день не ѣшьте, тогда увидите.

Тутъ между нами одинъ мазуръ напшелся и говоритъ:

— Позвольте-ка, отче, позвольте минуточку: я какъ будто начинаю что-то замѣчать...

— Ага! говоритъ,—это хорошо: всматривайся, всматривайся и говори, что ты замѣчаешь?

— Миѣ въ туманѣ, дѣйствительно... какъ будто огонекъ показывается.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Смотри еще попристалыѣе! Все въ одну точку смотри, да читай въ умѣ молитву, непременно больше увидишь!—А вы, кашевары, собирайтесь разводить здѣсь огонекъ подъ котломъ: пыче, кажется, вамъ Матерь Божія покажется, и вы будете ѣсть лозанки съ сыромъ.

Тотъ, который началъ видѣть, какъ услыхалъ это, такъ и вскрикнулъ:

— Вотъ, вотъ, въ самомъ дѣлѣ: какъ я сталъ читать молитву, такъ и вижу Божию Матерь!

Ксендзь отвѣчаетъ:

— Ну, если ты ее видишь, то ты уже можешь ужинать.

Тутъ и всѣ увидали.

Флоріанъ говоритъ:

— Вотъ и молодцы, — только это и надо, чтобы вы всѣ были удостоены. Теперь присягните передъ крестомъ, что видѣли. Ходить далеко не нужно: крестъ со мною, присягайте сейчасъ и пойдете пить водку и ужинать.

Мы всѣ присягнули и другъ-другу больше ничего не сказали; а Флоріанъ сказалъ Цезарію: «уѣзжай за границу съ своимъ адъютантомъ», а самъ сталъ командовать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

При Флоріанѣ сразу пошло совсѣмъ другое дѣло. Флоріанъ былъ не то, что Цезарій. Въ Парижѣ не учился, а былъ молодчина: онъ весь свой вѣкъ все пѣлъ въ кашницѣ да дома сливы мариновать съ эконолкою, а однако зналъ всѣ тропинки въ поляхъ и всѣ лѣсные входы и выходы. Онъ какъ утвердился, такъ сейчасъ и объявилъ, что я, говоритъ, никому не дамъ снуска,—и чужого, и своего сейчасъ повѣшу.

— Я, говоритъ,—по глазамъ умѣю читать: кто въ лицѣ стапеть мѣняться — значитъ собирается улизнуть домой курку съ масломъ ѣсть,—я его сейчасъ и повѣшу.

Мы всё его стали бояться. Скажеть: «вижу въ твоихъ глазахъ, ты въ лицѣ мѣняешься» — и повѣситъ. Стали всё притворяться какъ можно больше веселыми.

Но нанала на насъ на всѣхъ робость. Какъ встанемъ, пойдемъ къ ручейку умываться и смотримся: не мѣняемся ли въ лицѣ. Помилуй Богъ мѣняешься — сейчасъ повѣситъ. И всё мы какъ другъ на друга взглянемъ — кажется, какъ будто всё въ лицахъ перемѣняемся, потому что боимся Флоріана до смерти, и надо, чтобы онъ этого въ глазахъ не прочиталъ. А онъ читаетъ. Многіе стали въ умѣ мѣшаться и путаться. Былъ у насъ мой крестовый братъ мазуръ, Якубъ, преогромный, а между тѣмъ началъ плакать. Безъ всякой причины стоитъ и плачетъ. Ему говорятъ: «Смотри, скучать нельзя!» Онъ говоритъ: «Я не скучаю, я даже теперь очень весель, а только я про жалостное вспомнилъ». — «Что же такое жалостное?» — «А вотъ, говоритъ, когда я дома поросятъ стерегъ, такъ у одной свиньи было двадцать поросятъ, а какъ одного изъ нихъ закололи, такъ всё его остальные коллежки захрюкали». И опять плачетъ, а на Якуба гляючи, молоденькій еврей, панычъ Герико, который за наше дѣло воевать присталъ, также сталъ плакать.

— О чемъ? говоримъ. — Ну, Якубъ вспомнилъ про поросятыхъ коллегъ, а тебѣ что такое? У васъ свинины не ѣдятъ и жалѣть не о чемъ.

А онъ отвѣчаетъ:

— Мнѣ, говоритъ, — что такое поросяты... тьфу! Я даже таты и мамы не жалѣю, а слезы у меня такъ... я не знаю отчего... Можетъ-быть, отъ вѣтра льются.

— Смотри, молъ, — отворачивайся, подь вѣтерокъ становись, а то Флоріанъ въ глазахъ прочитаетъ и вразъ повѣситъ.

Всѣ лежимъ кучкою у угольковъ, картофель нечемъ и тихонько объ этомъ разговариваемъ, а сами думаемъ: вотъ только чтобы объ этомъ Флоріанъ не узналъ! Да какъ ему узнать! Его вѣдь здѣсь нѣтъ, онъ не услышитъ, о чемъ мы говорили. А кто-то напомнилъ: «А вѣдь онъ, говоритъ, завтра по глазамъ можетъ прочесть». Тьфу ты, чортъ возьми, положеніе! Всѣ и стали сокрываться, — кто полои голову накроетъ, будто спитъ, кто подь фурманку отползеть и тоже будто заснетъ, а другимъ и это страшно кажется — зачѣмъ другіе отползаютъ. И такъ вся ночь-то ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ прошла; а когда на зарѣ стали под-

ниматься—смотримъ, ни свинаря Якуба, ни паныча Герника вѣтъ... Гдѣ ни искали по всему обозу—нигдѣ нѣтъ!

Флоріанъ какъ узналъ объ этомъ, такъ и заколотился. И плюеть, и топочеть, и кричитъ: «Чтобъ разысканы были, а то всѣхъ повѣшу! Они насъ выдать могутъ». И всѣ подумали: и вправду, они попадутся,—ихъ станутъ пытать и они насъ выдадутъ.

Послать за ними въ погоню искать ихъ по лѣсу и по ярамъ двадцать человѣкъ, и все по-двое, а Флоріанъ всѣхъ передъ тѣмъ осмотрѣлъ и сказалъ: «Смотрите, ворочайтесь и ихъ приведите, ѣ то я васъ по глазамъ вижу».

Пошли наши и два дня никого не было, а наконецъ двое идутъ и ведутъ свинаря Якуба, а двое паныча Герника, а остальные шестнадцать человѣкъ и сами не воротились.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Флоріанъ говоритъ: «Я такъ ихъ и по глазамъ видѣлъ, что они не воротятся. Теперь намъ здѣсь прохладяться некогда: сейчасъ надъ этими судъ сдѣлаемъ по старинному обозному правилу и уйдемъ въ походъ на другое мѣсто искать непріятеля».

Обернулся къ Якубу и къ Герикѣ и говоритъ:

— Васъ сейчасъ судить.

Гершко заплакалъ, а Якубъ сѣлъ на землю у фурманки, къ колесу прислонился и говоритъ:

— Миѣ все равно, я теперь не боюсь,—а самъ сомлѣлъ.

Сомлѣлъ и панычъ Гершко и пересталъ плакать. Оба ужъ они очень отоцали въ лѣсу, оборвались и измучились.

Флоріанъ торопился судить.

— Они, говоритъ,—дезертиры и шпионы, они бѣжали съ поля и хотѣли насъ выдать: за это ихъ должно повѣсить. Снимите съ двухъ фурманокъ вожжи, поднимите вверхъ дышла и замотайте ихъ крѣпко у передковъ, чтобы дышла не качались. Вотъ такъ... Теперь хорошо... Такъ велитъ старый обозный обычай. Теперь кто желаетъ быть палачомъ?.. А?.. Никто? Прекрасно! Ничего не значить. Мы узнаемъ сейчасъ, кто будетъ палачъ. Это сейчасъ будетъ показано. Пусть каждый изъ васъ закачаетъ себѣ рукавъ выше локтя. Вотъ такъ!.. Теперь раскройте одинъ мѣшокъ съ овсомъ.

Мы закачали рукава и мѣшокъ развязали.

— Берите каждый по очереди горсть зеренъ въ руки и миѣ показывайте.

Мы стали захватывать зерна горстью. Первый захватил горсть и раскрыл передь ксеендомъ. Флоріанъ говоритъ:

— Отходи, на тебя нѣтъ указанія.

Взялъ слѣдующій. И на этого нѣтъ.

Дошло до меня. Я разжалъ передь Флоріаномъ горсть, снѣ говоритъ:

— По указанію судьбы, ты обозный палачъ.

Я обомлѣлъ, говорю:

— Помилуйте, гдѣ же указаніе?

— А вотъ, видишь, говоритъ, — у тебя въ горсти два черныя зерна. Это и есть указаніе: два зерна и два чело-вѣка—ты двухъ долженъ повѣсить.

Я ему началъ кланяться въ землю.

— Отецъ святой!.. Я боюсь!.. Я не могу!

Но онъ и слушать не хочетъ.

— Если бы, говоритъ,—ты не могъ, такъ па тебя указа-нія не было бы. Или ты, можетъ-быть, ослушникъ вѣры? Такъ мы въ такомъ разѣ тебя и самого удавимъ. Хлопцы, говоритъ,—я долженъ его немножко поисповѣдывать, а вы не завязывайте мѣшка; можетъ-быть, придется доставать не два, а три зерна—кажется, надо будетъ троицхъ вѣшать.

Я подумалъ себѣ: Э, нѣтъ, братку! Знаю я, что ты за птица. Ты меня станешь по глазамъ читать и нивѣсть что на меня скажешь! Нѣтъ, я лучше такъ, просто, безъ исповѣди согласенъ.

— Нѣтъ, не нужно, говорю, — отче; меня исповѣдывать не нужно. Я нынѣшній годъ исповѣдывался и сообщался... Я повѣшу... сколько угодно и кого угодно повѣшу.

— Хоть и самого ксеенда повѣсили бы!—перебилъ Морицъ.

— Онъ, я думаю, и отца съ матерью повѣсилъ бы, — вставилъ Целестинъ.

— Очень можетъ быть,—отвѣчалъ Гоноратъ:—но я объ этомъ сталъ бы разсуждать только съ тѣмъ, кто имѣлъ несчастіе вынуть изъ мѣшка черное зерно при дѣйствиі стараго обознаго обычая. А съ такою дрянью, которая стоитъ въ корчмѣ за стойкою или читаетъ газеты, мнѣ объ этомъ разсуждать непристойно. Я продолжаю. Я согласился, но я стоялъ не живой и не мертвый, потому что давить людей, повѣрьте... это не гемюглихъ, а это чортъ знаетъ что такое! А хлопцы, по ксеензову приказу, живо сдвинули двѣ фурманки, поставили ихъ передокъ къ передку, дышла свя-

зали, ремень вѣтчиннымъ саломъ помазали и наверху въ кольцо петлю пропустили.

— Пожалуйте, палачь, на свою позицію!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Подвели свинаря Якуба и поставили подъ петлю на переднюю ось изъ-подъ другой фурманки. А ксендзь Флоріанъ говоритъ мнѣ:

— Надѣвай на него петлю и смотри, чтобы непремѣнно пришлось выше косточки.

У меня руки трясутся,—весь растерялся.

— Какая тутъ у чорта косточка!

Флоріанъ говоритъ:

— А, ты не знаешь косточки?

— Не знаю. Я изъ простыхъ людей.

— Это ничего не стѣить, говоритъ:—простого человѣка сейчасъ можно все сразу понять заставить.—Да съ этимъ какъ сожметъ меня пальцами за горло, такъ что я, было, задохся.

— Вотъ, говоритъ,—гдѣ бываетъ косточка. Понялъ?

А у меня ужъ и духу въ горлѣ не стало.

— Понялъ,—проспѣлъ я безъ голоса.

Ксендзь толкнулъ меня сзади ногою въ спину.

— Дѣлай!

Я взялъ за ремень и сталъ по шеѣ гладить — искать косточку, гдѣ надѣвать. А Якубъ, вообразите, вдругъ оба глаза себѣ къ носу свелъ! Какъ это онъ могъ!.. И, кромѣ того, темя у него на головѣ, представьте, вдругъ все вверхъ поднимается... Такая гадость, что я весь задрожать и петлю бросилъ. Флоріанъ опять мнѣ даль затрецину пребольно... Тогда я надѣлъ петлю.

Тутъ самъ Флоріанъ говоритъ мнѣ:

— Палачь! Подожди!

Оборотился лицомъ ко всѣмъ и говоритъ:

— Паны-братья! По старому обозному обычаю, людей такъ не казнили, какъ ихъ теперь казнятъ. Кое-что въ старину было лучше. Вы это сейчасъ же увидите. По старому обозному обычаю, осужденному на смерть человѣку оказывали милость: у осужденнаго спрашивали, чтѣ онъ хочетъ, не имѣетъ ли онъ предсмертной просьбы? И если человѣкъ объявлялъ предсмертную просьбу, то исполняли, чего бы онъ ни попросилъ. Такъ и мы поступимъ.

Всѣ похвалили.

— Ахъ, какъ хорошо!

А ксендзь Флоріанъ спрашиваетъ:

— Не имѣешь ли ты предсмертной просьбы, Якубъ?

Якубъ молчитъ.

— Ты напрасно не пользуешься тѣмъ, что тебѣ представляеть нашъ старыи обычай; а то и такъ повѣсимъ.

Якубъ говоритъ:

— Мнѣ все равно, мнѣ только пить хочется.

— Экий дуракъ!— говоритъ Флоріанъ:— ничего не умѣлъ выдумать. Дайте ему пива!

Подали Якубу пива, а онъ— было началъ губами пѣну раздувать, а потомъ говоритъ:

— Не надо, не хочу.

Флоріанъ говоритъ:

— Выдерни изъ-подъ него передокъ.

Дернули изъ-подъ него передокъ, онъ и закачался... Что-то щелкнуло.

Всѣ отворотились, и тихо-тихо стало все: только связанныя дышла подрагивали. А когда мы опять оборотились лицомъ, такъ ужъ Якубъ только помаленьку сучился на вожжахъ, и глаза отъ носа въ раскосъ шли, а лицо, представьте себѣ, оплевалось.

Ксендзь Флоріанъ сказалъ:

— Это ничего, давайте жидка на его мѣсто.

— Гдѣ же будетъ гемотлихъ?—спросилъ Морницъ.

— Погодите.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Панычъ Гершко оказался противъ Якуба находчивѣй. Онъ, какъ только увидаль мертваго Якуба, самъ началъ про просьбу кричать:

— Я имѣю просьбу... Ай, я имѣю большую предсмертную просьбу!

Ксендзь говоритъ:

— Хорошо, хорошо! Ты ее скажешь. Но только я впередъ тебѣ должень одно сказать: пожалуйста не просись въ христіанскую вѣру.—Это у васъ такая привычка, но теперь тебѣ это не поможетъ, а ты только поставишь насъ въ не-пріятное положеніе.

— Ой, нѣтъ, нѣтъ!—говорилъ панычъ Гершко:—я теперь

въ христіанскую вѣру проситься не буду. Я совсѣмъ другое... Совсѣмъ простое прошу.

— Ну, простое проси.

— Я прошу не вѣшать меня за шею!

Гонорать остановилъ разговоръ и воскликнулъ:

— Вы понимаете, въ чемъ тутъ штука?

Морицъ молча кивнулъ головой, а ребя Фола вскричали:

— Разумно!

Гонорать бросилъ на него презрительный взглядъ и продолжалъ.

— Разумно!.. А вотъ же ты увидишь, къ чему это повело!

Ксендзь разсердился.

— Ахъ ты, говорить,—каналья! Такъ-то ты за деликатность платишь! Развѣ это можно выдумывать!

— Отчего же не можно?

— Да за что же мы тебя повѣсимъ?

А Гершко отвѣчаетъ:

— Мнѣ все равно... Хоть ни за что не вѣшайте.

Флоріанъ только плечами пожалъ и говоритъ:

— Итъ, братцы, жида такой народъ, что съ ними, дѣйствительно, ничего невозможно.

И Гершку повѣсили.

— За что же?—перебилъ Морицъ.

— Ну, конечно за шею.

Вышла пауза.

Морицъ побарабанилъ пальцами и, вздохнувъ, сказалъ:

— Да, это гемюглихъ... Сколько вы, капитане, въ самомъ дѣлѣ, пережили ужаснаго!

— Не мало, Морицъ, не мало.

— Но вы, все-таки, хорошо нащлись.

— Какъ кажется. Иначе мнѣ самому висѣть бы на дышлѣ.

— Конечно; но если по правдѣ судить, то изъ всѣхъ изъ васъ жидъ, все-таки, былъ всѣхъ находчивѣй.

— Почему же? Развѣ онъ остался въ живыхъ, а не я?

— Конечно, конечно! — замѣтилъ Целестинъ. — Нельзя спѣрить, что всѣхъ находчивѣе вышли ксендзь съ Гоноратомъ. Они ли не молодцы! Сами, чортъ знаетъ, выдумали откуда-то какой-то старинный обозный обычай, сами предсмертную просьбу учредили и сами же все это уничтожили: удавили людей какъ тетеревать, а сами живутъ спокойно.

Гонорать посмотрѣлъ на Целестина и покачавъ головою, вздохнулъ и молвилъ:

— Почтвенный панъ Целестинъ, вы не можете судить чужую душу. Теперь я спокоенъ, но меня это долго мучило, и я не находилъ покоя даже послѣ того, какъ насъ тогда скоро разсѣяли и я принесъ покаянiе, и меня простили...

— А вы, капитане, чистосердечно раскаялись? — спросилъ Мориць.

— Это что за вопросъ? Разумѣется, чистосердечно.

— То-то... какъ добрый католикъ.

Гонорать покачалъ головою.

— Любезнѣйшiй Мориць! Какъ это глупо!

— Да я ничего.

— Нѣтъ, не «ничего». А я это для твоей же пользы... Я перемѣнилъ свой образъ мыслей, и надѣлъ вотъ эту жандармскую шляпу съ казеннымъ перомъ, Мориць. — это всякiй можетъ видѣть; но я долго не зналъ покоя въ жизни.

Целестинъ сдѣлалъ презрительную гримасу и процѣдилъ:

— Отчего же это?

— Да, вотъ именно «отчего»? Тебѣ, почтвенный Целестинъ, будетъ непонятно, потому что ты не полякъ.

— Почему же это я не полякъ?

— Потому что ты лютеръ или кальвинъ, а не католикъ, и у тебя черствое сердце. Ты — вѣдь я тебя знаю... ты не вѣришь...

— Вы все должны знать.

— Да не перебивай! Ты въ Бога не вѣришь.

— Вы врете.

— Возьми свое слово назадъ. Твоя вѣра, какова она есть, это все равно, что ея и нѣтъ. Ты хлопочешь о томъ, что всего меньше стоитъ. Не отрирайся: ты внушаешь молодымъ людямъ, что поэзiя вздоръ, и хлопочешь только о томъ, чтобы всѣ занимались работою, чтобы процвѣтала трудъ и ремесла, какъ будто въ этомъ для насъ все и дѣло; а я — добрый католикъ; я люблю поэзiю и имѣю чувствительное сердце: мнѣ дорого то, что ждетъ насъ послѣ смерти. Да; мнѣ всегда приходится на память, что всѣмъ надо умереть... И когда мнѣ это придетъ на умъ, и я подумаю, что я тоже умру, то всякiй разъ ясно вижу передъ собою это... какъ у нихъ были глаза... оба къ носу... и темя

невелилось. Я увѣрю тебя, что это престрашно, и это со мною долго продолжалось.

— Но, однако, прошло?

— Да, прошло.

— Отчего же?

— Отъ одного ужаснаго случая, отъ котораго я чортъ знаетъ какъ уцѣлѣлъ на свѣтѣ.

— Какой же это случай? — спросилъ Мориць.

— Это, Мориць, былъ чертовскій случай, — это адская сцена, на которую опять выходитъ отецъ Флоріанъ.

Реби Фола потянулъ ухо къ Морицу и проинталь:

— Такъ это было на сценѣ!

— Да, реби Фола, — молчите, — все это было на сценѣ.

— Хорошо, хорошо!

Гонорать продолжать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Это я могъ бы говорить только для вѣрующихъ, но все равно. Прощель слухъ въ народѣ, что подь Злочевомъ въ лѣсу на пастѣкъ поселился человекъ святой жизни. Онъ завель пчель, давалъ людямъ лѣкарства и ни отъ кого ничего за это не бралъ. Бѣдные глупые русны прозвали его между собою «пчелиный королекъ». Стали къ нему ходить отовсюду: онъ исцѣлялъ всѣхъ, у кого бы какая болѣзнь ни случилась. Если у кого было пехорошо на сердцѣ отъ сердечныхъ мыслей — и тѣ тоже къ нему приходили. И я тоже пошелъ, чтобы его видѣть. До Львова я доѣхалъ и все держалъ постъ дорѣгой, а дальше пошелъ пѣшкомъ, чтобы какъ можно лучше себя приготовить къ бесѣдѣ съ святымъ человекомъ. Нашелъ его очень легко: живеть въ лѣсу — одинъ... старый, весь обросъ бородой, етъ бѣлой свиткѣ, и даже пахнетъ отъ него прекрасно святостью, — медомъ и воскомъ... А глаза — такъ насквозь всего человека и проникають. Посмотрѣлъ онъ на меня и говорить:

— Тебѣ надо покой, — иди отпочни у меня въ халушкѣ, а завтра съ тобой будемъ бесѣдовать.

Положилъ меня въ халушку и заперъ на ключъ, а утромъ вывелъ и говорить:

— Теперь ты мнѣ можешь открыться.

Я ему сталъ псовѣдываться и все, все рассказалъ, и что тогда дѣлалъ, и что теперь дѣлаю, и прошу:

— Отпусти мнѣ, отче!

Онъ говоритъ:

— Для того, чтобы отпустить раба, есть въ Библии правило. Я тебя могу отпустить, но только по этому правилу. Я согласился. Онъ похвалилъ.

— Вотъ, говоритъ, — хорошо. милый сынъ мой (такъ и называлъ: *милый сынъ*); пойдѣмъ теперь къ двери, я тебя отпущу, какъ должно, по закону.

И тутъ, госнода, вдругъ и совершенно неожиданно разыгралась вторая удивительная и невѣроятная сцена.

Реби Фола разинулъ ротъ и уронилъ сухарь.

— У васъ худой ротъ, реби Фола! — крикнулъ Мориць.

— Нѣтъ, я слушаю. что было на сценѣ.

Гонорать продолжалъ:

— А по закону, — сказала королекъ: — когда надобно отпустить раба, то надобно его вотъ какъ. Подходи, братъ, сюда... Стань вотъ здѣсь на порогѣ у притолки. прислонись къ притолкѣ... Такъ!.. Еще плотнѣе!

Я сталъ и прислонился, а онъ, подлець, вдругъ какъ хватить меня сзади шиломъ, такъ сквозь ухо къ притолкѣ и пришилилъ...

— Это такъ и надо! — оживился Фола. — Такъ слѣдовало!

— Почему же такъ слѣдовало?

— По Второзаконію.

— Второзаконіе! Чортъ бы тебя взялъ со всею твоею раввинскою ученостью, — закричалъ на него Гонорать и досказалъ, что пустынный, пригвоздившій его шиломъ къ притолкѣ, оказался не кто иной, какъ бывший ксендзь Флоріанъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

— Вы. можетъ-быть, ошибльсь, капитанъ?

— Я не могъ ошибиться, Мориць! Да и, наконецъ, вѣдь мы объяснились.

— Объяснились?

— Какъ же! Когда онъ ушилилъ меня шиломъ къ притолкѣ... вѣдь это было такъ больно, что я закричалъ всю ночь и никуда не могъ тронуться... А онъ — чтобы ему околѣть — сталъ передо мною, снялъ съ себя бѣлый парикъ, подвернулъ руки въ бока и спрашиваетъ:

— Узнаешь ли ты меня, наконецъ, противная собака въ

австрийскомъ ожерелкѣ? Ты, негодяй, пришелъ сюда, чтобы за мною шпионить, а я тебя сейчасъ и разгадаю; и вотъ за это ты престоишь здѣсь приколотый къ притолкѣ до тѣхъ поръ, пока издохнешь голодной смертью, а я уйду въ такое мѣсто, гдѣ меня другая такая собака, какъ ты, не отыщетъ.

И съ этимъ онъ досталъ изъ-подъ пола кшеу съ деньгами, показалъ мнѣ шишъ и ушелъ, а меня заперъ.

— Вотъ такъ гемютлихъ! — воскликнуть Морицъ.

— Да! И представь себѣ, другъ мой Морицъ, что вѣдь я, дѣйствительно, такъ и стоялъ приколотенный цѣлыми сутки. Что это была за мѣла! Я тебѣ и сказать не могу. Отъ боли я не могъ вынуть шила. А ухъ!.. Описать нельзя, что сдѣлалось съ моимъ ухомъ... Оно у меня пухло, какъ широгъ на опарѣ, а при этомъ шла ужасная стрѣльба во всей головѣ и ко всему этому сѣсть невозможно. Я, Морицъ, молился, жарко молился... и какъ я плакалъ!..

Въ этомъ мѣстѣ разказа въ голосѣ Гонората задрожали слезы. и онъ торопливо вытащилъ изъ кармана платокъ и закрылъ свое лицо.

Целестинъ посмотрѣлъ на него черезъ очки и прошипѣлъ:

— Мерзавецъ!

Черезъ минуту Гоноратъ продолжалъ:

— Я думалъ, что я непременно тамъ и умру голодною смертью; но Богъ бываетъ добръ ко всѣмъ, Морицъ! Онъ и надо мною смилловался, вѣроятно за то, что никогда не разсуждалъ на ученый манеръ, а всегда во все вѣрилъ какъ добрый католикъ. На другой день пришли къ дому благочестивые люди, чтобы просить у Флоріана благословенія. Они стали стучать. Вообрази, какъ я обрадовался! Но я не могъ имъ отпереть. Я спасъ себя только тѣмъ, что сталъ пѣть потихоньку. «Подъ Твою милость приобѣгаемъ». И хорошо, что я могъ это пѣть такъ жалостно, что благочестивые люди не могли разобрать моего голоса и подумали, что это поетъ самъ Флоріанъ. И Богъ Милосердный такъ сдѣлалъ, что мой голосъ издали былъ совсѣмъ какъ Флоріановъ голосъ, и благочестивые люди подумали, что это Флоріанъ кончается, и отбили запертую дверь. О, какое это было благополучіе! Они свили меня съ шила и начали меня бить палками, подозрѣвая, что я раз-

бойникъ и былъ съ товарищами, которые убили или увели въ плѣнъ Флоріана. Я ихъ упросилъ, чтобы меня отвели къ комиссару. Комиссаръ отправилъ меня въ Вѣну. Въ Вѣнѣ хотѣли мнѣ ухо отрѣзать, но, къ счастью, отлично вылъчили не рѣзавши — только вотъ эта дырка отъ шила осталась.

Гонорать показалъ на свою бирюзовую заклепку и, вздохнувъ, добавилъ:

— И вотъ только съ тѣхъ поръ мнѣ легче вспомнить и про Якуба, и про паныча Герлику, потому что не одни они, а и я тоже пострадалъ отъ отца Флоріана.

— Только вы нѣсколько меньше, а они больше, — замѣтилъ Мориць.

— Это правда; но знаешь, вѣдь тутъ много зависитъ оттого, какъ смотрѣть на дѣло.

— Конечно, ксендзь Флоріанъ сначала сдѣлалъ изъ вашей милости препоганого палача, а потомъ преогромнаго дурака; но, однако, какъ ни смотри, вы все-таки живы.

— Да, я живъ... это правда.

— И ѣдите курку съ масломъ.

— Ымъ... иногда... А тебѣ завидно?

— И служите австрійскимъ жандармомъ, — подсказалъ Целестинъ.

— Да, и служу австрійскимъ жандармомъ... А все-таки вы мою душу не знаете и не можете судить: лучше мнѣ или не лучше, чѣмъ Якубу и Гершкѣ.

— Нѣтъ, лучше, лучше! — заметался реби Фола.

— Ты почему знаешь?

— По Писанію, — отвѣчалъ реби Фола, и, поднявъ передъ собою въ лѣвой рукѣ сухарь, онъ точно читалъ съ нимъ подл указку слова изъ Кагелота: «Псу живому лучше, чѣмъ льву умершему».

Мориць и Целестинъ расхохотались. Реби Фола не понималъ въ чемъ дѣло и увѣрялъ, что у Кагелота, дѣйствительно, такъ написано: «Псу живому лучше, чѣмъ льву умершему».

Гонорать всталъ, вздохнулъ, поглядѣлъ на свои часы и проговорилъ ко всѣмъ безразлично:

— Всѣ вы — безчувственные животныя, и я еще не теряю надежды, что когда-нибудь мнѣ придется васъ повѣсить.

— Въ чей же бенефисъ, панъ капитанъ, вы насъ хотите повѣнть? — спросилъ Морицъ.

— А это для меня безразлично, панъ трактиричикъ, — отвѣчала шаловливо Гонорать и, вскинувъ на локоть свой карабинъ, онъ никому не кивнулъ головою и пошелъ встрѣчать подходившій срочный поѣздъ.

Съ этимъ поѣздомъ прибылъ и тотъ дѣловой человекъ, котораго я ожидалъ. Мы скоро переговорили все, что надо было по дѣлу, а потомъ я ему рассказалъ и о томъ, что слышалъ въ корчмѣ, и спрашиваю его: «неужто всему этому можно вѣрить?» Онъ же мнѣ отвѣчаетъ:

— А чортъ ихъ разберетъ! Да и зачѣмъ это нужно намъ вѣрить или не вѣрить?

— Чтобы уяснить себѣ: коего духа эти люди?

— Ну, вотъ пустяки!

— Какъ! Духъ — пустяки?

— Да, разумѣется, пустяки. Гдѣ теперь духа искать! Смотрите, пожалуйста, гдѣ хотите — на всѣхъ людскихъ лицахъ ничего яснаго не стало видно. Все какіе-то тусклые шершаки, точно волки травленные: шерсть клоками, морды скаленные, глаза спаленные, уши дерганья, хвосты терханые, гачи рваные, а бока драные — только всего и цѣлаго остается, что зубы смоленные, да первая родимая шкура не выворочена. А вы въ такихъ-то отренкахъ хотите разыскивать признаки цѣлостнаго духа! Травленный волкъ объ какую землю ударится, тамъ чѣмъ надо, тѣмъ онъ и скинется.

— Однако, что же хорошаго, если это у васъ такъ и въ Цислейтаніи и въ Транслейтаніи.

— Да вездѣ это теперь такъ. гдѣ вамъ угодно, — не только у насъ въ Цислейтаніи и въ Транслейтаніи, а и во Франціи, и въ Италіи, и такъ далѣе: травленный волкъ вездѣ одной породы; онъ объ какую землю ударится — тамъ чѣмъ ему надо. тѣмъ онъ и скинется.

— А къ чему же это, по-вашему, сведется!

— Да сведется къ такому прелюбопытному положенію, что никто, наконецъ, не будетъ знать, съ кѣмъ онъ дѣло имѣетъ.